

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный
педагогический университет»
Исторический факультет
Российская академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии

**Современный учебник по истории:
теоретико-методологические,
содержательные и методические аспекты**

**Ежегодник. XVIII всероссийские
историко-педагогические чтения
Часть I**

Екатеринбург
2014

УДК 372.893+371.64/.69(082)
ББК 4426.63-286.2С56

Редакционная коллегия

Г.Е. Корнилов

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
(главный редактор)

З.И. Гузненко

кандидат исторических наук, профессор

В.Н. Земцов

доктор исторических наук, профессор

И.М. Клименко

кандидат педагогических наук, профессор

Г.А. Кругликова

кандидат исторических наук, доцент (отв. за выпуск)

Современный учебник по истории: теоретико-методологические, содержательные и методические аспекты. Ежегодник. XVIII всероссийские историко-педагогические чтения: сб. науч. ст. / ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2014. Часть I – 258 с.: табл., схемы.

В сборник включены материалы, представленные на XVIII всероссийские историко-педагогические чтения, состоявшиеся на историческом факультете УрГПУ 27-29 марта 2014 г. В сборнике представлены публикации, в которых рассматриваются актуальные теоретико-методологические, конкретно-исторические и методические аспекты современного учебника по отечественной истории. Обозначены дискуссионные вопросы всеобщей истории и проблемы современного учебника. Актуализированы наиболее важные направления поиска исторических знаний и их трансформация в историческом образовании. Издание рассчитано на научных работников, преподавателей вузов и учителей школ, аспирантов и студентов, интересующихся проблемами истории, теории и методики обучения истории.

Modern history textbook: theoretical and methodological, substantive and procedural aspects. Yearbook. XVIII All-Russian historical and pedagogical readings: Sat scientific. Art. / FSBEI HPE «Ural state pedagogical university», History and archeology institute UB RAS. Yekaterinburg, 2014. Part I. - 258 p.: tables, scheme.

The collection includes material presented at the XVIII All-Russian historical and pedagogical readings held at the History Department USPU 27-29 March 2014 The collection contains publications, which discusses current theoretical and methodological, concrete historical and methodological aspects of the modern textbook on Russian history. Marked general discussion questions and problems of contemporary history textbook. Actualized most important areas of the search of historical knowledge and their transformation in history education. The publication is intended for researchers, university lecturers and school teachers and students with an interest in history, theory and methods of teaching history.

ISBN 978-5-7186-0585-3

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2014

Содержание Пленарное заседание

Побережников И.В. (Екатеринбург) КОНЦЕПЦИЯ НОВОГО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	6
Зубков К.И. (Екатеринбург) РОССИЙСКАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ В ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ.....	12
Соколова Е. С. (Екатеринбург) О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ: ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ НОВОГО УЧЕБНИКА ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.....	22
Корнилов Г.Е. (Екатеринбург) РАЗРАБОТКА ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПРЕПОДАВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ.....	35
Алексеева Л.В. (Нижевартовск) ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА ПЕРИОДА 1960-1980-Х ГГ. В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ.....	41
Новиков И.А. (Челябинск) РЕГИОНАЛЬНЫЙ УЧЕБНИК В КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО УЧЕБНО- МЕТОДИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПО ИСТОРИИ РОССИИ.....	49

РАЗДЕЛ I

Актуальные проблемы современного учебника по отечественной истории

Горбачев О. В. (Екатеринбург) РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ГРАДООБРАЗОВАНИЯ.....	61
Грибан И.В. (Екатеринбург) ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ КАК ПОПЫТКА ПРИМИРЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИОГРАФИЙ.....	72
Даренская И.В. (Нижний Тагил) «ПОЛЕ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ И МАНИПУЛЯЦИИ»: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА 1930-Х ГГ. В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ И ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ.....	79

Демина Ю. В. (Екатеринбург) ДВА ТРАГИЧНЫХ ГОЛОДА НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНОГО УЧЕБНИКА ИСТОРИИ.....	90
Земцов В.Н. (Екатеринбург) ИСТОРИЯ РОССИИ КАК ЧАСТЬ МИРОВОЙ ИТОРИИ? О КОНЦЕПЦИИ «ЕДИНОЙ ЛИНИИ» УЧЕБНИКОВ ПО ИСТОРИИ.....	96
Кругликова Г.А. (Екатеринбург) ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННЫХ КУРСАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.....	103
Кузьмина А.П. (Екатеринбург) СЕЛЬСКАЯ ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. И ЕЕ ОСВЕЩЕНИЕ В ШКОЛЬНЫХ И ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ.....	112
Кусков С.А. (Челябинск) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В СВЯЗИ С ВНЕДРЕНИЕМ ЕДИНОГО УЧЕБНОГО КОМПЛЕКСА ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА (ВЗГЛЯД ИСТОРИКА-АРХИВИСТА).....	124
Лешукова Е.В. (Сургут) ПРОБЛЕМЫ ОСВЕЩЕНИЯ ТЕРРОРА ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ШКОЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ.....	133
Майбурова С. А. (Нижевартовск) К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ РАБОТЫ ПЯТИКЛАССНИКОВ С УЧЕБНИКОМ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА.....	142
Мезенцев В.Ф. (Нижний Тагил) ДИСКУССИИ ВОКРУГ НОВЫХ УЧЕБНЫХ ПЛАНОВ ПО ИСТОРИИ В БРИТАНИИ.....	147
Мельникова А.М. (Красноуфимск) СРЕДНИЙ И МЛАДШИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРСОНАЛ КРАСНОУФИМСКОГО ЗЕМСТВА В 1870–1917 ГГ.....	154
Мельникова Н.В. (Екатеринбург) СОВЕТСКИЙ АТОМНЫЙ ПРОЕКТ В ШКОЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	162
Начапкин М.Н. (Екатеринбург) О РОЛИ КОНСЕРВАТОРА К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА В ПОДГОТОВКЕ КОНТРРЕФОРМ АЛЕКСАНДРА III.....	170
Островкин Д.Л. (Екатеринбург) ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В ИРБИТСКОМ УЕЗДЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.....	182

Павлова Я.В. (Екатеринбург) УРАЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ОТРАЖЕНИИ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ.....	190
Попп И. А. (Екатеринбург) СТАНОВЛЕНИЕ МЕСТНОГО СУДА В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕВИЗИИ СЕНАТОРА П.Н. КЛУШИНА).....	197
Постникова А.А. (Екатеринбург) ВОЙНА 1812 Г. В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И ФРАНЦИИ.....	204
Трифонов А.Н. (Екатеринбург) КУЛЬТУРНО-МАССОВАЯ РАБОТА НА КАЧКАНАРСКОМ ГОКе (1963-1972 гг.).....	210
Трофимов А.В. (Екатеринбург) УЧЕБНИК ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	217
Фельдман М.А. (Екатеринбург) ЕЖЕГОДНЫЙ ДОКЛАД МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ О ПРОБЛЕМЕ ДОСТУПНОСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	223
Черезова О.Г. (Екатеринбург) «ВОЕННЫЙ СЛЕД» В ДЕМОГРАФИЧЕСКХ ПРОЦЕССАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	229
Черноухов Э.А. (Екатеринбург) ПРОСВЕЩЕНИЕ – СРЕДСТВО БОРЬБЫ С ЦЕРКОВНЫМ РАСКОЛОМ? (НА ПРИМЕРЕ ЧАСТНЫХ ГОРНОЗАВОДСКИХ ХОЗЯЙСТВ УРАЛА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.).....	232
Чернышова И.И. (Лесной) ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ ПОВЫШЕННОГО ТИПА НА УРАЛЕ В 1920-Х ГОДАХ.....	239
Шистеров М.В. (Екатеринбург) СОВРЕМЕННЫЕ УЧЕБНИКИ И (НЕ)СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ (О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕБНИКОВ ПО АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ).....	247
Сведения об авторах	257

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК

372.893+371.671.1

ББК 4426.632-268.2 ГСНТИ 14.35.19 Код ВАК 13.00.08

И.В. Побережников

Екатеринбург

**КОНЦЕПЦИЯ НОВОГО УЧЕБНО-
МЕТОДИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПО
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концепция, учебник, методология, многоуровневый подход, многоаспектный характер, антропологический акцент.

АННОТАЦИЯ. В статье методологическое обеспечение «Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории», в частности, предложенные авторами концепции многоуровневый подход, многофакторное представление истории, антропологический акцент.

I.V. Poberezhnikov

Yekaterinburg

**THE CONCEPT OF A NEW METHODOLOGICAL COMPLEX
ON A RUSSIAN HISTORY: METHODOLOGICAL
ASPECTS**

KEY WORDS: the concept, the textbook, methodology, the multilevel approach, multidimensional character, anthropological accent

ABSTRACT. The article is devoted to analysis of methodological maintenance of «The Concept of a new methodical complex on a Russian history», in particular, the concepts of the multilevel approach, multifactorial representation of history, anthropological accent.

При подготовке «Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории» естественно возникает проблема его методологического обеспечения, призванного показать, каким образом получаются

достоверные и проверяемые факты и выводы в исторической науке, как конструируется текст с описанием событий и отобранными датами для запоминания. Несмотря на то, что пока в концепции преобладает описательно-событийный подход, некоторые методологические постулаты в ней зафиксированы.

Авторы-составители концепции настаивают на «многоуровневом представлении истории», что, по их мнению, должно означать сочетание в курсе отечественной истории «истории Российского государства и населяющих его народов, истории регионов и локальной истории (прошлое родного города, села)» (1. С. 6). Такой подход, как полагают авторы, «будет способствовать осознанию школьниками своей социальной идентичности в широком спектре – как граждан своей страны, жителей своего края, города, представителей определенной этнонациональной и религиозной общности» (1. С. 6).

В целом с такой установкой можно согласиться. Однако, применение многоуровневого подхода требует дополнительного обоснования (6. С. 55—65). Дело в том, что история – всеобъемлющий, многоплановый, многомерный процесс, протекающий на макро- (мировом, цивилизационном, страновом), мезо- (региональном) и микроуровнях (локальном, личностном). При этом факторы, закономерности, механизмы исторического развития на разных общественных уровнях не являются идентичными, подчиняются различным логикам. Соответственно, выводы, справедливые применительно к одному общественному уровню, не могут автоматически переноситься на другой. Таким образом, существует необходимость самостоятельного анализа исторических процессов на различных общественных уровнях и установления соответствия, согласования (также как и несоответствия, расстыковки) между ними. Процессы можно и следует изучать на разных общественных уровнях, поскольку последние не сводимы элементарно друг к другу, и ни один вывод, касающийся определенной сферы, не может, согласно «закону уровней» З. Кракауэра, автоматически переноситься на более общую сферу.

Системно-мировой уровень. Наиболее высокий уровень обобщения – мировой или мир-системный (взаимосвязанность динамик развития различных обществ в мировом масштабе; системные влияния). Единство развития в контексте системного уровня оказывается своеобразным, поскольку применительно к взаимодействующим территориям функционируют разнонаправленные механизмы, что имеет следствием обратную зависимость между динамиками развития взаимодействующих пространств. Тенденции восходящего развития в одних пространствах могут вызывать тенденции нисходящего (параллельного, «другого») развития в других. Так, например, рост капитализма в странах западного «ядра» вызывал распространение принудительного труда («вторичное закрепощение») в странах Центральной-Восточной Европы (Ф. Бродель, И. Валлерстайн), кризис перенакопления в Западной Европе сопровождался индустриализационным рывком в России на рубеже XIX—XX вв., «Великая депрессия» на Западе на рубеже 1920—1930-х гг. в определенной степени облегчила проведение сталинской индустриализации в СССР и т.д.

Цивилизационный макроуровень. Исторические процессы приобретали различные конфигурации в разных цивилизационно-культурных контекстах. Цивилизации складывались исторически, под влиянием географических условий, в процессе ответов на вызовы экологической и общественной среды, в результате осуществленных когда-то ценностно-культурных выборов и т.д. Сформировавшиеся как преимущественно надстрановые культурно-исторические массивы, занимающие обычно большие территории, цивилизации в определенном смысле выступали в качестве стратегий выживания, самоорганизации человеческого времени-пространства. Фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживали завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику. Применительно к России цивилизационный и страновой уровень в значительной степени совпадали, но не всегда и не во всем, что также может стать предметом рефлексии.

Страновой макроуровень. Национально-страновой уровень является наиболее разработанным. При этом к числу наиболее интересных сегодня тем по-прежнему относится вопрос о факторах вариативности странового развития, к числу которых, вероятно, следует отнести: 1) природно-географические особенности, местоположение страны; 2) площадь и состав населения; 3) менталитет; 4) суверенное развитие или периоды колониального управления в истории страны; 5) время вступления страны в активную промышленную конкуренцию (чем позднее, тем более велик накопленный страной разрыв со странами-лидерами); 6) выбор экономической стратегии (широкий спектр вариантов адаптации к условиям внешней конкуренции включает как активное участие в международном разделении труда, открывающее возможность успешной модернизации, так и самоизоляцию, сопряженную в перспективе с малопродуктивным хозяйственным дирижизмом); и др.

Региональный мезоуровень. Менее освещенным по-прежнему остается субстрановой (региональный) уровень. Необходимость исследования исторической динамики на региональном уровне обусловлена значимостью пространственных измерений исторического развития, территориальной неоднородностью исторических субпроцессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в историческом контексте (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика).

Локальный микроуровень. Необъятный простор для исследований представляет локальный уровень. Разнообразие исторических ситуаций разрастается здесь до наивысших пределов. По большому счету, именно микроуровень порождает макроисторию; историческая динамика обеспечивается многочисленными действиями людей; их выборы и стратегии способствуют формированию новых социальных структур, обуславливая, таким образом, и своеобразие рисунка «становящегося» общества, подчеркивая его национальную специфику.

Далее, концепция базируется на постулате о многоаспектном (многофакторном) характере истории, что

предполагает «возможности для раскрытия разных сторон исторического процесса»: «речь идет об экономике, о внутренней и внешней политике государства, о взаимоотношениях власти и общества, о социальной стратификации, общественных представлениях и повседневной жизни людей, о военном деле и защите своего Отечества, о развитии в стране науки, образования, духовной и художественной культуры, о церкви и религиозных учениях и др.» (1. С. 6—7).

Данный методологический акцент очень важен, однако, как нам кажется, в концепции он трактуется излишне описательно, сводится к подчеркиванию комплексного характера истории. Между тем, углубляясь в изучение многофакторности, можно пытаться вскрывать фундаментальные механизмы, которые оказывают воздействие на ход и характер исторических процессов. Определенные успешные попытки в этом направлении осуществлены в новейшей историографии, в частности, в работах С.А. Нефедова, который выделил и попытался проследить влияние на историческую динамику трех (макро-)факторов: географического, демографического и диффузионно-технологического (3, 4, 5).

Весьма своевременен антропологический акцент, сделанный авторами концепции («Человек в истории»). В целом он корреспондирует с теми трансформациями, которые пережило гуманитарное знание в последние десятилетия XX в. и начале XXI в. (антропологический поворот, легитимировавший многогранное изучение индивида в его повседневной, эмоциональной, культурной, интеллектуальной жизни) (2, 7). Действительно, «человеческое наполнение и измерение истории прививает интерес и уважение к своей истории, служит источником и инструментом формирования у молодого поколения личностного, эмоционально окрашенного восприятия прошлого», способствует «воспитанию патриотизма и гражданственности», «выработке у молодого человека чувства сопричастности с историей страны», превращает учебное пособие в «увлекательный рассказ о прошлом, о людях и их характерах, о повседневной жизни» (1, с. 7). Однако, значимость

антропологического акцента не сводится только к педагогическим или дидактическим моментам, он позволяет углубить и расширить познавательные горизонты в исторической сфере, взглянув на историю как на процесс осуществления поведенческих стратегий, человеческой деятельности по достижению интересов.

Подобные подходы приобретают особую ценность при изучении эпох масштабных исторических преобразований, когда социальные структуры только формируются, «становятся» и поэтому выглядят аморфными, постоянно меняющимися, в связи с чем их основы порой очень трудно проследить. Именно люди создают новые порядки, подвергают общество реструктуризации; новые общественные системы формируются как коллективный результат индивидуальных выборов и действий — реструктуризация общества в подобной ситуации может рассматриваться как взаимодействие старых коллективных достижений и новых выборов и действий, осуществляемых индивидуальными членами общества.

Литература:

1. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL: http://rushistory.org/wp-content/uploads/2013/11/2013.10.31-Концепция_финал.pdf
2. Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2004.
3. Нефедов С.А. Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008.
4. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. Т. 1: С древнейших времен до Великой смуты.
5. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2011. Т. 2: От окончания Смуты до февральской революции.
6. Побережников И.В. Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновой, региональный, локальный (теоретические аспекты) // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 июля 2009 г. Екатеринбург: БКИ, 2009. С. 55—65.

7. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

УДК

94(470/571):378

ББК ТЗ(2)р

ГСНТИ 14.25.09

Код ВАК 13.00.02

К.И. Зубков

Екатеринбург

**РОССИЙСКАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ В ВУЗОВСКИХ
УЧЕБНИКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ:
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ
И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учебник, Россия, отечественная история, историография, современная история, темпоральность, периодизация.

АННОТАЦИЯ. На основе анализа современных вузовских учебников отечественной истории и крупных исторических трудов статья рассматривает комплекс методологических проблем, связанных с содержательными характеристиками и хронологическими рамками современного периода истории России, соотносит его периодизацию с темпоральной структурой истории, обозначает спорные вопросы осмысления его диалектической связи с российским прошлым и его исторической новизны.

K.I. Zubkov

Yekaterinburg

**RUSSIA'S PRESENT TIMES IN THE UNIVERSITY
TEXTBOOKS ON HOMELAND'S HISTORY:
CHRONOLOGICAL BOUNDS AND CONTENT
MATTERS**

KEY WORDS: textbook, Russia, homeland's history, historiography, contemporary history, temporality, division into periods

ABSTRACT. On the basis of analyzing current university textbooks on homeland's history and major historical works, the article examines a set of methodological problems concerned with the content characteristics and chronological bounds of the present times' period of Russia's history, bringing it into the correlation with temporal frames of historical process and signifying the debated issues in comprehending its dialectical relations with the Russian past and historical novelty.

Современный период истории России представляется одним из наиболее сложных и наименее концептуально разработанных в вузовских учебниках отечественной истории – как, впрочем, и в целом в новейшей российской историографии. Разберем подробнее, в чем заключаются наиболее характерные методологические трудности с выделением и осмыслением этого важнейшего переломного периода истории России.

С известным основанием можно говорить о том, что отечественные историки как будто уже пришли к определенному консенсусу относительно хронологических границ и проблемно-логических критериев выделения современного периода истории России. Период этот, фиксируемый достаточно строго, посредством хронологической шкалы (с 1985 по настоящее время, т.е. время написания того или иного учебника) или менее определено, но с известной опорой на метод качественной оценки («последние годы существования Советского Союза и первые годы Российской Федерации»(12); период «от кризиса коммунизма до становления новой России» (9); период «глубоких социальных и политических изменений», в ходе которых проявилась сложная диалектика «кризиса и реформ» (4. С. 9); период «кризиса тоталитарного режима», «постсоциалистической трансформации» и «рыночных реформ» (5. С. 766), во всех отношениях видится как целостный, качественно определенный, интегрируемый внутренней логикой своего развития. Р.Г. Пихоя и А.К. Соколов, отталкиваясь от распространенной на Западе схемы периодизации истории, определяют его как период «современной истории», имеющей своим английским эквивалентом понятие «current history» (12. С. 3). Это определение, однако, представляется не вполне корректным, поскольку английское понятие «current» (от *лат.* *currere* – течь) имеет очень узкий временной горизонт или вообще не имеет такового: это то, что происходит или существует *сейчас*, в данный момент времени (14. Р. 341). Известный американский журнал «Current History», например, позиционирует себя как издание, нацеленное исключительно на мониторинг текущих событий международной жизни – *текущей истории*, фактически, неотделимой от настоящего. Поэтому

темпоральной характеристикой рассматриваемого периода было бы все-таки правильнее избрать другой, более протяженный во времени, эквивалент понятия «современный» – contemporary, который вышеназванные авторы отождествляют с «новейшей историей». Как «новейшее время» обозначают современный период истории СССР/России (с 1985 г.) и авторы учебника отечественной истории, подготовленного в Российском государственном гуманитарном университете под редакцией проф. А.Б. Безбородова (9). Эта характеристика периода, в свою очередь, создает определенные сложности с хронологическим различием *современного периода* российской истории и не имевшего раньше верхней хронологической грани *советского периода* (начиная с 1917 г.), который в некоторых случаях и сейчас определяется как «новейшее время» (7). Очевидна, однако, относительность последнего понятия: «новейшим» может, в принципе, называться любой незавершенный период, открытый настоящему.

Сразу необходимо отметить, что типичное для отечественных историков понимание принципов *периодизации* во многом не согласуется с той ее схемой, которая столь же распространена и привычна для их западных коллег. Если в сознании российского историка, как правило, доминирует представление о *периодах истории* как о последовательно сменяющих друг друга и однородных с точки зрения темпоральной структуры *отрезках времени* (что, видимо, обусловлено длительным воздействием марксизма с его «пятичленной» схемой всемирно-исторического процесса), то используемые на Западе для обозначения *современного периода* истории понятия «current», «contemporary», «modern» отнюдь не могут служить обозначением последовательно сменяющих друг друга периодов истории. Различение этих понятий, соотносящихся друг с другом по принципу концентрических кругов, определяется, прежде всего, *глубиной ретроспекции*, осуществляемой из *настоящего* времени (как «осевой» позиции), и релевантным этой глубине *историческим содержанием*. В этом отношении понятие «modern history» характеризует современную историю преимущественно как историю зарождения, развития и, возможно, заката *современной*

цивилизации с присущими ей типом мышления и мировосприятия, институциональными, технико-технологическими, экономическими и экологическими *параметрами* (отсюда и этимология понятия «modern», восходящая к *лат. modus* – мера, способ). Отсюда в западной историографической традиции эпоха «modern history» хронологически определяется более или менее четко: это вся история человечества с середины XV в. до наших дней (16. Р.1336). Это, по масштабу времени и структурным свойствам, скорее *эпоха*, чем период. «Contemporary history» – это история «короткого» XX века с его неузнаваемо измененными Первой мировой войной и присущими только ему особенностями экономических, политических и социальных *процессов*. Вполне понятно, что при этом «contemporary history» большей своей частью продолжает мыслиться нами в границах *эпохи модернити*. Тогда «current history» можно отождествить с диапазоном ближайших к нашему времени, почти неотделимых от настоящего (если не текущих, то, безусловно, «вчерашних») явлений истории – скорее *событий*, чем процессов.

Здесь обнаруживается если не полное совпадение, то очевидная аналогия с той *структурной концепцией социального времени*, которая была предложена в свое время одним из корифеев школы «Анналов», французским историком Фернаном Броделем. Он, как известно, выделял три категории событий и процессов, соотнося их с *темпами исторических изменений*, наблюдаемых в различных сферах человеческой жизни: инерционные в силу неизменного циклического воспроизводства «события большой длительности»; реализующиеся в виде экономико-демографических и технологических трендов «события средней длительности» (или «история структур»); и определяемые последствиями индивидуальных, *одноактных* политических действий, регистрирующие малейшие перемены «события краткой длительности» (1. С. 20–21). Очевидно, что все три категории событий *разнокачественны по содержанию* и требуют для своего исследования *разной глубины ретроспекции*.

Отсюда мы можем сделать, по крайней мере, два предварительных вывода:

1) Вопрос о месте *современной российской истории* в темпоральной структуре исторического процесса не представляется в настоящее время окончательно разрешенным. В самом деле, остается далеко не ясным, с какой категорией темпоральности – «modern history», «contemporary history» или «current history» – мы должны связывать *основное содержание* современной истории России и какую *глубину ретроспекции* (а, следовательно, и хронологические границы) предложить для ее исследования. Проиллюстрируем это только одним примером.

Принцип континуитета, выражающий идею *непрерывности* исторического развития, и принцип историзма, раскрывающий содержание настоящего через его преемственную связь с прошлым, непреложно требуют от историка обращения к исследованию предпосылок и причин каждого исторического события – как ближайших, непосредственных, так и весьма отдаленных во времени. При попытках каузального объяснения крупных революционных изменений, общественных переворотов – таких, какой имел место в России в 1991 г., всякий историк тем более будет поставлен перед такой задачей. И, конечно, выделяя современную историю как целостный в своем содержании период, логично будет объединить в его рамках и само свершившееся историческое событие, и его генезис. Не ясно, однако, с какого времени мы можем говорить о *кризисе* советской системы экономики и власти как о комплексной причине революционных изменений 1990-х гг. Когда кризис советской системы принял по-настоящему необратимый и кумулятивный характер, чтобы его можно было рассматривать как непосредственную причину и прелюдию наступившего в 1991 г. коллапса СССР? Р.Г. Пихоя и А.К. Соколов, например, датируют этот системный кризис концом 1970-х гг., в то время как другие авторы отодвигают его в прошлое неопределенно далеко, вообще рассматривая советскую систему, начиная с 1917 г., как систему управления в условиях *перманентного*, все более обостряющегося с каждым крупным историческим шагом кризиса (2. С. 213). Для полноты картины заметим, что есть и полностью альтернативные точки зрения, наоборот, резко сужающие горизонт фатального кризиса советской системы и

подводящие его непосредственно к середине 1980-х гг., объясняя в первую очередь совпадением во времени целого ряда неблагоприятных внешних и внутренних факторов (6. С. 307) – отчего и само падение СССР предстало в форме коллапса, внезапного обрушения всей социально-политической конструкции. Как предельную фокусировку причин краха советского социализма целиком на событиях и обстоятельствах середины 1980-х гг. (причем больше внешних, чем внутренних) можно расценивать различные конспирологические версии, «теории заговора». Одна из наиболее интересных и неплохо документированных версий такого рода была представлена в нашумевшей работе американца Питера Швейцера «Победа» (15), которая подбрасывает сторонникам геополитизации проблемы краха СССР ряд очень сильных аргументов. Очевидно, что различия всех вышеперечисленных позиций касаются не только хронологии системного кризиса СССР, но и его природы; смысловая дистанция между данными точками зрения такая же, как между закономерностью и случайностью.

При определении хронологических границ российской современности можно, пожалуй, указать только на одну точку определенности – верхнюю хронологическую грань современного периода, которой является само настоящее, «наши дни». Хотя сегодня уже налицо историографические новации, стремящиеся «закрыть» трансформационный период уже началом XXI века – как рубежом завершения решающих институциональных реформ (период «бурных перемен», «революционного натиска» и т.п.) и перехода российского общества в русло стабильного развития на полностью обновленных системных основаниях (5. С. 760). Нет нужды говорить о том, что такая постановка вопроса – особенно в свете переживаемых сейчас миром и страной кризисных явлений – явно преждевременна.

2) Исходя из структурной «многослойности» потока исторического времени, необходимо учитывать, что *содержание* современной истории столь же *неоднородно*. В нем можно обнаружить, во-первых, проявления глубоко инерционных, так называемых «вечных» факторов развития, характеризующих уходящее в глубь веков цивилизационное,

геополитическое и ментальное своеобразие России, своего рода неуничтожимый «гештальт» российской архаики. Как справедливо отмечает Г.И. Зверева, необычайный расцвет так называемой «новой» российской *историософии* (от различных реанимированных вариантов «русской идеи» до неоевразийства), претендующей на выявление «вечных» категорий и алгоритмов исторического бытия России как основы ее *самоопределения* в настоящем и будущем, не только выдает поспешные, в ряде случаев облегченные попытки ответить на идеологические и геополитические запросы нынешней государственной власти, но и говорит о серьезном кризисе концептосферы современной исторической науки, ее неспособности адекватно осмыслить особенности и противоречия переживаемого сегодняшней Россией этапа развития, т.е. как раз ее *современной истории* (3. С. 294–295). В связи с этим историков на данном поле начинают активно замещать философы, социологи, культурологи, филологи, что создает при исследовании влияния инерционных факторов исторического развития России определенный дискурсивный перекос в сторону абстрагирующих концептов, призванных не столько *исследовать* современные экономические, политические и социально-культурные реалии, сколько «привести их известному» – к тому или иному метафизическому пониманию «русской судьбы». Не вполне продуктивное влияние этой традиции исследований на историков можно видеть на примере ряда работ, где исторический анализ, фактически, подменен кликушеством по поводу «Святой Руси», мессианизмом самого дурного пошиба (8). Это, конечно, не означает, что отраженные в этой метафизике архаичные пласты российской истории не должны вовсе учитываться в структуре современности. Напротив, ощущается громадная потребность в исследовании того, насколько русское прошлое *присутствует* в российской современности – и в своих внешних формах (традиционализм), и в сущностных, структуральных инвариантах (консерватизм). Но, еще раз подчеркнем, исследовать этот компонент российской современности необходимо методологическими и инструментальными средствами самой исторической науки.

Во-вторых, конечно, необходимо видеть, что российская постсоветская современность в сильнейшей степени – от унаследованных атрибутов геополитической мощи (ядерное оружие, космические исследования, оборонный комплекс и т.п.) и подавляющей части производственного аппарата до стереотипов политической культуры и типичных приемов властвования – является «заложником» советского прошлого. Не требует особых доказательств, что объективно многие тенденции экономического, технологического, демографического и социокультурного развития, характерные для последних десятилетий существования СССР, без значительных изменений продолжают детерминировать и развитие современной России. Если еще больше усложнить формулировку проблемы, то в российской современности необходимо видеть двоякое – так сказать, разной дистанции и природы – влияние советского прошлого: с одной стороны, те наиболее цепкие, неуничтожимые деривации советской системы, которые наследуют ее долговременные тренды развития и структурные особенности во всем спектре их позитивных и негативных проявлений, с другой – тенденции, которые являются собственно результатом ее кризиса и распада в период «перестройки» и рыночных реформ начала 1990-х гг. Неспособность или нежелание видеть эти существенные различия могут вести к односторонним, часто взаимоисключающим интерпретациям тех масштабных трансформаций, которые происходили в России в 1990-е гг.: для одних авторов это – прогрессивные революционные преобразования, знаменующие «возвращение рынка и частной собственности» и возобновляющие «прерванный в 1917 г. путь к демократии и свободе» (5. С. 737, 744), для других – прежде всего, социальная катастрофа, «масштабное уничтожение материальной основы промышленности и сельского хозяйства» (4. С. 9), новое издание «смутного времени» (11. С. 359–363). Очевидно, что в этой полярности оценок проявляются не только различия дискурсов, но и определенные, довольно существенные абберрации исторического зрения.

Наконец, в структуре российской современности должен найти свои место и оценку тот пласт событий недавнего

прошлого, который характеризует принципиальную *новизну* исторической ситуации. Столь часто эксплуатируемые современной историографией образы этой новизны – от создания «новой российской государственности» и «новых тенденций политической жизни» (5. С. 738, 757) до рождения «новой России» в целом (12. С. 400, 408) – к сожалению, пока не только не дают внятного ответа на вопрос, сколько в российской современности действительно нового, а сколько – унаследованного от прошлого, но и прикрывают во многом понятный и объяснимый недостаток концептуальной идентификации и качественной оценки этой новой российской действительности. В этом плане весьма интересные недавние дискуссии о том, в каком смысле современный российский капитализм можно считать, действительно, «новым», а в каком – продуктом реставрации «старого», его «возвращением» или, лучше сказать, «вторым пришествием» (хотя бы в рамках цивилизационной или «мир-системной» преемственности) (10; 13), несут в себе много схоластического, но, тем менее, весьма показательны как одна из многих иллюстраций всей сложности переплетения черт традиционализма и новизны в современной российской истории. Российским историкам предстоит еще многое сделать для того, чтобы внести ясность в понимание специфических черт российской современности, которая способна пролить новый свет и на осмысление всего исторического пути России.

Литература:

1. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1.: Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 495 с.
2. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней: В 3-х кн. Кн. 1. Социализм в одной стране. М.: Изд-во «МИК», 1995. 499 с.
3. Зверева Г.И. Новая российская историософия: риторические стратегии и прагматика // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 292–315.
4. История России XX – начала XXI века / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. Л.В. Милова. М.: Эксмо, 2007. 960 с.

5. История России с древнейших времен до наших дней: учебник / А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 768 с.
6. Кругов М.В. Иная история России. М.: Время, 2008. 428 с.
7. Мухамедина Ш. Отечественная история новейшего времени: учебное пособие. 2-е изд. М.: КДУ, 2006. 236 с.
8. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: «Международные отношения», 2004. 534 с.
9. Отечественная история новейшего времени: 1985–2005 гг.: Учебник / А.Б. Безбородов, Л.М. Дробижина, Н.В. Елисеева и др.; отв. ред. А.Б. Безбородов. М.: РГГУ, 2007. 804 с.
10. Очкина А.В. Два «капитализма» в России: по материалам научной конференции // Мир России. 2009. № 1. С. 164–179.
11. Печенев В.А. «Смутное время» в новейшей истории России (1985–2003): Исторические свидетельства и размышления участника событий. М.: Норма, 2004. 368 с.
12. Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х – 1991 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 423 с.
13. Тарасов А.Н. Россия: «второе издание капитализма» // Свободная мысль. 2009. № 1 (1596). С. 31–44.
14. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners: International Student Edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd., 2006. 1692 pp.
15. Schweizer, Peter. Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy That Hastened the Collapse of the Soviet Union. N.Y.: Atlantic Monthly, 1994 – xx, 284 pp.
16. The World Book Dictionary. – Volume two L–Z / Ed. by Robert K. Barnhart. Chicago; L.; Sydney; Toronto, 1996. 2554 pp.

УДК

372.893(470/571)+371.64/.69

ББК 4426.632-286.2

ГСНТИ

03.0145

Код ВАК

13.00.02

Е. С. Соколова

Екатеринбург

**О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ
СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
СТРАТЕГИЙ : ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ
НОВОГО УЧЕБНИКА ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: единый учебник по истории, методология исторического исследования, понятийный аппарат, самодержавие, сословно-представительная монархия, абсолютизм, современная историография, историко-сравнительный метод.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме разработки понятийного аппарата современного учебника по отечественной истории с учетом новейших методологических конструкций, изложенных в доступной для понимания учащихся форме. Автор рассматривает данную проблему на примере предложенной в новом образовательном стандарте трактовки понятий «самодержавие», «сословно-представительная монархия» и «абсолютизм». В статье сделан вывод об эклектичности научных подходов, избранных для сопоставления российской и западных моделей данных государственно-правовых институтов раннего Нового времени. Критикуется отсутствие четких дефиниций, допущенных составителями концепции нового единого учебника по истории при составлении перечня понятий, обязательных для изучения школьного курса истории в его сравнительно-историческом аспекте.

E. S. Sokolova

Yekaterinburg

**ON THE METHODOLOGICAL PROBLEMS OF
MODERN SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL
STRATEGIES: CONCEPTUAL APPARATUS OF A
NEW TEXTBOOK ON RUSSIAN HISTORY**

KEY WORDS: single textbook on the history, methodology of historical research, the conceptual apparatus, Autocracy, estate-representative monarchy, absolutism, modern historiography, historical and comparative method.

ABSTRACT. The article deals with the development of the conceptual apparatus of the modern textbook on Russian history with the latest methodological designs contained in an intelligible form students . The author considers the problem on the example offered in the new educational standard treatment concepts of " autocracy ", " estate-representative monarchy " and " absolutism ." The article concluded that the eclectic scientific approaches selected for comparison of Russian and Western models of data state and legal institutions of early modern times. Criticized the lack of clear definitions of the concept of committed new single history textbook to compile the list of concepts for the study of mandatory school history course in his comparative- historical aspect.

В последнее время вузовская общественность бурно обсуждает возможные научно-образовательные и культурно-исторические последствия новой концепции единого школьного учебника истории, создающей серьезную угрозу для формирования креативного потенциала интеллектуально развитой личности. Официальная парадигма исторического процесса, предложенная участниками инициированного властными структурами образовательного проекта, отличается отсутствием продуманного методологического подхода к дискуссионным проблемам российской истории. Помимо этого новый историко-культурный стандарт, взятый за основу разработки учебно-методического комплекса для базовых и профильных классов, отличается явной тенденцией к описательному изложению материала без должного внимания к смысловому значению понятий и терминов, имеющих весьма неоднозначную трактовку в исторической и историко-правовой науке.

Многообразие существующих сегодня школьных учебников по российской истории справедливо вызывает нарекания со стороны родителей и учащихся чрезмерной вариативностью историографических интерпретаций. Вероятно, справедлив и упрек в чрезмерной наукообразности ряда учебных изданий, рассчитанных на школьников среднего и

старшего звена. Тем не менее, ярко выраженное стремление бюрократической элиты и части научного сообщества к превращению школьного курса в повествовательный цикл, состоящий из нарочито сублимированных сюжетов исторического содержания, вместо заявленного обретения национальной идентичности может привести к обратному результату. Маловероятно, что в постсоветском обществе, значительная часть которого в силу ряда исторических причин проявляет последовательный интерес к «нетрадиционной» истории, можно сформировать толерантное отношение к возможности создания единого научно-образовательного пространства в сети Интернет. Решение этой поставленной «сверху» задачи осуществляется авторами проекта с помощью создания очередного историографического мифа об отсутствии цивилизационных различий между Россией и Западом на основе поверхностных сопоставлений и некорректных аналогий.

Теоретико-методологическая несостоятельность выдвинутого разработчиками новой интеллектуальной модели школьного учебника проявляется, прежде всего, в наличии огромного количества противоречивых концептов. Их наличие объясняется не только намеренной эклектичностью подходов к «трудным» вопросам, но и желанием избежать каких-либо оценочных суждений вообще, за исключением исторических клише, заявленных в пояснительной записке. Рассуждения авторов о кардинальной роли историко-антропологического подхода в эффективном формировании мировоззрения учащейся молодежи наряду с необходимостью усиления культурологического компонента в изучении поведенческих стратегий и образа мышления людей прошлого представляют собой лишь весьма блеклое отражение модных историографических тенденций при отсутствии продуманной структуризации исторического материала по периодам и эпохам. При этом наибольшие возражения вызывают концептуально непродуманные разделы стандарта, посвященные истории культуры, с перечнем обязательных для изучения артефактов, и производящие самое удручающее впечатление формальным отношением к национальному наследию наших предков.

Создается впечатление, что методологический эклектизм, положенный в основу разработки новой программы изучения истории, служит своеобразной теоретико-практической ширмой для возвращения в систему школьного образования формационного подхода, «очищенного» от наиболее однозначных идеологем марксистской историографии. Это хорошо прослеживается на уровне фигурирующего в проекте соотношения между социально-экономическим и политическим факторами исторического процесса в ущерб последнему. Тот же подход присутствует и в рамках явной тенденции к возвращению в образовательное пространство конструкции «дворянской империи», основанной на политике закрепощения крестьян при полном игнорировании тягловых элементов правового статуса других сословий, включая и самое привилегированное. Вызывает возражение и стремление авторов вынесенной на обсуждение концепции единого учебника по мере возможности «затушевать» проблему доминирования государственной власти над сложно стратифицированным обществом, особенно применительно к переломным периодам российской истории.

Сами по себе отмеченные недостатки и просчеты заявленного стандарта нельзя, конечно, расценивать как свидетельство его полной непригодности к практической реализации. Настораживает тот факт, что их наличие создает негативную тенденцию к отсутствию в новой образовательной парадигме продуманного обязательного минимума систематизированных исторических знаний, необходимых выпускникам школ для получения дальнейшего образования в области наук гуманитарного цикла, включая такие социально значимые сферы деятельности, как педагогика и юриспруденция. Не способствует новый стандарт и выработке навыков аналитического мышления, которое может быть сформировано лишь на основе научно корректного обращения к историко-сравнительному методу, не предполагающему изначального тождества сопоставляемых явлений, институтов и процессов.

Помимо этого, любой акт мышления, в том числе, и направленный на формирование исторической памяти,

осуществляется в рамках научно-категориального аппарата, естественно, транспонированного с учетом возрастных особенностей и менталитета школьников. Игнорирование этой столь очевидной аксиомы той частью научно-академического сообщества, от которой в наибольшей степени зависит конечный результат исторического образования в России, свидетельствует, не только о приоритете прагматических соображений над проблемой формирования интеллектуальной элиты общества, но и преждевременности проекта, постулированного в условиях методологического кризиса отечественного историописания. Его наиболее очевидное проявление заключается в поверхностной корректировке отдельных элементов научного инструментария в ущерб воссозданию целостной, концептуальной и доступной для восприятия подростков картины прошлого.

Между тем вопрос о дальнейших перспективах школьного и вузовского исторического образования в условиях перехода на двухуровневую систему обучения студентов на фоне последовательной формализации критериев модульно-рейтинговой системы носит отнюдь не риторический характер. Тенденция к сокращению учебных планов бакалавриата до стандартов среднего специального образования сопровождается сегодня закрытием теоретических специальностей в магистратуре. Это существенно повышает роль школьных курсов, приобретающих значение базового стандарта для высшего профессионального образования, и в то же время создает объективные препятствия для формирования научной эрудиции студентов.

Недооценка роли исторических знаний в выработке профессионального мышления будущих гуманитариев, имеющих широкие возможности профориентации после окончания вузов, в значительной мере вызвана общим падением культурно-образовательного уровня современного российского общества. Существенным фактором неуклонного снижения социального престижа исторической науки является и отсутствие серьезных концептуальных корректировок в вузовской учебной литературе последних десятилетий. До недавнего времени невмешательство в научные дискуссии

конкретно-исторического и методологического характера было свойственно, прежде всего, авторам учебников историко-правового цикла. Утверждение нового школьного стандарта в области преподавания «чистой» истории создает питательную среду для стагнации вузовского исторического образования в целом, вынужденного, так или иначе, приспособливаться к уровню теоретических знаний, полученных выпускниками общеобразовательных школ.

В частности, знакомство с концепцией нового школьного учебника сразу же выявляет отсутствие теоретико-методологической основы использованного при ее разработке понятийного аппарата. Прежде всего, это касается таких спорных применительно к России раннего Нового времени концептов, как «абсолютизм», и «словно-представительная монархия». Их консенсуальная природа почти не вызывает сомнений в современном научном сообществе даже в контексте истории стран европейского Запада, политические реалии дали жизнь этим умозрительным теоретическим конструкциям рационалистических учений о государстве и историографии. Хорошо известно, что марксистская теория абсолютизма, основанная на концепции равновесия между дворянством и буржуазией наряду с выявлением национальной типологии абсолютных монархий, вызывает сегодня серьезные разногласия своей идеологизированной парадигмой и отсутствием серьезного подтверждения на уровне исторических, (прежде всего, законодательных и делопроизводственных) источников. Те же причины заставляют многих исследователей сомневаться и в естественно-правовой модели абсолютной монархии, сконструированной в политической философии Т. Гоббса и представляющей научный интерес, прежде всего, как образец особого исторического архетипа монархического государства.

В западноевропейской государствоведческой традиции понятие «абсолютизм» известно с XIV в., когда под влиянием сэра Д. Фортезкью, возникло противопоставление «свободной» парламентской Англии и «деспотической» королевской Франции. Свою вторую жизнь оно обрело в рамках либеральной историографии XIX столетия, и

продолжало использоваться западными историками и 1970 – 1980-х гг в дискуссии о соотношении абсолютистской доктрины с государственно-правовой системой французской монархии периода правления Людовика XIV. Теоретические результаты этого спора пока слабо востребованы российской исторической наукой последнего десятилетия с ее тенденцией к уходу от методологических проблем корректировки понятийного аппарата к разработке локальных сюжетов. Другая крайность наблюдается в историко-правовой литературе, где понятие «абсолютизм» до сих пор используется как синоним деспотической монархии, в которой не остается места для политической активности сословно-представительных учреждений.

Тем не менее, многие соображения, высказанные зарубежными коллегами на основе изучения актов деятельности местных французских парламентов и провинциальных штатов, заслуживают серьезного внимания и могут использоваться в сравнительно-исторической плоскости, в том числе и в образовательных целях. Например, важная смысловая нагрузка с точки зрения методологических подходов к проблеме абсолютизма содержится в точке зрения, высказанной некоторыми зарубежными исследователями о наличии практических ограничений, с которыми сталкивалась королевская власть во Франции второй половины XVII в., которую принято считать периодом расцвета абсолютной монархии. В частности, монарх не обладал столь неограниченными прерогативами, чтобы нарушать закрепленные обычаями права подданных или же вводить новые налоги без их согласия. Из прагматических соображений Людовик XIV нередко был вынужден идти на компромисс с частными лицами, играя роль арбитра между различными слоями аристократической элиты и маловлиятельными оффисье, претендующими на получение дворянского звания за безупречную государственную службу. Помимо этого любое правомочие, присвоенное монархом, подлежало трансформации на основе местных законов и обычаев, а сословные корпорации нередко брали на себя миссию удерживать действия короля в рамках законности и правопорядка.

Несложно заметить, что сословная политика российских самодержцев императорского периода тяготела к той же социально-политической модели. Принцип выслуги дворянского статуса, окончательно санкционированный в «Табели о рангах», был основан на притязании монарха на роль посредника между неоднородным по своему составу дворянством и разночинцами, имеющими позитивный опыт государственной службы. О консенсуальной основе сословного законодательства в отношении «наиболее полезных» для самодержавного государства сословий свидетельствует и разработка комплекса Жалованных грамот 1785 г., направленного на приобретение юридических «выгод» за добросовестное выполнение каждым человеком обязанностей своего правового состояния. Учитывая относительную гибкость российского законодательства XVII - первой половины XIX столетий в его стратификационном аспекте, многие зарубежные авторы отказываются сегодня от оценки России как деспотического, т. е. абсолютистского государства. Сегодня в мировом историческом сообществе, включая ведущих отечественных историков, принято типологически относить государство периода правления первых Романовых и Российскую империю XVIII в к монархиям раннего Нового времени, что, в свою очередь влечет за собой новые методологические проблемы.

Одна из них заключается в типологической разнородности данного феномена. Единственным общим формально-юридическим критерием европейской монархической государственности XVI – XVIII вв. можно признать лишь ориентацию суверена на принцип законности. Безоговорочное признание подобной концептуальной модели возможно лишь в качестве одного из вариантов временного профессионального соглашения, основанного на необходимости использования общего понятийного аппарата в научных и образовательных целях. Еще Ш.-Л. де Монтескье справедливо указывал на «открытость» идеи законности, позволяющую обращаться к ней на волне разного рода политических спекуляций, прикрывающих деспотическое содержание законов. Их наличие или отсутствие в официальной идеологической

доктрине монархических государств европейского Запада и Востока во многом зависело от конкретных исторических условий, уровня правосознания правящей элиты и особенностей правовой культуры различных сословных категорий общества.

Не вызывает сомнения, что общая цель монархий раннего Нового времени заключалась в укреплении принципа централизации верховной власти, способной модернизировать наиболее архаичные структуры феодального общества и государства с целью поддержания жизнеспособности монархического принципа. Проблема заключается в том, чтобы выявить единичные варианты данной политики применительно к конкретным политическим системам, включая Российскую империю, и показать их отличия на уровне отношения правящей элиты к идеалу законности и наиболее эффективным в той или иной исторической ситуации механизмам регулирования стратификационными процессами.

Итоговый тезис сторонников пересмотра традиционной концепции абсолютизма заключается в утверждении, согласно которому европейские монархии, существовавшие в историко-правовых рамках *ancient régimes*, характеризуются наличием как «консультативных», так и «прерогативных» механизмов. Монархия могла быть легитимной только при условии гармоничного сочетания элементов личной королевской власти с политической активностью органов сословного представительства. Таким образом, концепция абсолютизма оценивается сегодня как умозрительная теория, основанная на конституционных представлениях второй половины XIX в.

Понятие «абсолютизм» не исчезло, однако, полностью из современного научного лексикона. Оно часто встречается на уровне конкретного-исторических «штудий», посвященных сравнительному анализу социальных и геополитических условий функционирования монархических государств Европы до 1789 г. Некоторые исследователи ориентируются в своих оценках на теорию общественного прогресса, подчеркивая при этом модернизационный потенциал абсолютизма в его «просвещенной» форме. В целом же, обращение к проблеме абсолютизма влечет сегодня за собой крайнюю осторожность в дефинициях с обязательным акцентом на их условность и

меняющееся содержание, с учетом темпорального аспекта и геополитических условий, в которых возникали и функционировали. Европейские монархии Нового времени.

Данная позиция представляется вполне оправданной, так как соотношение элементов консенсуализма и волевого проведения в жизнь прерогатив верховной власти, ограничивающих традиционные институты власти и управления, прослеживается на всех этапах истории большинства монархических государств раннего Нового времени. То же самое можно сказать и о социально-правовой политике, которая проводилась европейскими монархами для поддержания политического паритета между короной и органами сословного представительства. В этом отношении не является исключением и Российская империя, несмотря на длительное отсутствие в ее законодательстве формально конституированной сословной иерархии. Последовательно разрабатывая на уровне правовых институтов юридическую модель «законной монархии» надсословного типа, способную нивелировать социально-политические притязания отдельных социальных страт, российские законодатели раннего Нового времени, в конечном итоге, действовали в унисон с другими монархическими правителями европейского региона.

Сложность методологических подходов к проблеме абсолютизма, естественно, создает затруднения для выработки доступных интерпретационных стратегий ее изложения в учебных изданиях. Тем не менее, заявленная в новом историко-культурном стандарте актуализация сравнительно-исторического подхода неизбежно ставит на повестку дня вопрос о конкретизации смысловых значений понятийного аппарата. В этом отношении вынесенная на обсуждение научной общественности концепция нового школьного учебника отличается поразительной небрежностью к универсалиям, на основе которых планируется создание учебного текста. Отдавая дань сложившейся в последние годы тенденции к исчезновению понятия «абсолютизм» в его традиционном ключе со страниц большинства научных исследований по истории России, участники образовательного проекта не смогли определить свою методологическую позицию

в отношении наличия или отсутствия абсолютистских тенденций в российском самодержавии различных периодов его существования.

В перспективе это ведет к созданию эклектичного учебно-методического комплекса, который будет содержать противоречивые дефиниции и основанные на них трактовки конкретно-исторического материала, создавая у учащихся крайне хаотичное представление об исторических событиях при полном неумении проанализировать их сущность в категориях общепринятого понятийного аппарата. Авторы пояснительной записки и изложенного далее историко-культурного стандарта исходят, например, из идеи тождества самодержавия в средневековой Руси с самодержавными тенденциями Российской империи XIX – начала XX вв., не разграничивая исторической составляющей данного понятия применительно к разным этапам существования монархического государства. Заявленная ими попытка решить этот сложный методологический вопрос, характеризуя самодержавие XVI – XVII вв. как сословно-представительную монархию, сразу же порождает новые затруднения интерпретационного характера. В частности, много вопросов вызывает тенденция к осмыслению эпохи первых Романовых с ее тенденцией к усилению активности Земских Соборов как периода укрепления самодержавия и оформления абсолютизма без убедительного разграничения этих понятий, осмысленных на основе произвольного синтеза классических конструкций советской историографии и новейших выводов о деспотической сущности абсолютистского архетипа.

Сомнительно выглядит и допущенное авторами утверждение о высокой политической роли местного самоуправления, самостоятельность которого в решении общегосударственных дел подтверждается только историческими источниками периода Смутного времени. Возможность появления подобного анахронизма, вероятно, можно объяснить компромиссным подходом к решению «трудных» вопросов российской истории, цель которого заключается в том, чтобы по мере возможности нивелировать деспотические тенденции средневековой государственности,

неизбежные при форсированных темпах ее централизации. Вероятно, по той же причине проект акцентирует внимание на необходимости сравнительно-исторического изучения сословно-представительных монархий России и ведущих монархических государств Запада XVI – XVII вв., с тем, чтобы выявить тождество в формировании институтов сословного представительства. Некорректность обращения к компаративизму для решения данной проблемы вполне очевидна, учитывая наличие в европейском мире государственно-правовых и социально-политических реалий, которые, в силу ряда исторических обстоятельств, не сложились в Московской Руси.

Отсутствие методологической определенности проявляется и в утверждении о том, что формирование абсолютизма, начатое еще в ходе укрепления монархической власти при Иване IV, завершилось в ходе реформ Петра I. Само по себе это утверждение не является новым, так как оно получило последовательное развитие в советской историографии второй половины XX в. и сопровождалось разработкой убедительной аргументации в русле бытовавшей тогда научной парадигмы. Новое прочтение данной проблемы не отличается безукоризненной научной логикой, так как допущенная в официальном стандарте методологическая неопределенность приводит к полному игнорированию политико-правовых характеристик абсолютизма в пользу утверждения о продворянской и крепостнической сущности России времен Петра I без учета тенденции к формированию модели «законной монархии» на основании просветительских концептов западного протестантизма.

Следует отметить, что понятие «абсолютизм» фигурирует в стандарте применительно к характеристике исторических реалий Российского государства и его социальной структуры периода XVI – XVIII вв. и затем исчезает из понятийного инструментария без должных методологических оснований в пользу конструкции «самодержавия». Ее абстрактность, при полном отсутствии каких бы то ни было теоретических выводов о наличии тождества или, наоборот, типологических различий между самодержавием московских

государей и самодержавной традицией Российской империи XIX – начала XX вв., является весьма серьезным недостатком нового стандарта. Нет никаких сомнений, что, несмотря на отдельные корректировки некоторых концептов, которые, вероятно, будут допущены под влиянием научной общественности, в целом, концепция нового учебника останется эклектичной и методологически неубедительной в угоду соображениям политической конъюнктуры. Трудно сказать, насколько оправдаются в ближайшем будущем расчеты российской политической элиты на воспитание молодого поколения толерантных российских граждан при помощи старательно «причесанного» курса истории, не дающего ответа на вопрос о причинах нынешнего кризиса нравственных, политико-правовых и патриотических ценностей. Зато совершенно очевидно, что любая трансформация исторической памяти, осуществленная на основе сотворения прекраснородушного мифа о самих себе, всегда таит в себе опасность отчуждения властных структур от гражданского общества и индивида от любых ценностных установок, транслируемых на официальном уровне. Сон разума, ведущий к мифологизации прошлого в массовом историческом сознании, способствует формированию чувства национальной исключительности. Его кратковременный «терапевтический» эффект в дальнейшем лишь усилит кризис политической системы и спровоцирует недовольство части российского населения нерешенностью социально-экономических проблем.

УДК 372.893

ББК 4426.63-22

ГСНТИ 03.01.45

Код ВАК 13.00.02

Г.Е. Корнилов

Екатеринбург

РАЗРАБОТКА ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ ПРЕПОДАВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональный компонент, учебник по истории, учебно-методический комплект, история Ямала.

АННОТАЦИЯ. В статье ставится проблема необходимости разработки регионального компонента преподавания истории в школе. Широкие возможности учебной и воспитательной работы со школьниками предоставляет разработанный коллективом екатеринбургских историков учебно-методический комплект по «Истории Ямала».

G.E.Kornilov

Yekaterinburg

DEVELOPING THE INNOVATIVE TEACHING MODELS ON REGIONAL HISTORY

KEY WORDS: regional component, history textbook, teaching kit, history of Yamal.

ABSTRACT. The article raises the problem of the need for a regional component of teaching history in schools. Broad opportunities for training and education work with students are provided by the teaching kiton «History of Yamel» worked out by a team of historians from Yekaterinburg.

Изучение обучающимися истории региона — один из важных путей формирования гражданско-патриотических качеств личности. Где бы не проживал гражданин России, он, несомненно, должен чувствовать свою связь с местом своего рождения и проживания, прауродителями и родителями, вписывающими собственные страницы в историю края, людьми, работающими в регионе и вносящими свой вклад в его развитие. Д.С. Лихачев писал: «Любовь к родному краю, знание его истории — основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры всего общества» (4. С. 5).

В Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории отмечено, что вопросы изучения региональной истории требуют специального рассмотрения. Создание учебных пособий по истории региона с учетом локальных этнических, социальных и образовательных стандартов обусловлено модернизацией российского образования. В последние годы идет разработка инновационной модели преподавания региональной истории. Коллектив ученых Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук совместно с преподавателями УрГПУ и УрФУ разработал свой вариант учебно-методического комплекта по «Истории Ямала» (д.и.н. Е.М. Главацкая, к.и.н. К.И. Зубков, к. пед. н. И.А. Зубкова, к.и.н. Г.Г. Корнилов, д.и.н. Г.Е. Корнилов, к.и.н. Л.Л. Косинская, к.и.н. Н.А. Михалев, к.и.н. И.С. Огоновская, д.и.н. И.В. Побережников, д.и.н. В.П. Тимошенко).

Интерес к Ямалу в современном мире высок. Однако в ряде зарубежных изданий, влияющих на массовое сознание населения, появляются мнения, что промышленное освоение региона проходило и происходит варварскими колонизаторскими методами, разрушается экология, уничтожается традиционная культура аборигенных народов, не решаются социальные проблемы проживающего населения. Тем не менее, история Ямала, как одного из регионов России, уникальна и поучительна. Она связана, во-первых, с пространственным расположением между Европой и Азией, обусловившим своеобразие экономических и культурных традиций; во-вторых, с удивительной сохранностью неповторимой традиционной культуры; в-третьих, с той ролью в процессах освоения восточных территорий России, становлением российской цивилизации и с тем, что в последние полвека регион сохраняет ведущее значение в энергетическом обеспечении экономического развития не только России, но и значительного количества стран - членов Европейского Союза.

Для понимания сегодняшней ситуации необходим учет исторического прошлого многовекового развития Ямала. Историческая динамика позволяет реконструировать, обобщить и подчеркнуть роль региона в прошлом России, показать

процесс формирования и взаимодействия различных культур, выявить перспективы его дальнейшего пути.

Учебно-методический комплект по «Истории Ямала» включает, программу, учебник и хрестоматию (2, 3, 5). Составляющие комплекта призваны обеспечить всесторонний охват регионального компонента истории Ямала и выполнены в доступной для школьников форме. Он адресован учащимся основной школы, в полной мере сможет способствовать развитию ценностных ориентаций школьников Ямало-Ненецкого автономного округа. Авторы комплекта представили систематический курс истории Ямала, что чрезвычайно важно: учащиеся смогут увидеть динамику происходивших в крае процессов, оценить положительные последствия промышленного развития края и вместе с тем задуматься над негативными последствиями каких-либо процессов. В идеале знакомство школьников с историей региона должно сформировать у них устойчивое желание внести свой вклад в решение актуальных для региона современных проблем.

Представленная в комплекте программа соответствует всем необходимым требованиям, развернута по своему содержанию и может быть хорошим подспорьем учителю в учебной и внеучебной деятельности. Она включает пояснительную записку, учебно-тематический план, развернутое содержание курса, требования к уровню подготовки обучающихся, список литературы, перечня рекомендуемого учебно-методического обеспечения.

Авторы программы рассматривают учебный курс по истории Ямала как возможность прочного основания исторического самоопределения личности учащегося, ориентированного на достижение культурно-исторической компетентности. Цель курса авторы видят в знакомстве учащихся с историей Ямала как уникального природно-географического, культурно-исторического, социально-экономического региона, играющего важную роль в общероссийских и мировых процессах. В качестве одной из главных задач курса обозначено и приобщение учащихся к духовным ценностям мировой и отечественной культуры на основе культурных традиций жителей Ямальского края.

Особая роль в программе отводится деятельностно-коммуникативным аспектам образования, ибо предусматриваются активные формы освоения учебного материала: работа с источниками, картами (1), исторической литературой, участие учащихся в подготовке сообщений, рефератов, экскурсионных карт и т.д.

В содержательном плане программа включает разделы, дающие педагогу и учащемуся возможность ориентации в основных темах курса, позволяющих полно и масштабно видеть основные процессы, явления, личности, игравшие важную роль в ту или иную историческую эпоху. Выделенные в программе основные понятия и термины, важнейшие даты органично сочетаются с общим курсом истории Отечества, не перегружают этот курс, а вносят некоторые штрихи, показывающие особенности края.

Главная содержательная тяжесть падает, прежде всего, на учебник, выполняющего роль медиатора знаний и активизатора этих знаний через развитие познавательного интереса учащихся. Это налагает на издание особую ответственность: быть сбалансированным по содержанию, иметь продуманный методический аппарат, стимулировать школьников к размышлениям о судьбе Ямала, его населения в различные исторические эпохи. Самое главное – материал учебника позволяет «глядеть» в современность, давать учащимся возможность видеть корни проблем сегодняшнего дня, подсказывать пути решения этих проблем. Что ценно в представленном учебнике? Прежде всего, это богатый исторический материал. В этом смысле у учащихся есть замечательная возможность расширить свой исторический кругозор, открыть для себя много нового, пролистать неизведанные страницы истории родного края. Представляется, что одинаково интересными для учащихся основной школы будут разделы, рассказывающие об истории региона в допромышленный период и в эпоху индустриальную. Особо ценными являются параграфы о духовном наследии народов Ямала, их культуре. Содержание структурировано по хронологически-проблемному принципу: 1-й раздел – «Ямал в древности и в эпоху Средневековья», 2-й – «Ямал в XVII –

XVIII вв.», 3-й – «Ямал в XIX в.» и 4-й – «Ямал в XX – начале XXI в.».

Необходимо отметить, что учебник адресован учащимся основной школы и по своему содержанию соответствует возрастным особенностям учащихся этого возраста: дает ученикам возможность для размышления, оценочной деятельности, обращения к собственному жизненному опыту.

Методическая часть учебника выглядит достаточно органично: в начале каждого параграфа есть вопросы на повторение материала из истории России, в конце параграфа присутствуют «вопросы и задания для любопытных» уже по материалу учебника, позволяющие увидеть историю Ямала в контексте российской истории. Особо стоит выделить наличие материалов, связанных с отдельными личностями, оставившими след в истории региона. Данные материалы могут быть использованы учащимися в качестве первоначальной основы для подготовки сообщений, докладов, эссе.

Формулировки вопросов и заданий носят как традиционный, так и нетрадиционный характер: наряду с репродуктивными вопросами авторы предлагают учащимся и вопросы со следующими формулировками: «Попробуйте установить связь...», «Сравните...», «Как вы думаете...», «Объясните, почему...», «Попробуйте изобразить...». Авторы старались задать учащимся достаточно серьезные вопросы, позволяющие школьникам осмыслить какие-либо исторические события. В значительной степени представлены вопросы и задания воспитывающей направленности.

В учебнике в каждом параграфе имеются биографические вставки, понятийный аппарат на полях, информация в разделе «Это интересно». Четко выраженная структура учебника задает алгоритм деятельности педагога и учащегося. Материалы глав и параграфов хорошо воспринимаются зрительно, что позволяет сделать образовательный процесс более эффективным.

Учебник богато иллюстрирован, что создает определенный образ эпохи, помогает учащимся легче усвоить исторический материал. Иллюстрации, схемы и вставки соответствуют содержанию, дополняют и конкретизируют его.

Хрестоматия, органично дополняющая программу и учебник, содержит огромное количество исторических документов, позволяющих читателю учебника более детально и вдумчиво рассмотреть какую-то проблему. Если учитель сможет выстроить систематическую работу с материалами хрестоматии, это будет гарантией глубокого проникновения школьников в мир региональной истории.

Учебно-методический комплекс «История Ямала» позволит работникам образования учесть особенности местного развития ЯНАО, современный научный взгляд на историю региона и запросы участников образовательного процесса на основе инновационных педагогических технологий. Этот комплект органично вписывается в общую канву таких школьных курсов, как история России, география, литература и может стать серьезным подспорьем не только учителям, но и педагогам дополнительного образования (руководителям краеведческих кружков, школьных музеев и др.). Помимо этого подготовленные к изданию книги могут стать неотъемлемой частью домашних библиотек ямальцев. Инновационный характер учебно-методического комплекса подразумевает повышение качества, доступности, эффективности образования, его непрерывный и инновационный характер, рост социальной мобильности и активности молодёжи, её включённости в различные образовательные среды Ямало-Ненецкого автономного округа.

Литература:

1. Исторический атлас Ямало-Ненецкого автономного округа / авт.-сост. И.А. Голикова, Ю.Н. Квашнин, А.В. Сазонова. М., 1999.
2. История Ямала с древнейших времен до начала XXI века: программы систематического и элективных курсов / авт.-сост. Г.Е. Корнилов, И.С. Огоновская. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2012. 75 с.
3. История Ямала с древности до наших дней: учебник для 6 – 9 классов общеобразовательной школы / отв. ред. Г.Е. Корнилов. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2012. 240 с.
4. Лихачев Д.С. Любить родной край // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990.
5. Ямал в панораме российской истории: хрестоматия / гл. ред. Г.Е. Корнилов. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2012. 240 с.

УДК

372.893(571.1)+371.64/.69

ББК 4426.632-268.2

ГСНТИ

13.01.39

Код ВАК

13.00.02

Л.В. Алексеева

Нижевартовск

**ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНО-
СИБИРСКОГО НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА
ПЕРИОДА 1960-1980-Х ГГ. В ШКОЛЬНЫХ
УЧЕБНИКАХ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учебник, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, месторождение, добыча, нефть, газ.

АННОТАЦИЯ. В публикации содержатся материалы о проблеме отражения прошлого Западно-Сибирского нефтегазового комплекса периода 1960-1980-х гг. в школьных учебниках по отечественной истории, а также сведения, отражающие этапы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, представлены статистические сведения, иллюстрирующие динамику добычи нефти и газа в Западной Сибири и СССР. Дается информация о крупнейших месторождениях Западной Сибири.

L.V. Alexeeva

Nizhnevartovsk

**LIGHTING THE HISTORY OF THE WEST SIBERIAN
OIL AND GAS SECTOR OF THE PERIOD 1960-1980-
ies. In textbooks**

KEY WORDS: The West Siberia Oil – Gas Complex, oil and gas fields, oil and gas output, oil, gas

ABSTRACT. The paper looks the main stages of WSOGC, there are statistic documents about oil and gas output in the West Siberia and in the USSR. The article has the information about the largest oil and gas fields.

При изучении курса истории Отечества XX в. (период 1960 – 1980-х гг.), тема формирования и значения Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (далее – ЗСНГК) для

экономического, политического и социального развития страны, должна быть, на наш взгляд, в числе приоритетных. Как известно, Север Западной Сибири представляет собой территорию интенсивного промышленного освоения (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономный округа). Став более 40 лет назад центром добычи нефти и газа, он обеспечил существование государства, в свою очередь, не получая каких-либо преференций для населения, живущего и работающего в сложных природно-климатических условиях, внося колоссальный вклад в экономику страны. На территории двух округов проживает более 2 млн человек. Ханты-Мансийский автономный округ является основным нефтедобывающим регионом России. Доля региона в общероссийском объеме добычи нефти составляет почти 57 %, а в мировом – 6,9 %. Ямало-Ненецкий автономный округ является основным газодобывающим регионом. В середине 1990-х гг. на его долю приходилось 89% добычи газа в стране.

Анализ содержания учебников по отечественной истории на предмет отражения в них сведений о прошлом Западно-Сибирского нефтегазового комплекса периода 1960-1980-х гг. выявил следующее положение дел.

№	Учебник	Текст
1	В.В. Сухов, А.Ю. Морозов, Э.Н. Абдулаев. История России: XX-начало XXI века. 9 кл. М.: Мнемозина, 2004. – 352 с.	Параграф 46. «Косыгинская реформа». С. 270. Текст: «В начале 1970-х гг. резко поднялись мировые цены на нефть, она стала главным предметом советского экспорта. Государственная казна пополнилась десятками миллиардов нефтедолларов, что позволило безболезненно свернуть реформы» Иллюстрация. «Нефтяная вышка в Сибири» Параграф 47-48. «Развитой социализм». С. 271. Текст: «Резкий рост мировых цен на нефть и газ стимулировал

		<p>освоение незадолго до этого открытых гигантских месторождений в Западной Сибири. Добыча газа в 1970-1980 гг. увеличилась более чем в 8 раз, а нефти почти в 7 раз. Только от вывода нефти страна получала ежегодно около 16 млрд долларов</p> <p>...</p> <p>С. 272. «Нефтедоллары тратились направо и налево»</p>
2	<p>Н.В. Загладин, С.Т. Минаков, С.И. Козленко, Ю.А. Петров. История Отечества. XX век: Учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2005. – 400с.</p>	<p>Параграф 34. «Попытки проведения экономических реформ в конце 1960-х гг.»</p> <p>С. 269. Иллюстрация. Нижневартовский газоперерабатывающий комплекс</p> <p>С. 271. Основным источником поддержания стабильности в обществе стали высокие цены на нефть и газ на мировом рынке. Их доля в советском экспорте (вывозе из страны) за 1960-1985 гг. увеличилась с 16,2 до 54,4%. В 1975-1985 гг. Советский Союз получил от продажи нефти около 180 млрд долларов.</p>
4	<p>О.В. Волобуев, В.А. Клоков, М.В. Пономарев, В.А. Рогожкин. Россия и мир. XX век: Учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. М.: Дрофа, 2005. 351 с.</p>	<p>Параграф 31. «Кризис развитого социализма»</p> <p>С. 216. Текст: «Экономика страны и жизненный уровень населения в значительной степени поддерживались за счет нефтедолларов, т.е. валютной выручки, получаемой от продажи на экспорт нефти и газа»</p>
5	<p>О.В. Волобуев, С.В. Кулешов. История России: XX-начало XXI века. 11</p>	<p>Материал по теме отсутствует.</p>

	кл.: Учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Мнемозина, 2004. – 336 с.	
6	Н.В. Загладин, С.И. Козленко, С.Т. Минаков, Ю.А. Петров. История Отечества. XX -начало XXI века: Учебник для 11 класса средних общеобразовательных учреждений. М.: «ТИД «Русское слово – РС», 2005. – 480с.	Параграф 34. «Политика и экономика: от реформ к «застоям» С. 333. Важнейшим ресурсом поддержания стабильности в обществе стали высокие цены на нефть и газ на мировом рынке. Их доля в советском экспорте (вывозе из страны) за 1960-1985 гг. увеличилась с 16,2 до 54,4%. После стремительного повышения мировых цен на нефть в 1973 г. Советский Союз получил от ее продажи в 1975-1985 гг. около 180 млрд долларов. Нефтедоллары спасали экономику от краха, однако их приток явился источником благодушия в руководстве страны, которое упорно игнорировало сигналы неблагополучия в хозяйственной жизни.

В представленных текстах весьма скудно отражен фактический материал, объем его – от одного до четырех предложений. Общим для всех текстов является идея экспорта нефти, получения от ее продажи нефтедолларов и финансирование экономики и социальных программ. В текстах отсутствует информация о динамике добычи нефти и газа, не сообщается о том, в каких условиях осуществлялась добыча и транспортировка, ни слова не сказано о трудовых буднях нефтяников и газовиков, обеспечивавших за счет продажи углеводородов бюджет страны и ее развитие. Иллюстрации не носят конкретных названий, не позволяют представить, как выглядит нефтяной куст.

Ниже для учителей предлагается пакет материалов, который поможет в преподавании темы, став фактографической

основой для ее изучения старшеклассниками. В.П. Карпов (д.и.н., проф. Тюменского нефтегазового университета) считает, что в развитии ЗСНГК можно выделить два крупных этапа: 1. 1964 – середины 1970-х гг. (максимальное наращивание объемов нефти – и газодобычи, создание крупнейшего в стране нефтедобывающего центра, возведение трубопроводной системы для транспорта нефти); 2. Середины 1970-х – конец 1980-х гг. (при сохранении высоких темпов добычи начало переработки углеводородного сырья, увеличение экспорта в Европу).

Таблица 1

Добыча нефти в СССР и в Западной Сибири
в 1965-1990 гг. (З. С. 297)

Годы	Добыча нефти (в млн т)				В % к общесоюзной добыче
	СССР	Западная Сибирь	в том числе		
			Тюменская область (ХМАО и ЯНАО)	Томская область	
1965	242,8	0,9	0,9		0,4
1970	359,0	31,4	28,5	2,9	8,7
1975	490,0	148,0	143,2	4,8	29,6
1980	603,0	312,6	307,9	4,7	51,8
1985	595,0	368,0	361,0	7,0	62,0
1990	570,5	380,1	365,3	14,8	66,6

Г.Ю. Колева (д.и.н., проф. Тюменского нефтегазового университета) сообщает, что в середине 1970-х гг. определилась тройка мировых лидеров по добыче нефти: СССР, Саудовская Аравия и США. Цены на нефть в период 1960 – 1970-х гг. увеличились в 24,4 раза. Высокие цены на нефть стимулировали повышение ее добычи. В Западной Сибири началось форсированное извлечение углеводородного сырья, переход от фонтанирующего способа добычи к механизированному. Постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 16 мая 1977 г. «О развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1977 – 1980 гг.» зафиксировало

превращение региона в главную базу страны по добыче нефти и газа, ввело понятие «Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс». Предстояло довести добычу в 1980 г. до 315 млн т (5. С. 303).

Самотлорское месторождение – крупнейшее
в нефтяной отрасли

Месторождение расположено в Нижневартовском районе ХМАО. Ввод его в эксплуатацию в 1969 г. позволил обеспечить прирост добычи нефти по Министерству нефтедобывающей промышленности СССР на 48,4 %. В результате Тюменская область вышла в общесоюзной добыче на четвертое место, а в 1970 г. - на третье место, обойдя Азербайджанский нефтедобывающий район. По величине извлекаемых запасов относится к категории уникальных, а по геологическому строению – к очень сложным (2. С 67).

Таблица 2

Добыча нефти на Самотлорском месторождении
(в млн т и в %)(5. С. 286)

	1970	1971	1972	1973	1974
Добыто всего по Главтюменнефтегазу	28,4	40	56,8	80,9	116,4
В т.ч. на Самотлоре	4,28 (15,2 %)	9,9 (24,75 %)	21,1 (37,1 %)	39 (48,2 %)	61,1 (52,4 %)

20 % нефти, добываемой в СССР, приходилось на Нижневартовский район ХМАО. Добыча на Самотлоре выросла с 1969 г. по 1976 г. с 1,3 млн т до 110 млн т. В июне 1974 г. Самотлор было добыто 100 млн т. В 1989 г. Самотлор дал с начала эксплуатации миллиард тонн нефти (1. С. 62.)

Освоение газовых месторождений и добыча газа в ЯНАО

Г.Ю. Колева выделяет в развитии газовой промышленности Западной Сибири 2 этапа: 1. 1966 – 1977 гг. (эксплуатация небольших по запасам газа месторождений Березово-Игримской группы и переход к разработке крупных месторождений на Севере ЯНАО); 2. 1978 – 1989 гг. (начало эксплуатации Уренгойского и Ямбургского месторождений, наращивание объемов добычи, превращение СССР в

крупнейшего обладателя газовых ресурсов). Во второй половине 1960-х гг. промышленная добыча газа осуществлялась с одного месторождения – Пунгинского. Газ, добываемый на Березовском и Северо-Игримском месторождениях, подавался лишь на коммунально-бытовые нужды близлежащих населенных пунктов. В 1970 г. промышленная добыча газа велась на трех месторождениях ЯНАО: Пунгинское, Северо-Игримское и Южно-Игримское. Разработка Медвежьего, Уренгойского, Ямбургского месторождений на долгие годы определила роль ЯНАО в национальной экономике и газодобыче России и мира (5. С.3; 7. С. 67).

Таблица 3

Добыча газа в СССР и в Западной Сибири
в 1965 – 1990 гг. (в млрд м³) (3. С. 297)

Годы	СССР	Западная Сибирь	В % к общесоюзной добыче
1965	126,7	0,003	
1970	197,9	9,5	4,7
1975	289,0	38,0	13,2
1980	435,0	160,0	36,8
1985	643,0	381,0	59,0
1990	815,0	574,2	70,4

Уренгойское месторождение – крупнейшее в ЯНАО

В апреле 1978 г. было введено в эксплуатацию Уренгойское месторождение, которое оставалось основным поставщиком газа и во второй половине 1980-х гг. Месторождение расположено в 450 км к востоку от г. Салехард. Имеет площадь 5 600 км². Относится к классу супергигантских (6. С. 204).

Таблица 4

Добыча газа на Уренгойском месторождении
(в млрд м³) (4. С. 104, 106, 126, 154)

1978	1979	1980	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988
11,2	24,7	49,7	119,6	157,4	206,3	258,1	295,9	339,5	384,0

В освоении газовых месторождений большую роль сыграли западные инвестиции, в частности, поставки стальных труб. Особенно это важно было на начальном этапе освоения месторождений-гигантов – Медвежьего и Уренгойского. Соглашение Советского Союза с партнерами в Западной Европе, главным из которых являлась Германия, получило название: «газ-трубы». Западные наблюдатели назвали этот проект «сделкой века». Западные компании поставляли в Ямало-Ненецкий округ трубы для газопроводов, оборудование и материалы для промыслов. Советская сторона рассчитывалась природным газом. Сотрудничество было настолько выгодным для Европы, что помешать ему не смогло даже давление США на своих западноевропейских партнеров.

Итак, ЗСНГК впервые в истории страны объединил две добывающие отрасли: нефтяную и газовую, каждая из которых через достаточно небольшой промежуток времени заняла ведущее место в своей отраслевой структуре и позволила государству выйти по добыче этих видов сырья на ведущие позиции в мире. При сохраняющихся тенденциях экономической политики государства, сегодня и в перспективе, нефть и газ остаются главными ресурсами России, а Север Западной Сибири – стратегически важным регионом страны.

Литература:

1. Бабушкина С.Л., Алексеева Л.В. Самотлорское месторождение – главный гигант нефтяной промышленности ХМАО (1970 – первая половина 1980-х гг.) // 75 лет Ханты-Мансийскому автономному округу: итоги, уроки, перспективы. Материалы рег. науч. конф. (Нижневартовск, 9 декабря 2005 г.). Нижневартовск, 2005.
2. Зининберг П.Я. Самотлорское нефтегазоконденсатное месторождение // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 3.

3. Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948-1990 гг.). Тюмень, 2005.
4. Колева Г.Ю. Добывающие отрасли Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1977-1989 гг.). Тюмень, 2006.
5. Колева Г.Ю. Создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в практике хозяйственного освоения Западной Сибири (1964-1989 гг.). Дисс. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2007. Т. 1.
6. Нестеров И.Н. Уренгойское нефтегазоконденсатное месторождение. Ямал. Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2004. Т. 3.
7. От Березово до Ямбурга: 45 лет газовой промышленности Западной Сибири / Под ред. В.П. Карпова, Г.Ю. Колевой. Тюмень, 2011.

УДК 372.893

ББК 4426.632

ГСНТИ 14.25.09

Код ВАК 07.00.02

И.А. Новиков

Челябинск

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ УЧЕБНИК В КОНЦЕПЦИИ
ЕДИНОГО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО
КОМПЛЕКСА ПО ИСТОРИИ РОССИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Концепции единого учебно-методического комплекса, региональный учебник, Урал, Челябинск, Магнитогорск, Златоуст, «Тетрадь юного краеведа».

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрена необходимость создания учебника региональной истории и его соответствие новой концепции единого учебно-методического комплекса по истории России. Показан задел, который имеется в Челябинской области в выпуске учебников, учебных пособий, «Тетрадей юного краеведа», и опыт реализации «Концепции краеведческого образования» в образовательной системе Челябинской области.

I. A. Novikov

Chelyabinsk

**REGIONAL TEXTBOOK IN THE CONCEPT OF A
SINGLE TRAINING COMPLEX ON THE HISTORY
OF RUSSIA**

KEY WORDS: Concept of a single educational complex, regional textbook, Ural, Chelyabinsk, Magnitogorsk, Zlatoust, «Book of the young local historian».

ABSTRACT. The article discusses the need to create regional history textbook and its compliance with the new concept of a unified teaching materials on the history of Russia. Shows the backlog, which is available in the Chelyabinsk region in the production of textbooks, teaching aids, «Notebooks young local historian», and the experience of the implementation of the «Concept of Education Local History» in the educational system of the Chelyabinsk region.

В соответствии с решением рабочей группы по подготовке концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, принятой на заседании 16 января 2014 г. под руководством Президента РФ В.В. Путина, преподавать историю в школе по единой концепции начнут с 2014-2015 учебного года (32). Таким образом, до начала преподавания истории в школе «по-новому» остается полгода.

По нашему мнению, необходимость создания нового единого учебника (линейки учебников) не только по истории России, но и по истории регионов, которых в настоящий момент в Российской Федерации 83, назрела и диктуется не только накоплением новых исторических знаний, но и возросшим интересом у населения: «маленького человека исторических событий» к событиям прошлого. Достаточно посмотреть на загруженность читальных залов региональных и городских архивов, основными посетителями которых являются не профессиональные историки, а любители изучения родного края и своих родословных.

Поэтому единый учебник должен быть создан и по истории регионов: Свердловской, Челябинской, Курганской областей и др. Тем более, что эту задачу ставит и новая концепция: «Курс отечественной истории должен сочетать историю Российского государства и населяющих его народов, историю регионов и локальную историю (прошлое родного города, села). Такой подход будет способствовать осознанию школьниками своей социальной идентичности в широком спектре – как граждан своей страны, жителей своего края,

города, представителей определенной этнонациональной и религиозной общности» (17. С. 5).

Необъятные просторы нашей родины (России и Советского Союза) поставили перед историками задачу изучения истории ее отдельных ее регионов. Особенно это проявилось, начиная с 90-х гг. XX века, когда отказались от единоцентризма, и произошел всплеск интереса к изучению данной тематики. По нашему мнению, благодаря региональному подходу будут достигнуты наибольшие успехи, и он станет особенно инновационным, так как позволяет изучать характер Российской империи, Советского Союза и современной России на различных пространственных плоскостях.

Однако региональный подход до сих пор остается настолько неопределенным в своих методологических основаниях, что о наличии такого направления можно говорить лишь условно. Понятие «регион» крайне неопределенно. Особенно после образования федеральных округов. По сути дела, на звание региона претендуют любые территории, принципы вычленения или воображения которых бесконечно многообразны и зависят, как от самих историков, так и в большинстве случаев от региональных политиков. В подавляющем большинстве исследований способ воображения региона, причины и критерии выделения того или иного пространства не объясняются сколько-нибудь четко и подробно. За этим скрывается убеждение историков, что выбранные ими границы региона «естественны», а не являются плодом их собственного или заимствованного у политиков пространственного воображения. Чаще всего границы пространства определяются политиками, а историки подгоняют под официоз свою национальную историю в заданных сверху границах. Например, современную Челябинскую область все больше и больше ассоциируют с Южным Уралом, что не соответствует географическим границам и историческим событиям. Данная несуразица относится и к Свердловской области – соотносимой с Уралом или Большим Уралом и поэтому в обобщающих трудах, вышедших в Екатеринбурге, рассматривается история Свердловской области, а на «соседей» отводится лишь малая часть материала.

Вместе с тем региональный или национально-региональный подход необходимо рассматривать как направление, которое способствует рассматривать протекание исторических процессов более объективно, акцентируя внимание не только на определенной территории, но и на их совокупности, так как ход событий во многом имеет единую основу, но с региональным оттенком. Особенно объективно данный подход проявляется при изучении различных аспектов горнозаводских регионов Российской империи и Советского Союза: Уральского, Олонцкого, Алтайского, Забайкальского и Южнорусского (Украинского). Связано это с тем, что горнозаводская (металлургическая) промышленность является стержневой основой развития любого государства.

В Челябинской области преподаванию региональной истории уделяется значительное внимание. Еще в 1960-1970-е гг. вышли первые учебные пособия по истории родного края, известного не только в Челябинской области, но и за его пределами учителя истории, краеведа А.И. Александрова (4; 5). Впоследствии вышли обобщающие труды преподавателей исторических факультетов Челябинского государственного педагогического университета: «Краткий очерк истории Челябинской области», «Очерки истории Челябинской области» (23; 31), Челябинского государственного университета и учителей школ Челябинской области: «История Урала XI-XVIII века», «История Урала XIX век – 1914 год», «История Южного Урала XX – начало XXI века» (3; 1; 2; 33).

На историческом факультете Челябинского государственного педагогического университета основное направление при подготовке будущих учителей истории, культурологии и права в настоящее время осуществляется через призму региональной истории и краеведческого материала. Это находит отражение как в учебном плане через предметы региональной направленности: «Историческое краеведение» и «История Урала», через отражение регионального материала в курсах по истории России, спецкурсы и спецсеминары, в выполнении курсовых и выпускных квалификационных работ, так и через научно-исследовательскую работу преподавателей и студентов.

Поэтому преподаватели кафедры отечественной истории и права факультета принимали участие в издании учебников и учебных пособий: «Челябинск. История моего города», «Страницы древней истории Южного Урала», «История Урала», «История Урала с древнейших времен до конца XVIII вв.», «История Урала XIX-XX вв.» (38; 37; 7; 13; 10; 29). Таким образом, был подготовлен хороший задел для осуществления преподавания региональной истории в образовательных учреждениях Челябинской области.

Созданная кафедрой художественных и общественно-эстетических дисциплин Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования и утвержденная Министерством образования и науки Челябинской области «Концепция краеведческого образования в Челябинской области» обосновывает организацию системы учебной и внеучебной деятельности по краеведению на всех ступенях общего и дополнительного образования. Система краеведческого образования в общеобразовательных учреждениях Челябинской области охватывает все ступени общего образования.

С учетом результатов апробации в 2007 году издана программа «Краеведение» для учащихся 6–9 классов общеобразовательных учреждений Челябинской области, которая включает общую характеристику инновационного интегрированного учебного предмета, содержание образования, скорректированный учебный план курса, требования к уровню подготовки обучающихся (16). В программе определена следующая структура курса: 6 класс – «Введение в краеведение Южного Урала»; 7 класс – «Достопримечательности Южного Урала»; 8 класс – «История и культура народов Южного Урала»; 9 класс – «Челябинская область – субъект Российской Федерации».

Издательством «АБРИС» выпущены учебники для 6, 7, 8 и 9 классов. Основой учебно-методического комплекса для 6 класса является учебник «Краеведение. Челябинская область» (авторы В.В. Дерягин, М.С. Гитис) (11). Он соответствует учебной программе, включает методический и справочный материал, богато иллюстрирован.

К учебнику для 7 класса под редакцией Г.С. Шкрёбня (20) (среди авторов 14 преподавателей вузов и учителей школ Челябинской области), в 2012 г. к нему выпущена рабочая тетрадь М.С. Салминой (34). В качестве наглядного пособия рекомендуется использовать настенную карту «Челябинская область. Туристские ресурсы» (39), которая сопровождается официальными символами Челябинской области и муниципальных образований, с их краткой характеристикой, справочные материалы с иллюстрациями о достопримечательностях Челябинской области (Ильменском заповеднике, Аркаиме, национальных парках «Таганай», «Зюраткуль» и других памятниках природного и историко-культурного наследия).

Основой учебно-методического комплекса для 8 класса является учебник «Краеведение. Челябинская область» под редакцией В.М. Кузнецова (21) (среди авторов 15 преподавателей, учителей, краеведов, работников учреждений культуры) и методическое пособие «История и культура народов Южного Урала» (24), выпущенное в серии «Уроки краеведения + CD». Последним в 2012 г. вышел учебник 9 класса «Краеведение. Челябинская область» под редакцией В.М. Кузнецова (22) (среди авторов 9 преподавателей вузов Челябинской области).

Для помощи учителям, учащимся и родителям выпускается серия учебных пособий «Познай свой край», основанная в 1995 году, которая включает в себя более 50 наименований познавательных книг, атласов, контурных карт и других учебно-методических изданий и позволяет более углубленно изучать предмет, также издана книга для чтения по краеведению «Южноуральская панорама событий и достижений» (27). В серии выходят книги по различным аспектам краеведения, в т.ч. «Историческое краеведение», «Литературное краеведение», «Топонимическое краеведение» [8; 9; 14; 26] и другие.

Для юных краеведов Магнитогорска выпущен учебник по отдельному городу «Краеведение. Магнитогорск» (19). Особенно необходимо отметить, что для ряда муниципальных образований изданы и успешно используются на уроках

краеведения «Тетрадь юного краеведа» – учебно-методические пособия по комплексному изучению района (города). Они включают исторические очерки, справочные материалы о природе, экономике и культуре территории, познавательные задания и контурные карты. «Тетрадь юного краеведа» выпускаются по заявкам муниципальных районов и городских округов. Выпущено 25 «Тетрадей» от Брединского района на юге до Каслинского – на севере (6; 15). В 2012-2013 гг. вышли «Тетради» Копейского, Кыштымского и Троицкого городских округов, Нагайбакского и Октябрьского районов, Советского района г. Челябинска (18; 25; 28; 30; 35; 36).

Последней в конце 2013 г. вышла «Тетрадь» Златоустовского городского округа (12), объем которой 64 страницы. В ней дан портрет городского округа в цифрах и фактах, описание природных достопримечательностей «На границе Европы и Азии», история Златоустья со дня основания завода и Оружейной фабрики до наших дней, топонимика, галерея славных имен (краеведы, педагоги, спортсмены, ученые, скульпторы, писатели, оружейники, политики, военные), завершают «Тетрадь» карты: «Памятники истории и культуры» Златоуста и Златоустовского городского округа, контурные карты и вопросы деда-краеведа, которые помогут лучше усвоить и запомнить данный материал.

Кроме того с 2013-2014 учебного года по заказу Главу Златоустовского городского округа В.А. Жилина начата реализация курса «Я – Златоустовец» для всех ступеней образования на территории Златоустовского городского округа: изданы программы курса (65; 66; 67; 68), методические пособия для учителя и воспитателя (53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 63; 64) и рабочие тетради для детей дошкольного возраста и учащихся с 1 по 11 класс (41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52). Таким образом, общий объем составил 28 изданий: 4 программы курса, 12 методических пособия и 12 рабочих тетрадей. Прделана гигантская и колоссальная работа.

Программа курса предусматривает рассмотрение географических, биологических, экологических, хозяйственно-экономических, социально-политических, правовых, конфессиональных, этнографических, лингвистических,

исторических, культурологических элементов. Пристальное внимание к изучению истории и повседневной жизни родного города (67. С. 5), что, по мнению авторов, «позволит усилить интерес учащихся к своей малой Родине» (68. С. 5). В конце учебного года можно будет подвести первые итоги апробации курса. Анализируя прошедший 2013 год, глава округа В.А. Жилин дал собственную оценку новой программе «Я – Златоустовец»: «Важно любить свой город, не махать на него рукой, уезжая в мегаполисы, а жить и работать именно здесь, тогда он точно будет процветать», – в этом заключается цель введения этого курса в образовательных учреждениях (40).

Однако в связи с переходом к преподаванию истории России по новой концепции все ранее разработанные курсы и планы преподавания региональной и местной истории (городской, районной) должны быть пересмотрены, перестроены и соответствовать, по нашему мнению, структуре курса истории России из предложенных разделов: 6 класс – «От Древней Руси к Российскому государству»; 7 класс – «Россия в XVI – XVII веках: от великого княжества к царству»; 8 класс – «Россия в конце XVII – XVIII веках: от царства к империи»; 9 класс – «Российская империя в XIX – начале XX вв.»; 10 класс – «Россия в 1914-2014 гг.» и 11 класс – «История России в мировом контексте» (17. С. 10-11) с рассмотрением региональной и локальной истории в определенные исторические периоды, что позволит «исключить возможность возникновения внутренних противоречий и взаимоисключающих трактовок исторических событий, в том числе имеющих существенное значение для отдельных регионов России» (17. С. 2), но вместе тем должно быть исключено появление аквариумных историй. Этому может помочь использование регионального или национально-регионального подхода, которое будет способствовать рассмотрению протекания исторических процессов более объективно, акцентируя внимание не только на определенной территории, но и на их совокупности, так как ход событий во многом имеет единую основу, но с региональным оттенком.

Литература:

1. Алеврас Н.Н., Андреева Т.А., Конюченко А.И., Нарский И.В. История Урала XIX век – 1914 год. Учебное пособие. Челябинск, 2008.
2. Алеврас Н.Н., Ибрагимова Л.Д., Кузнецов В.М., Салмина М.С. История Урала XI-XVIII вв.: Методическое пособие для учителя 10-11 классы. Челябинск, 2000.
3. Алеврас Н.Н., Конюченко А.И. История Урала XI-XVIII века. Челябинск, 2000.
4. Александров А.И. Из истории Южного Урала. Челябинск, 1967.
5. Александров А.И. История родного края. Учебное пособие по историческому краеведению для учащихся 7-10 классов школ Челябинской области. Челябинск, 1978.
6. Брединский район. Тетрадь юного краеведа / авт.-сост. М.С. Гитис, С.О. Кирочкина, Л.Б. Краузе. Челябинск, 2008.
7. Виноградов Н.Б. Страницы древней истории Южного Урала. Учебник для учащихся общеобразовательных школ, гимназий, лицеев, колледжей. Челябинск, 1997.
8. Виноградов Н.Б., Гитис М.С., Кузнецов В.М. Историческое краеведение. Изд. 1. Челябинск, 2007.
9. Виноградов Н.Б., Гитис М.С., Кузнецов В.М. Историческое краеведение. Изд. 2. Челябинск, 2009.
10. Виноградов Н.Б., Чагин Г.Н., Шкерин В.А. История Урала с древнейших времен до конца XVIII вв. Учебное пособие для основной школы. 6-7 класс. Екатеринбург, 2005.
11. Дерягин В.В., Гитис М.С. Краеведение. Челябинская область. Учебник для основной школы. 6 класс. Челябинск, 2009.
12. Златоустовский городской округ. Тетрадь юного краеведа / А.П. Моисеев. Челябинск, 2013.
13. История Урала с древнейших времен до конца XVIII вв. (учебное пособие для учащихся 6-7 классов). Екатеринбург, 2004.
14. Капитонова Н.А. Литературное краеведение. Челябинск, 2011.
15. Каслинский район. Тетрадь юного краеведа / авт.-сост. М.С. Гитис, А.П. Моисеев. Челябинск, 2011.
16. Концепция краеведческого образования в Челябинской области // <http://www.kraeved74.ru/> (дата обращения 10.02.2014 г.).
17. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // <http://www.kommersant.ru/> (дата обращения 20.01.2014 г.).
18. Копейский городской округ. Тетрадь юного краеведа / С.А. Баканов, М.С. Гитис, А.П. Моисеев, Ю.Г. Федоров; сост. А.П. Моисеев. Челябинск, 2012.

19. Краеведение. Магнитогорск. 9-11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений Челябинской области / под ред. М.Г. Абрамзона, М.Н. Потемкиной. Челябинск, 2013.
20. Краеведение. Челябинская область. 7 класс: учебник для основной школы / под ред. Г.С. Шкробня. Челябинск, 2010.
21. Краеведение. Челябинская область. 8 класс: учебник для основной школы / под ред. В.М. Кузнецова. Челябинск, 2010.
22. Краеведение. Челябинская область. 9 класс: учебник для основной школы / под ред. В.М. Кузнецова. Челябинск, 2012.
23. Краткий очерк истории Челябинской области / Сост. В.Н. Елисеева. Челябинск, 1965.
24. Кузнецов В.М. История и культура народов Южного Урала. Челябинск, 2010.
25. Кыштымский городской округ. Рабочая тетрадь юного краеведа / Е.Г. Кириллова, Е.С. Крапивина. Челябинск, 2012.
26. Моисеев А.П. Топонимическое краеведение (лингвистическое). Челябинская область. Челябинск, 2013.
27. Моисеев А.П., Драгунов А.В., Гитис М.С. Южноуральская панорама событий и достижений. Книга для чтения по краеведению: учебное пособие. Вып. 1. Челябинск, 2006.
28. Нагайбакский район. Тетрадь юного краеведа / авт.-сост. А.П. Моисеев. Челябинск, 2012.
29. Обухов Л.А., Шкерин В.А., Шкробень Г.С. История Урала XIX-XX веков. Учебное пособие для основной школы. 8-9 класс. Екатеринбург, 2005.
30. Октябрьский район. Тетрадь юного краеведа / авт.-сост. А.Г. Кухтурский. Челябинск, 2012.
31. Очерки истории Челябинской области / Под ред. В.Е. Четина. Ч. 1. Челябинск, 1991.
32. Преподавать историю по единой концепции начнут уже в наступившем году // <http://www.worldhist.ru/News/> (дата обращения 26.01.2014)
33. Салмина М.С. История Южного Урала XX – начало XXI века. Учебное пособие для 9-го класса основной общеобразовательной школы. Челябинск, 2004.
34. Салмина М.С. Краеведение. Челябинская область. 7 класс: рабочая тетрадь. Челябинск, 2012.
35. Советский район, г. Челябинск. Тетрадь юного краеведа / авт.-сост. А.П. Моисеев. Челябинск, 2012.
36. Троицкий городской округ. Тетрадь юного краеведа / авт.-сост. О.Н. Кутепов. Челябинск, 2012.

37. Челябинск. История моего города. Книга для чтения. 2-е изд. Челябинск, 2006.
38. Челябинск. История моего города. Экспериментальное учебное пособие для школ, гимназий, лицеев. Челябинск, 1999.
39. Челябинская область. Туристические ресурсы. Челябинск, 2008.
40. Честно о главном. Пресс-конференция с Вячеславом Жилиным // Златоустовский рабочий. 2013. 4 января.
41. Я – Златоустовец: рабочая тетрадь для детей дошкольного возраста. Златоуст, 2013.
42. Я – Златоустовец. 1 класс: рабочая тетрадь. Златоуст, 2013.
43. Я – Златоустовец. 2 класс: рабочая тетрадь. Златоуст, 2013.
44. Я – Златоустовец. 3 класс: рабочая тетрадь. Златоуст, 2013.
45. Я – Златоустовец. 4 класс: рабочая тетрадь. Златоуст, 2013.
46. Я – Златоустовец. 5 класс: рабочая тетрадь. Златоуст, 2013.
47. Я – Златоустовец. 6 класс: рабочая тетрадь. Златоуст, 2013.
48. Я – Златоустовец. 7 класс: рабочая тетрадь. Златоуст, 2013.
49. Я – Златоустовец. 8 класс: рабочая тетрадь. Златоуст, 2013.
50. Я – Златоустовец. 9 класс: рабочая тетрадь. Златоуст, 2013.
51. Я – Златоустовец. 10 класс: рабочая тетрадь. Златоуст, 2013.
52. Я – Златоустовец. 11 класс: рабочая тетрадь. Златоуст, 2013.
53. Я – Златоустовец. Методическое пособие для воспитателя. Дошкольное образование. Златоуст, 2013.
54. Я – Златоустовец. Сборник методических и дидактических материалов курса. Дошкольное образование. Златоуст, 2013.
55. Я – Златоустовец. Методическое пособие для учителя 1 класс. Златоуст, 2013.
56. Я – Златоустовец. Методическое пособие для учителя 2 класс. Златоуст, 2013.
57. Я – Златоустовец. Методическое пособие для учителя 3 класс. Златоуст, 2013.
58. Я – Златоустовец. Методическое пособие для учителя 4 класс. Златоуст, 2013.
59. Я – Златоустовец. Методическое пособие для учителя 5 класс. Златоуст, 2013.
60. Я – Златоустовец. Методическое пособие для учителя 6 класс. Златоуст, 2013.
61. Я – Златоустовец. Методическое пособие для учителя 7 класс. Златоуст, 2013.
62. Я – Златоустовец. Методическое пособие для учителя 8 класс. Златоуст, 2013.
63. Я – Златоустовец. Методическое пособие для учителя 9 класс. Златоуст, 2013.

64. Я – Златоустовец. Методическое пособие для учителя 10-11 класс. Златоуст, 2013.
65. Я – Златоустовец. Дошкольное образование: программа курса. Златоуст, 2013.
66. Я – Златоустовец. 1 – 4 классы: программа курса для общеобразовательных учреждений. Златоуст, 2013.
67. Я – Златоустовец. 5 – 9 классы: программа курса. Златоуст, 2013.
68. Я – Златоустовец. 10 – 11 классы: программа курса. Златоуст, 2013.

РАЗДЕЛ I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
УЧЕБНИКА ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(470.5). 325.111

ББК ТЗ(2)

ГСНТИ 02.23

Код ВАК 94(470)

О. В. Горбачев

Екатеринбург

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РОССИЙСКОГО ГРАДООБРАЗОВАНИЯ¹**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: урбанизация, Россия, Урал, Центральная Россия, модернизация, демографические процессы.

АННОТАЦИЯ. В статье путем сравнения процессов урбанизации в двух промышленных регионах анализируется специфика формирования российской городской среды, оцениваются ее особенности. Делается вывод, что, несмотря на схожие количественные показатели, уральская урбанизация развивалась с гораздо большим количеством издержек и проблем, чем в Центральной России, что не могло не сказаться на качестве местной городской среды и состоянии демографического развития.

O.V. Gorbachev

Yekaterinburg

**REGIONAL FEATURES OF FORMATION OF A
CITY SETTLEMENT NETWORK IN RUSSIA**

KEY WORDS: urbanization, Russia, the Urals, Central Russia, modernization, demographic processes.

ABSTRACT. In the article by comparing the rates of urbanization in two industrial regions analyzed the specific of the Russian urban environment development, its features estimated. It concludes that despite the similar quantitative indicators Ural urbanization has evolved with much greater amount of the costs and problems than in Central Russia, which could not but affect the quality of the local urban environment and the state of demographic development.

---

¹ Тема поддержана грантом РГНФ 11-01-12044в «Историко-географический справочник “Населенные пункты Свердловской области”».

Понимание цивилизационных особенностей развития России невозможно без учета фактора урбанизации. Современные российские города, как и городские поселения прошлого, имеют определенную специфику, обусловленную географическими, политическими, экономическими, социальными факторами. Для понимания характера и динамики исторического развития конкретной территории в контексте регионального компонента школьного образования необходимо привлечение внимания к этим особенностям.

В современной историографии доминирует восприятие российской урбанизации в модернизационном контексте. Именно поэтому периодизация урбанизации, равно как и характеристики ее качества обоснованно выводятся из специфических черт процесса модернизации в России (18; 19; 23). Сегодня можно говорить о существовании сложившейся традиции изучения отечественной урбанизации, рассматривающей все основные ее аспекты: поселенческий, демографический, экономический, социальный, социокультурный (2; 5; 6; 9; 11; 12; 14; 16; 18; 21; 22).

По-прежнему существует определенная условность в определении сельского или городского статуса поселения в России. Едва ли не первая попытка соотнесения формального и реального городского статусов была предпринята В. П. Семеновым-Тянь-Шанским в начале XX в., когда он выделил минимальные критерии «истинного» города (людность не менее 1 тыс. жителей и торгово-промышленный оборот не менее 100 тыс. руб.) (8. С. 79). Характерно, что значительная часть тогдашних российских городов не соответствовала заявленным критериям и попала в категорию «мнимых». Предложения Тянь-Шанского не были приняты во внимание сто лет назад, не действуют они и теперь. Проблема отсутствия четких критериев в определении города в том, что города «назначаются» государством, а оно на протяжении последних 300 лет руководствовалось в этом процессе самыми разными соображениями.

Урбанизацию *имперского периода* можно определить как преимущественно военно-административную, исходя из

целей централизации, обороны и необходимости колонизации национальных окраин. В границах же *советского периода* процесс урбанизации очевидно детерминировался экономическими целями, поэтому можно говорить о ее индустриально-административном характере. Присутствие в обоих случаях административной составляющей вытекает из особой роли государства в российской модернизации (10).

При всей однобокости градообразования имперского периода государственные приоритеты этого времени не исключали городского развития ряда ремесленных, торговых, духовных и прочих центров. Так, если в середине XVIII в. большинство русских городов представляли собой военно-административные центры с преобладающим аграрным сектором экономики, то через 100 лет таких городов осталось всего 27 % (13. С. 229). В ходе формирования советских городов ситуация была более сложной. Как заметил А. С. Сенявский, «мировая война, революция и гражданская война смели те основные социальные категории, которые собственно и составляли основу дореволюционных городов. Теперь их наполняли покинувшие родные места крестьяне» (15. С. 82). Происшедшие социальные изменения способствовали редуцированию существующих городов до промышленных центров, а большинство новых городов изначально создавалось в этом качестве.

Причинами переноса акцентов в процессе градообразования в XX в. от административно-военной к индустриально-административной модели можно считать:

- 1) завершение процессов колонизации; временное решение национального вопроса в результате реализации советского федерализма, что позволило обеспечить лояльность национальных территорий и не требовало активного использования военной силы;

- 2) осознание властью необходимости индустриальной модернизации как условия выживания и укрепления государства;

- 3) идеологические приоритеты власти, рассматривавшей в качестве собственной социальной базы прежде всего городской пролетариат.

Ситуация, однако, такова, что оценивать качество урбанизации на конкретной территории, опираясь исключительно на формальный статус поселений, невозможно. Это особенно очевидно на примере Урала в XIX в., где при относительно небольшом количестве официальных городов существовала развитая, вполне урбанизированная горнозаводская среда. Наряду с долей городского населения в качестве критериев урбанизации современные исследователи предлагают учитывать людность сельских поселений и поселков городского типа, уровень экономического развития территории (под которым подразумевается доля несельскохозяйственных занятий местного населения) (15. С. 214–215). При анализе урбанизации XX в. в перечень очевидных критериев добавляются и сроки урбанизационного перехода, когда преимущественно сельское население замещается преимущественно городским.

Признавая однобокий, несбалансированный характер отечественной урбанизации, необходимо учитывать, что степень конфликтности процесса сильно различается от региона к региону. В конечном счете это сказывается на устойчивости городского развития, его перспективах. На наш взгляд, серьезной эвристической ценностью обладает сравнение урбанизированных территорий разных типов. Мы взяли для анализа Уральский регион и Центральную Россию в границах соответствующих экономических районов.

В настоящее время обе территории считаются высокоурбанизированными, имеют статус промышленно развитых и характеризуются схожими сроками урбанизационного перехода (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная динамика урбанизационного перехода по территориям Центральной России и Урала в XX в.

Этапы урбанизационного перехода	Области Центральной России	Области и республики Урала
Ранний (до 1941 г.)	Московская, Ивановская	Свердловская, Челябинская
Относительно ранний (до 1961 г.)	Тульская, Ярославская, Владимирская	Пермская
Средний (до 1970 г.)	Калининская, Костромская, Калужская	Удмуртия, Оренбургская
Поздний (после 1970 г.)	Смоленская, Брянская, Рязанская, Орловская	Башкирия, Курганская

Сост. по: (7. С. 35; 11. С. 64).

Как видим, области и республики в границах каждого из указанных районов распределились по срокам перехода достаточно пропорционально. Доля территорий с ранним переходом (первые два этапа) практически одинакова (Центр – 41,6 %, Урал – 42,8 %). Однако путь, пройденный регионами в направлении урбанизационного перехода, был различным.

Начнем с того, что урбанизация в европейской России была более ранней. Постепенно она продвигалась с запада на восток, идя следом за заселением новых земель. Если в Центре доминировал аграрно-административный город, то в районах нового освоения процесс носил выраженный военно-административный характер, причем во времени эта особенность изменялась крайне медленно. Например, по состоянию на 1826 г. военные составляли 83,3 % от общей численности населения города Омска (1). В восточных районах страны именно государство возлагало на себя бóльшую часть градообразующих функций даже в том случае, когда некоторые города возникали на основе экономической функции, как это было на Урале (15. С. 77). Говоря об экономической

составляющей, следует также вспомнить, что уже с петровских времен и Центр, и Урал имели статус промышленных центров, хотя их специализация серьезно отличалась. В Центральном Нечерноземье преобладали ремесло и мелкотоварные кустарные промыслы. Районы нового освоения (Северо-Запад с Петербургом и Урал), признанные стратегически важными для государства, стали местом расположения крупных предприятий тяжелой промышленности (15. С. 121).

Главным преимуществом утвердившейся в Центре модели развития стала возможность естественной эволюции производства при постепенном подключении временной и постоянной рабочей силы из близлежащей сельскохозяйственной округи. Это способствовало гораздо более естественной городской эволюции от военно-административных к промышленным и торговым поселениям. Постепенно здесь формировалась более гармоничная городская среда, создавались условия для устойчивого роста. Что особенно важно в российских условиях, города Центра значительно меньше зависели от экономической конъюнктуры и легче переживали изменение региональных приоритетов в политике властей. Особенно наглядно это проявилось в ситуации экономического кризиса на рубеже XIX–XX вв.: предприятия легкой промышленности Центра, многие из которых были организованы по принципу рассеянной мануфактуры, практически не пострадали в условиях прекращения потока иностранных кредитов, в отличие от крупных заводов Северо-Запада и Юга страны.

Подобный сценарий развития событий был невозможен для Урала с его гораздо менее плотным населением. Более того, очень долго Урал не воспринимался в качестве самостоятельного региона и главной его ценностью была дорога в Сибирь (20. С. 173). Эта особенность региона играет немаловажную роль по сей день и проявляется в интенсивной механической подвижности населения, создавая ему репутацию «страны мигрантов». Начало промышленного освоения Урала мало повлияло на характер его развития. Оно продолжалось в форме колонизации, на этот раз промышленной (20. С. 192).

Урал особенно хорошо демонстрирует, что индустриализация и урбанизация в императорской России были процессами непараллельными. С самого начала (с петровского указа 1717 г.) мелкое производство вытеснялось здесь металлургической мануфактурой (20. С. 194), что сказывалось на социальном составе населения осваиваемых территорий. В этой протоурбанистической среде уже тогда угадывались признаки современных уральских «моногородов». Частный капитал, укоренившийся на уральских заводах в последней четверти XVIII в. с принципом горнозаводских латифундий «иметь все свое» (20. С. 196) увеличил разнообразие профессий местных жителей, но не способствовал развитию торговли, обычному занятию жителей развитых городов.

Приход частного капитала на уральские предприятия в системе имперского градообразования фактически отдалял получение горнозаводскими поселениями формального городского статуса, поскольку выводил эти поселения из сферы обычного административного контроля. Единственное исключение – «горный город» Екатеринбург (1806–1856 гг.). Достаточно красноречив пример заводского Алапаевска: в 1796 г. он был переведен Павлом I из уездного центра в заштат и пребывал в этом качестве вплоть до советского времени.

Обретение Екатеринбургом особого «горного» статуса явно противоречило прежней практике градообразования. Горное ведомство было подконтрольно министерству финансов, которое в истории России XIX в. обычно выступало «модернизатором», а система административной власти подчинялась министерству внутренних дел, игравшее роль «охранителя» (ср. более позднее противостояние С. Ю. Витте и В. К. Плеве). Характерно, что официальная переписка между губернской Пермью и «горным» Екатеринбургом отсутствовала, и все контакты шли исключительно через центр. При этом губернатор обращался к МВД, а начальник заводов – к минфину (20. С. 256). Как обычно бывало в таких случаях, охранительная линия взяла верх. Утрата Екатеринбургом статуса «горного города» означала, таким образом, возврат к чисто административному вектору в урбанизации.

Малое количество официальных городов на Урале объясняет существование большого разрыва в уровнях урбанизации по сравнению с европейской частью страны в начале XX в. (на Урале в этот период было 5,2 % городского населения, а в европейской России – 12,9 %) (15. С. 217).

Бурный рост уральского городского населения в советский период привычно объясняется интенсивной индустриализацией. Действительно, за 1926–1959 гг. численность городского населения на Урале увеличилась в 5,6 раза. К середине XX в. городского населения на Урале было 57,9 %, тогда как в России – 52 % (15. С. 226). А. Г. Оруджиева отмечает, что подавляющее большинство поселков, преобразованных в города в это время, возникли в XVII–XIX вв. [15, с. 226]. Фактически, в рамках советского индустриального проекта речь шла об административной институализации уже вполне урбанизированной промышленной горнозаводской среды. И подобно тому, как в имперское время власть игнорировала в городском развитии все то, что не относилось к прагматическим управленческим функциям, советское государство во главу угла ставило промышленный потенциал поселения. Как и прежде, «путевка в жизнь» выражалась в придании поселению административной функции. В этой ситуации прежние административные центры, обойденные «индустриальной лихорадкой», такие как Верхотурье, Ирбит, Оханск, Туринск, Чердынь и т. п. имели мало шансов занять достойное место в новой городской иерархии. В новой реальности промышленно развитый Екатеринбург (Свердловск) впервые оказался важнее Перми, а железнодорожная Тюмень – важнее Тобольска.

Характерно, что в центральной России гораздо меньше примеров утраты прежнего весомого статуса за столь ограниченное время. Города центральной России, приобретшие вес к XVII–XVIII вв., обычно его сохраняли. Здесь не было столь жесткой зависимости от экономической конъюнктуры, как на Урале (прежде торговой, затем индустриальной). В тяжелые времена население ближней сельской округи на время возвращалось к своим прежним занятиям, готовое снова заняться отходом, если это станет выгодно. Более скудное

уральское население было гораздо менее миграционно устойчивым. Отсутствие очередных государственных вливаний в центре означало очередной некатастрофичный возврат к традиции, на Урале – непрерывный отток в более благополучные регионы.

Городской статус, полученный прежними горнозаводскими поселениями, очень мало отразился на качестве жизни местного населения. В период с 1926 по 1939 г. отмечалась сильная маргинализация городского населения Урала (15. С. 235). Это явление было отражением общероссийских процессов, но с учетом темпов роста городов ощущалось сильнее. Уральские города были гораздо хуже обустроены, чем города в Центральной России. Здесь было существенно меньше нормального жилого фонда, зато строилось огромное количество бараков. Впоследствии ситуация менялась в лучшую сторону, но медленнее, чем в Центре, в том числе из-за закрытого статуса многих уральских городов (они не претендовали на роль «витрины социализма»).

Рост городов Центральной России в годы индустриализации в большой степени шел за счет ближней сельской округи, т.е. рост городского населения происходил более или менее пропорционально убыванию сельского. Характерно, что на фоне громадного роста населения уральских городов местное сельское население сократилось всего на 17,8 % (15. С. 226). Это явление имело крайне негативные последствия в 1960-е гг., когда отрасли, давшие толчок первой промышленной революции, оказались в упадке и сформировался запрос на развитие химии, нефтехимии, электроники и электротехники. В СССР, где не работала рыночная конъюнктура, находящая выражение в безработице, падении объемов производства, фактором депрессивности являлся демографический отток из городов (4. С. 290, 292). Государство изначально контролировало процесс саморазвития этих городов, но в сложный период отказало им в помощи. Если в Центре было проведено перепрофилирование малорентабельных предприятий, то на Урале проблема была передана в ведение отраслевых министерств и там забыта (3. С. 166, 169).

Промышленные города Урала начали стремительно терять население, причем основной поток мигрантов направлялся за пределы региона. Уральская городская промышленная среда, сформировавшаяся в результате «промышленной колонизации», не имела прочной связи с местной сельской поселенческой сетью, что непосредственным образом отразилось на ее устойчивости. По подсчетам С. А. Баканова, на Урале находились 26 из 49 депрессивных городских поселений РСФСР, как правило, промышленных (4. С. 290).

Большее сходство сценариев городского развития Урала и Центра в XX в. прослеживается на примере южных территорий обоих регионов, поздно вступивших в фазу урбанизационного перехода. Здесь мы имеем дело с менее развитой городской средой при наличии значительного сельского окружения. К примеру, в 5 городах Оренбургской области в 1926 г. проживало 90 % всего городского населения (в 11 городах Свердловской – только 51 %) (15. С. 219). Похожая ситуация наблюдалась в юго-западных областях Центра – Брянской, Орловской. Результатом более позднего городского развития без очевидного форсирования естественных процессов стала более комфортная демографическая ситуация, отсутствие резких перепадов в динамике численности городского населения.

Итак, в XX в. Урал не вполне избавился от наследия «колониационного освоения», что прямо сказалось на качестве местного городского развития. Советский сценарий индустриально-административной урбанизации оказался даже более жестким по сравнению с имперским вариантом, дававшим больше возможностей для саморазвития городов. Вместе с тем унификация городских функций, имевшая место в СССР, сильно способствовала сглаживанию местных особенностей урбанистического развития. Сейчас, когда поселенческая сеть страны постепенно редуцируется до городов (22), различия между центром и тем, что прежде было принято называть периферией, стираются окончательно. Хочется верить, что в нынешней ситуации более комфортный сценарий урбанизации территорий юга окажется в состоянии предложить больше

вариантов борьбы с нарастающей угрозой депрессивного развития ряда центральных и уральских регионов и не сделает их заложниками мегаполисов.

Литература:

1. Алисов Д.А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX – начале XX вв. Омск, 2001. URL: <http://kulgor.narod.ru/monoalisov/m5.html> (дата обращения: 10.06.2012).
2. Ахизер А. С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. №1.
3. Баканов С. Депрессивные города Урала в 1960–1980-е гг.: варианты развития неравновесных социальных систем // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Сб. статей. Челябинск, 2003.
4. Баканов С.А. Факторы формирования депрессивных тенденций в развитии уральских городов во второй половине XX в. // Россия в контексте мирового экономического развития во второй половине XX в. М., 2006.
5. Вишнеvский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
6. Глазычев В.Л. Слободизация страны Гардарики // Иное. Т. 1. М., 1995.
7. Горбачев О. В. На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002.
8. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001.
9. Зайончковская Ж. А. Демографическая ситуация и расселение. М., 1991.
10. Лейбович О. Н. Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории). Пермь, 1996.
11. Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX – XX в.). Екатеринбург, 2012.
12. Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX в. Екатеринбург, 2006.
13. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е гг. Л., 1990.
14. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Тт. 1–2. СПб., 1999.
15. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000.
16. Пивоваров Ю. Л. Урбанизация в России в XX в.: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. №1.

17. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006.
18. Постников С. П. Социокультурное пространство города в историческом измерении // Уральский исторический вестник. 2008. № 1.
19. Проскуракова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. №7.
20. Россия в XVII – начале XX вв.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006.
21. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003.
22. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир: Развитие России глазами страноведа. М., 2009.
23. Трофимов А. В. Осмысление феномена «советской модернизации» в современной историографии: тенденции и проблемы // Российские модернизации XVIII–XX вв.: взаимодействие традиций и новаций. Екатеринбург, 2008.

УДК

372.893+371.64/.69

ББК 4426.63-268.2

ГСНТИ 03.23.07

Код ВАК 07.00.09

И.В. Грибан

Екатеринбург

**ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ
КАК ПОПЫТКА ПРИМИРЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ИСТОРИОГРАФИЙ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учебные пособия по истории, национальные историографии, франко-германский учебник истории.

АННОТАЦИЯ. Проанализирован опыт создания совместного франко-германского учебника по истории. Этот эксперимент был направлен на формирование между Францией и Германией «общего видения» европейской истории с Античности до наших дней.

I.V. Griban

Yekaterinburg

**FRANKO-GERMAN HISTORY TEXTBOOK AS
AATTEMPTAT CONCILIATION OF THE
NATIONAL HISTORIOGRAPHY.**

KEY WORDS: training manuals in History, Franko-German History Textbook, national Historiography

ABSTRACT. The Experience of a Franco-German History coursebooks is analyzed. The Experiment aims to create a «shared vision» between French and Germans regarding the history of Europe since the Antiquity.

Одним из важнейших источников формирования национального исторического сознания являются школьные учебники истории. Содержание учебников определяется не только методическими соображениями, но и идеологическими установками авторов, национальными интересами представителей той или иной страны. Еще в 1981 г. известный французский историк М. Ферро в работе «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» наглядно продемонстрировал, что история одних и тех же событий приобретает свои национальные особенности в зависимости от их роли в прошлом отдельных стран: «История в каждой стране с успехом продолжает выполнять функцию оправдания самих себя» (2. С. 194).

Школьное историческое образование, выполняя, помимо познавательной, функции воспитания патриотизма и формирования национальной идентичности, становится своеобразным «каркасом», на который наслаиваются приобретаемые впоследствии знания, что во многом предопределяет наше отношение к истории не только своей страны, но и других государств. Различные интерпретации тех или иных исторических событий часто являются объектом дискуссий не только профессиональных историков, но и политиков, оказывают влияние на развитие международных отношений. В связи с этим представляет интерес опыт создания и внедрения германо-французского учебника по истории – уникальная попытка примирения двух народов на основе совместного осмысления прошлого.

Инициатива создания такого учебника исходила от молодежи: идея возникла в январе 2003 г. на франко-германском молодежном форуме, посвященном празднованию 40-летия подписания Елисейского договора – документа, который закрепил послевоенное примирение Франции и

Германии и обязал власти обеих стран проводить регулярные консультации по основным направлениям внешнеполитической деятельности, вопросам безопасности, молодёжной и культурной политике (5; 6). Инициатива была поддержана правительствами обеих стран. Для работы над учебником был создан авторский коллектив: по пять историков из ФРГ и Франции. Авторы-составители первого в истории франко-германского учебника столкнулись с большим количеством трудностей. Во-первых, непростой задачей стало сопоставление учебных планов, которые сильно различаются даже в рамках одной страны (так, во всех 16 федеральных землях ФРГ действуют разные учебные планы). Во-вторых, необходимо было привести к «общему знаменателю» методические особенности преподавания истории: во Франции больший акцент делается на фактологический материал, в то время как в Германии процесс изучения истории строится преимущественно на рассмотрении и обсуждении большого количества источников, представлении нескольких точек зрения по одному и тому же вопросу (7). Безусловно, самая сложная задача состояла в необходимости прийти к консенсусу в оценке событий и дать ответы на сложные и болезненные для восприятия обществом обеих стран вопросы: кто был виновен в развязывании мировых войн и можно ли было их избежать? Почему французы и немцы по-разному относились к коммунистическим партиям? Был ли фашизм универсальным явлением? Почему в Германии стал возможен приход к власти Гитлера?

В результате кропотливой работы было создано учебное пособие, состоящее из трех частей и предназначенное для старших классов гимназий. В 2006 г. была опубликована первая часть (по хронологии – последняя): «Европа и мир после 1945 г.» (8). Учебники, посвященные наиболее сложным периодам истории Франции и Германии, были подготовлены позже: в 2008 г. вышла в свет вторая часть – «Европа и мир от Венского конгресса до 1945 г.» (9). В 2010 г. была завершена работа над первым томом «Европа и мир от Античности до 1815 г.» (10). Презентация учебника вызвала оживленное обсуждение на страницах общественно-политических изданий и была

воспринята как «эпохальное событие», «историческая революция» о франко-германских отношениях (3; 4). Наибольший интерес представляет вторая часть учебника, поскольку в ней представлен временной промежуток, в рамках которого немцы и французы были преимущественно враждующими сторонами и который является крайне дискуссионным и сложным для восприятия.

Учебник «Европа и мир», изданный одновременно на немецком и французском языках и отличающийся высочайшим качеством полиграфии и методических материалов, получил положительную оценку рецензентов, которые отмечали, что авторам удалось не только представить «бинациональную» версию одного из самых сложных периодов европейской истории, но и достаточно полно раскрыть основные аспекты социально-экономического развития, истории религии и культуры (11). Руководитель группы немецких историков П. Гайс отмечал: «В учебнике по каждой теме присутствуют два взгляда. По крайней мере – два, благодаря чему ученики могут сами выработать свою собственную позицию, собственное понимание истории» (1).

Что касается структуры учебника, то материал разбит на 7 частей: «Век наций (1814 – 1914)», «Образование индустриального общества в XIX – начале XX вв.», «Культурное развитие в XIX – первой половине XX вв.», «Европейская экспансия и колониализм», «Первая мировая война», «Демократии и тоталитарные режимы в межвоенное время», «Вторая мировая война» (9). Интересно соотношение основного и дополнительного текста в учебном пособии: 50/50. Вся важная информация представлена предельно сжато и структурированно, текст делится на части с отдельными подзаголовками, которые часто сформулированы в виде вопросов, побуждающих учащихся к размышлению (например, «Франция – исключение из мирового экономического кризиса?», «Победа демократии?», «Перемирие или капитуляция?» и т.д.) (9).

При подготовке учебного пособия большое внимание было уделено внетекстовому компоненту: в учебнике много иллюстраций, графиков, схем, которые успешно дополняют

основной текст. Пояснительный текст к иллюстрациям зачастую эмоционально окрашен и заставляет задуматься. Особую роль в учебном пособии играют карты, которые не просто призваны проиллюстрировать, например, ход боевых действий на том или ином этапе войны. Для работы с картами предложены специальные задания, благодаря которым ученики приобретают навыки анализа и интерпретации картографической информации.

Наиболее спорные сюжеты сопровождаются историографическими обзорами (досье), что является традиционным для немецких учебников, но совершенно не характерно для учебных пособий во Франции (так, представлены мнения авторитетных историков по следующим темам: «Была ли Веймарская республика обречена?», «Фашизм – универсальный феномен?» «Роль Гитлера в зеркале исследований» и т.д.). После каждой главы помимо традиционных вопросов по тексту авторы предлагают методическую разработку, которая представляет собой алгоритм анализа исторического источника и детально рассмотренный пример («Анализ и интерпретация исторического источника», «Анализ исторической картины», «Методика чтения и анализа научного текста», «Методы работы с архивными данными», «Методика интерпретации статистических данных», «Правила написания сочинения на историческую тему»). Таким образом, ученики не просто получают готовые факты, они учатся находить, читать, понимать и интерпретировать данные исторических источников.

Особенностью учебного пособия является стремление авторов расширить кругозор школьников, «выйти за рамки» учебника. Так, после каждой части учебника авторы предлагают список источников для углубления знаний по изученной теме: это не только сборники документов, мемуары, художественные произведения, но и документальные и художественные фильмы, музеи и памятные места, тематические сайты. Помимо этого, в конце каждого тематического блока представлены важнейшие даты и обзор ключевых терминов на немецком, французском и английском языках.

Таким образом, авторами-составителями проделана колоссальная работа по подбору, интерпретации источников, осмыслению и содержательному наполнению франко-германского учебника. Создание общего учебника по истории учеными из ФРГ и Франции, с одной стороны, стало примером успешного межкультурного диалога: оказалось возможным изложение истории двух стран, которые на протяжении 150 лет трижды воевали друг с другом, в рамках одного пособия. В то же время, появление такого учебника поднимает ряд вопросов: насколько безграничным может быть консенсус в истории? Оправдано ли стирание национальных границ в преподавании истории? Находит ли примирение национальных историографий, осуществленное на уровне профессиональных историков, практическое выражение на уроках истории в ФРГ и Франции? И, наконец, возможно ли создание подобных «бинациональных» учебников для других стран: Польши и Германии, Германии и России², России и Польши?

Источники:

1. Бывшие враги написали общий учебник истории // DeutscheWelle. URL: <http://www.dw.de>
2. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992.
3. Birkenmaier W. Einladung zum Nachdenken: Historie, deutsch-französisch // Stuttgarter Zeitung. 2008. № 104.
4. Deutsch-französisches Geschichtsbuch: eine historische Revolution. URL: <http://www.treffpunkt.europa.de>
5. Ein ziemlicher Spagat: deutsch-französisches Geschichtsbuch. URL: <http://www.spiegel.de/schulspiegel/deutsch-franzoesisches-geschichtsbuch-ein-ziemlicher-spagat-a-414636.html>

---

² Отметим, что в 2010 г. на форуме «Петербургский диалог», проходившем в Екатеринбурге и посвященном теме «Российское и германское общества в следующем десятилетии», Федеральный канцлер ФРГ А. Меркель и Президент России Д.А. Медведев высказали идею о разработке общего российско-немецкого учебника по истории. Планировалось, что такой учебник выйдет в 2012 г., однако до настоящего времени этого не произошло.

6. Freunde feiern ihre Freundschaft //Deutsche Welle. URL: <http://www.dw.de/freunde-feiern-ihre-freundschaft/a-16539411>
7. Graw A. Neues Schulbuch für Deutsche und Franzosen // Die Welt. 2008. URL: http://www.welt.de/welt_print/article1882988
8. Histoire / Geschichte. Europa und die Welt seit 1945. Leipzig: Ernst Klett Verlag, 2006.
9. Histoire / Geschichte. Europa und die Welt vom Wiener Kongress bis 1945. Leipzig: Ernst Klett Verlag, 2008.
10. Histoire /Geschichte. Europa und die Welt von der Antike bis 1815. Leipzig: Ernst Klett Verlag, 2011.
11. Schmoll H. Historische Verständigung. Der zweite Band des deutsch-französischen Geschichtsbuchs ist mehr als ein Schulbuch // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2008. № 82.

УДК

372.893+371.64/.69

ББК 4426.632-268.2 ГСНТИ 13.01.39 Код ВАК 13.00.02

И.В. Даренская

Нижний Тагил

**«ПОЛЕ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ И МАНИПУЛЯЦИИ»:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА 1930-Х ГГ. В
КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ И
ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая культура, методы управления и манипуляции, культура участия, политическое сознание и поведение населения Урала в 1930-х гг.

АННОТАЦИЯ. В статье ставится проблема определения типа и методов формирования политической культуры 1930-х годов. Автор сопоставляет научные концепции, изучающие особенности советской политической культуры 1930-х годов и содержание школьных учебников, освещающих взаимоотношения властных структур и общества в 1920-30-е годы.

I.V. Darenskaya

Nizhniy Tagil

**«FIELD FOR THE CONTROL AND
MANIPULATION»: THE POLITICAL CULTURE OF
THE 1930S IN THE CONTEXT OF THE
CONCEPTUAL THEORIES AND SCHOOL HISTORY
TEXTBOOKS**

KEY WORDS: political culture, methods of control and manipulation, culture of participation, political consciousness and behavior of the population of the Urals in the 1930s

ABSTRACT. The article highlights the problem of determining the type and methods of formation of political culture of the 1930s. The author compares the scientific concept of studying the peculiarities of the Soviet political culture of the 1930s and the content of the school textbooks covering the interactions between the government and society in the 1920-30s.

Формирование новой политической культуры является длительным процессом, зависящим как от складывающейся

отечественной политической практики, реализуемой в нормативных актах и в неформализованных обычаях, так и от политической культуры российского общества, развивающейся на основе преемственности. Успешность данного процесса будет зависеть, в том числе, и от переоценки на основе расширения информации опыта прошлого и последующего отражения достижений науки в школьных учебниках истории.

Так для понимания сущности и специфики современного бифуркационного периода необходимо взвешенно изучать общероссийский и региональный опыт политической жизни в кризисные, переходные периоды, что нами было реализовано на материалах Урала в годы «великого перелома».

Существующий спектр определений «политическая культура» можно разделить на два подхода. Классическое определение политической культуры, сформулированное Г. Алмондом и Г. Пауэллом, звучит следующим образом: «Политическая культура есть совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников данной политической системы. Это субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение» (4. С. 593). В данном определении выделяются две характерные особенности. Во-первых, политическая культура понимается как совокупность ориентаций на политическую деятельность. Во-вторых, политическая культура предстает как структура ориентации, в которую включены: знания о политической системе, ее функциях, действиях; чувства относительно политической системы и политических деятелей (эмоциональные ориентации); суждения, мнения и представления о политической системе (оценочные ориентации).

В рамках второго подхода политическая культура понимается как система исторически сложившихся устойчивых ценностей, установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса и обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности. Как отмечает Е.В. Даринская, политическая культура складывается, с одной стороны, из тех политических

представлений, которые обусловлены традициями, обычаями, верованиями, передаваемыми из поколения в поколение, с другой стороны – из воспроизводства этих представлений в процессе изменяющихся условий политической жизни общества (6).

Таким образом, политическая культура – это поле, где в рамках взаимодействия «власть-индивид-общество» определяются элементы структуры: политическое сознание и поведение; политический опыт.

Из существующих трактовок понятий «управление» и «манипуляция», на наш взгляд, наиболее обоснованными являются следующие подходы. В широком смысле управление представляет собой целенаправленное воздействие на определенный объект с целью стабилизации или изменения его состояния таким образом, чтобы достичь поставленной цели. Манипуляция - один из способов психологического воздействия на личность или группу, направленный на достижение манипулятором своих целей путем незаметного для объекта подталкивания к осуществлению желаемых манипулятором проявлений активности, как правило, несоответствующих с изначальными намерениями объекта манипуляции. Возникает вопрос: насколько сопоставимы данные понятия? По мнению большинства исследователей, манипуляция - это одна из разновидностей управления, объединенная с ним наличием общей цели и разделяемая степенью этичности методов, где к типично-манипулятивным средствам относят: отвлечение внимания человека, снижение критичности объекта, изоляция, перехват инициативы, сокращение времени для принятия решения, затрагивание «струн души», имитация процесса принятия решения самим объектом, акцент на чувстве долга и ответственности человека, формирование стереотипов, искажение действительной ситуации.

Советская политическая культура 1930-х гг., представляющая собой синтез приходского, подданнического, партиципаторного типа взаимодействия власти и общества, являлась пространством, где в равной степени находили отражение методы управления и манипуляции. Формируемая политическая культура базировалась на трех «китах»: 1)

политическом сознании, включающем в себя идеологические (политические знания, ценности, убеждения) и психологические (эмоции, переживания, ориентации) компоненты; 2) активном политическом поведении (установках, типах, формах общественно-политической деятельности); 3) политическом опыте, сочетающем политические традиции, обычаи, политическую память общества.

Длительное время в советской историографии доказывался тезис о повсеместной партиципаторности населения, что вполне объяснимо, поскольку в поле изучения историков оказывались только конвенциональные типы социальных отношений. Советологи апеллировали тем, что всеобщая мобилизация общества на выполнение задач социалистического строительства требовала формирования как единственно приемлемой партиципаторной (участвующей) тактики поведения, что осуществлялось посредством коллективных (идеологических) и селективных (материальных) стимулов. Г. Бурдые в теории политического пространства и М. Вебер в «социологии господства» подчеркивали доминирующую роль власти в формировании стратегий и правовых оснований для реализации представительских полномочий. В отличие от «классических» интерпретаций властных отношений, авторы концепции «культурной рациональности» трактовали общественно-политическую активность как результат рациональной адаптации традиционных (пассивных) установок к требованиям институциональной среды. При этом главным фактором в выборе населением определенной стратегии социального поведения являлась не целенаправленная политика правительства, а сознательный выбор граждан, видевших в активном демонстрировании лояльности к власти необходимое условие удовлетворения материальных потребностей и повышения собственного статуса.

В настоящее время введение в научный оборот новых источников существенно скорректировало представление о безусловном «позитивном советском активизме».

В 1930-е годы распространялась формула «нового» человека: индустриальный человек + НОЧ (научно-

организованный человек) + УСКОМЧЕЛ (усовершенствованный коммунистический человек).

Вовлечение человека в политическое пространство происходило через традиционные каналы взаимодействия власти и общества, интерпретированные новыми управленческими структурами для воспитания «политически активного гражданина». Такими символично-ритуальными мероприятиями выступали партийные, комсомольские, профсоюзные собрания, производственные совещания, ежедневные политинформации, индивидуальные и коллективные «читки» газет, радиопередачи, обучение в системе партийного просвещения, торжественные заседания и демонстрации, «инициированное выступление в ВКП(б), символизирующее «передачу - переход» лучших рабочих в ряды партии. Центральные и местные власти стремились использовать все формы массовой работы, корректируя репертуары театров, планы отчетно-выборных кампаний, содержание вечеров «вопросов-ответов».

В этом контексте формировались основные черты политической культуры 1930-х гг. Авторы, исследующие этот феномен, дают неоднозначные и полярные оценки ее сущности: от негативной (как примитивной культуры тоталитаризма) до положительной (культуры единения и развития).

В основе политической жизни лежал сильнейший персонализм, а политические представления населения основывались на стихийном "вождизме". Также принципом общественной жизни являлся этатизм, а, следовательно, патернализм и ориентация гражданина на социальное восхождение вследствие занятия более высокой позиции в государственной иерархии. Также характерными признаками советской политической культуры были соотнесение всех своих действий и поступков с реализацией социалистической идеи как идеи мирового счастья. Общинность трансформировалась в коллективизм. В.С. Библер отмечал «почти восточный коллективизм, слипание индивидов в анонимный всеобщий социум», приводя в качестве примера отрывки из произведений В. Маяковского:

Я счастлив, что я этой силы частица,

*Что общие даже слезы из глаз
Сильнее и чище нельзя причаститься
К великому чувству по имени класс (5).*

Важными характеристиками политической культуры также являлись унифицированность политического сознания и поведения, тяготение к исполнительским функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью; высокая степень идеологизированности политической жизни; ориентация граждан на партию-государство как высший авторитет и фактически полная атрофия способности к политической самоорганизации и самостоятельному принятию политических решений.

Особенностью политической культуры было тотальное «двомыслие». Дуалистическая культура нового советского человека состояла из молчаливого «операционного кода», складывающегося из реальных правил деятельности и представлений относительно функционирования политической системы. Согласно мнению В.В. Разуваева, советский человек лишь внешне производил впечатление послушного и лояльного гражданина (7).

Парадокс ситуации заключался в том, что формируемая правительством политическая культура, замыкаемая на проявлении лояльности и доверия к властным структурам, сводилась к готовности к демонстрационным актам в их поддержку.

Вступая в противоречие со статистическими данными, фиксирующими 70-80%-ную степень вовлечения населения в политические кампании, в переписке партийных и советских органов констатируется общественная пассивность «большинства». Анализируя ее причины, стоит отметить сохранение у населения традиционного представления о характере участия в политической жизни, приобретенный «инстинкт невмешательства» и зацикленность на индивидуальных повседневных проблемах. Социальной активности общества препятствовала политическая неграмотность и слабый интерес населения к идеологической литературе. Согласно сводкам Пермского окружного Совета, «читаемость» политической периодики достигала лишь 1,4 %,

интерес к газетным статьям руководящего характера составлял 8,55 %, вопросами социалистического строительства интересовались 23 % граждан, а отсутствие интереса к местной газете «Искра» проявляли 100 % населения округа (1. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1188. Л. 19).

Шаблонность и ритуальность политических кампаний, когда ранее допускаемая свободная дискуссия постепенно заменялась 100%-м голосованием за заранее подготовленные резолюции, не подлежащие обсуждению, приводила к формированию двойственности общественного сознания: механической поддержке решений на собраниях и активному «товарищеско-кулуарному» обсуждению актуальных вопросов в неформальной обстановке. Само население отмечало неэффективность механизмов представительства: «зачем ходить на эти собрания, когда не видно от них результата, так как сколько ни выносилось постановлений и предложений, а администрация их в жизнь не проводит, значит от совещаний никакой пользы» (2. Ф. 2. Оп. 5. Д. 26. Л. 281; Оп. 6. Д. 250).

Таким образом, в результате целенаправленной политики сформировалось три типа политического поведения. Первая группа населения, искренне верящая в социалистические идеалы и выбранный путь их реализаций, являлась социальной опорой правительства.

Вторая группа (по выражению Ю. Левады «человек приспособленный») осознавала политическую лояльность как наиболее приемлемую стратегию взаимодействия с властью. Третья модель («человек недовольный») состояла из «обиженных» властью, социальных аутсайдеров, «всегда несогласных» или «идейно чуждых». Анализ информационных сводок различных органов позволяет говорить о существовании типологии «недовольных режимом». Первый тип включал представителей старшего поколения, задействованных на производстве, критика власти которыми сводилась к недовольству существующим материально-бытовым положением. Второй тип самоидентифицировал себя как «неимеющих влияния на политическую жизнь и оставшихся не у дел, но в свое время принимающих активное участие в свержении царизма» (2. Ф. 2. Оп. 6. Д. 14. Л. 22). Третий тип - «активное меньшинство», отрицающее возможность социального диалога и конструктивного сотрудничества с властью. Помимо упора на доверительные отношения,

граничащие с фамильярностью, они прибегали к угрозам, заявляя, что в противном случае будут играть в дудку наших врагов» (2. Ф. 2. Оп. 7. Д. 18. Л. 112 об.). Концентрировано этот подход нашел отражение в письме «непартийного» автора: «Хоть вы завязали рот обывателю, но истины не скроешь, если нельзя протестовать активно, то начинаешь сопротивляться пассивно» (2. Ф. 2. Оп. 6. Д. 14. Л. 18). Отметим, что большинство индивидуальных высказываний являлись коллективными по содержанию. Авторы апеллировали мнением всего народа: «Не надо забывать, что романовское царство существовало 300 лет, ВКП (б) только 10, и если народ захочет, то заставит смотать все партийные дела» (3. Ф. 483. Оп. 8. Д. 118. Л. 104).

К сожалению, те выводы, к которым приходят авторы научных исследований, не в полной мере находят отражение на страницах школьных учебников, в основном, содержащих сугубо авторскую позицию, отраженную в названии и содержании параграфов, характеризующих политическую жизнь 1930-х гг.

В силу сложности изучаемых политических процессов, нами были проанализированы только учебники истории для 11 класса. Наибольшее отражение проблемы политической системы 1930-х гг. нашли в учебниках О.В. Волобуева (8.1), А.А. Данилова (8.2), В.С. Измозика (8.3), А.А. Левандовского (8.4), А.О. Чубарьяна (8.5), В.А. Шестова (8.6).

Во всех проанализированных учебниках используется только термин политическая система и не встречается понятие «политическая культура». Характеризуя общество этого периода, авторы используют следующие понятия: «партия-государство» (8.1, 8.3), «мобилизационная политическая система, основанная на жесткой централизации управления, подчинении всех государственных и общественных структур» (8.2), «сталинизм, отличающийся крайним догматизмом и непримиримостью к инакомыслию» (8.3), «конструкция режима личной диктатуры» (8.4), «общество государственного социализма» (8.4).

Хотя в текстах учебников не содержится термин «политическая культура», авторы, различаясь в степени оценки,

выделяют следующие черты политической жизни, определяющие сознание и поведение общества:

1) «Вождизм». Иллюстрируя данный феномен, авторы учебников прибегают к юмористическим формам, например, к анекдоту: «Идет конкурс на лучший памятник Лермонтову. Победил памятник, удостоившийся первой премии....Позвольте, но ведь это памятник Сталину...Но у него же в руках томик Лермонтова» (8.1. С. 149; 8.4);

2) Всеобщая регламентация, приводящая к вторжению государства во все сферы жизни, вытеснению личных интересов общественными. Для подтверждения этого феномена, приводится цитата историка В.С. Лельчука: «все зависит от умения партии мобилизовывать массы. Отсюда и политические цели: никакого разномыслия, все подчинено генеральной линии, личное - ничто, общественное - все» (8.3. С. 168);

3) Предельная идеологизированность и политизированность общества, для отражения которой в учебниках приводятся имена-политаббревиатуры: Даздраперма (Да здравствует Первое мая), Ким (Коммунистический интернационал молодежи), Классполит (Классовая политика), Красармия (Красная армия), Кэт (Коммунизм, электрификация, труд), Совла (Советская власть);

4) Использование специфических методов. Необходимо отметить, что если авторы учебников (8.2; 8.4; 8.5) используют термин «методы управления», то авторы учебников (8.1; 8.2; 8.6) акцент делают на методы манипуляции, к которым относят поиск виновных, систему пропагандистского обмана, систематическую дезинформацию об итогах развития страны, представление фальсифицированных политических процессов как справедливого возмездия. Особенно в этом отношении выделяется учебник О.В. Волобуева, который прямо заявляет, что «власть умело манипулировала своим народом, мобилизуя его то на ударный труд, то на борьбу с врагами (8.1. С 157);

5) Наличие широкой структуры общественных организаций, в которые была вовлечена основная масса населения страны, среди которых: партия (свыше 2 млн. членов), Советы (свыше 3,6 млн. депутатов и активистов),

комсомол (9 млн. человек), пионеры, профсоюзная организация (27 млн. членов), творческие союзы (8.4. С. 178).

Характеризуя политическое поведение населения страны, авторы приводят как различные поведенческие реакции жителей, так и делают акцент на приспособленческих и неконвенциональных формах поведения (учебники 8.1; 8.3; 8.6). Например, О.В. Волобуев приводит следующие штрихи к портрету времени: «В речи на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. Сталин выдвинул шесть условий развития промышленности. К «шести условиям» народ придумал пять добавочных: солнечное отопление, лунное освещение, заочное питание, райское одяние и гробовое молчание. Были также предложены «шесть заповедей» для безопасности советского гражданина: подумай; если подумал, не говори; если сказал, не записывай; если записал, не печатай; если напечатал, не подписывай; если подписал, отрекись» (8.1. С. 152).

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в последнее время все же был преодолен «черно-белый» взгляд на историю 1930-х гг. В исследованиях историков, политологов, социологов, основанных на значительном спектре источников, содержатся взвешенные, скоррелированные выводы. Следующей задачей общества, заинтересованного в формировании гражданской политической культуры в России, является обеспечение отражения этих выводов в школьных учебниках.

Источники:

1. Государственный архив Пермского края.
2. Пермский государственный архив новейшей истории.
3. Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Литература:

4. Алмонд Г. Гражданская культура и стабильная демократия // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II.
5. Библер В. История культуры и «ствол» нравственности // Библер и вокруг. URL: http://www.bibler.ru/bim_ng_nravstv.html (дата обращения: 10.12.2013)

6. Даринская Е.В. Политическая культура современного российского общества // НПЦ «Социосфера» URL: <http://sociosphera.com/publication/conference/2013/174> (дата обращения: 30.11.13)
7. Политическая культура России: традиции и современность // Credo New. 2011. №3 (67). С. 268-276. URL: <http://aspirantspb.ru/forstudents/rusculture> (дата обращения: 20.11.2013)
8. Учебники: 1. Волобуев О.В. История России, XX – начала XXI вв.: 11 класс, учебник для общеобразовательных учреждений (базовый уровень) / О.В. Волобуев, С.В. Кулешов. – 4-е изд. М.: Мнемозина, 2009. 335 с; 2. История России, 1900-1945: 11 класс. - Учебник для общеобразовательных учреждений / А.А.Данилов, А.В.Филиппов. 2-е изд. М.: Просвещение, 2012. 447 с; 3. Измозик В.С. История России: 11 класс. Учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / В.С. Измозик, С.Н. Рудник. 2-е изд. М.: Вентана - граф, 2013. 384 с; 4. Левандовский А.А. История России, XX – начала XXI вв.: 11 класс, учебник для общеобразовательных учреждений (базовый уровень) / А.А. Левандовский, Ю.Щетинов, С.В.Мироненко. 4-е изд. М.: Просвещение, 2010. 384 с; 5. История России, XX – начала XXI вв.: 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений (профильный и базовый уровень) / А.О. Чубарьчн, А.А. Данилов. 4-е изд. М.: Просвещение, 2011. 302 с; 6. Шестов В.А.. История России, XX – начала XXI вв.: 11 класс: учебник для общеобразовательных учреждений (профильный уровень) / В.А. Шестов. 5-е изд. М.: Просвещение, 2011. 399 с.

УДК

372.893+371.64/.69

ББК 4426.632-268.2 ГСНТИ 14.25.09 Код ВАК 13.00.02

Ю. В. Дёмина

Екатеринбург

**ДВА ТРАГИЧНЫХ ГОЛОДА НА СТРАНИЦАХ
ШКОЛЬНОГО УЧЕБНИКА ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Школьный учебник, голод, демографические процессы.

АННОТАЦИЯ. Рассматривается проблема изученности голодовок в школьном учебнике; рассматриваются разные точки зрения историков на причины, масштабы, последствия голода 1932 – 1933 гг., голода 1946 – 1947 гг. в Советском Союзе.

Y. V. Dyomina

Yekaterinburg

**TWO TRAGIC FAMINES IN THE PAGES OF
HISTORY TEXTBOOKS**

KEY WORDS: schoolbook, famine, demographic processes.

ABSTRACT. The problem of hunger strikes scrutiny in school textbooks; consider different points of view of historians on the causes, extent and consequences of the famine 1932 - 1933 gg., famine 1946 - 1947gg. years in the Soviet Union.

Голод 1931 – 1932 гг. и голод 1946 – 1947 гг. оставили не только трагичный след в истории нашего государства, печальный опыт в развитии сельского хозяйства, но и множество вопросов, до сих пор нерешённых современными исследователями.

XX век вошёл в нашу историю, как век масштабных перемен. Это первая русская революция, Первая мировая война, Гражданская война. Об этих событиях достаточно сказано в школьных учебниках истории. Однако, о голодных годах практически не говорится или кратко упоминается, что учащиеся школ не могут полностью понять причины, масштабы и последствия голода.

На примере учебников по истории России для 9 класса (3) и для 11 класса (1), мы можем проанализировать, насколько полно представлена данная тема.

Голод 1932-1933 гг. в учебнике для 9 класса отражён следующим образом. Материал по этому вопросу представлен в разделе «Результаты коллективизации». Авторы учебника называют основной причиной голода политику коллективизации. «В значительной степени голод был спровоцирован политикой властей. Руководство страны, пытаясь скрыть масштабы трагедии, запретило упоминать о голоде в любых средствах массовой информации» (3. С. 128).

Данному голоду авторы учебника уделены достаточно внимания. Они выделили причины, масштабы голода, подвели итоги. Кроме этого к параграфу прикреплён отрывок «Из дневника современника» (3. С. 128). Он показывает всю трагичность сложившейся ситуации, позволяет учащимся глазами «современника» увидеть советскую деревню в начале 1930 гг.

Что касается голода 1946-1947 гг., то в учебнике для 9 класса о нём не говорится практически ничего: «Ослабленным вышло из войны сельское хозяйство страны, продукция которого в 1945 г. не превышала 60 % от довоенного уровня. Еще более ухудшилось положение в нем в связи с засухой 1946 г., вызвавшей сильный голод...» (3. С. 183).

Голод 1946-1947 гг. практически не изучен современными исследователями. Ему мало внимания уделяется в исторической науке. Это связано с тем, что историкам доступна малая часть документов по послевоенному времени. В связи с этим, возникает много вопросов и белых пятен в истории голода 1946-1947 гг. Возможно поэтому, в учебниках вскользь говорится о голоде.

В учебниках для 11 класса, голодным годам уделено очень мало внимания. Авторы учебника не дают ответы на вопросы: «Почему произошел голод?», «Был ли голод неизбежным?», «Последствия голода». Кроме этого, авторы не ставят воспитательных задач, чтобы донести до учеников бережное отношение к хлебу, к труду крестьян.

Таким образом, тема голодовок в российских учебниках истории представлена недостаточно. В учебниках рассмотрены не все аспекты темы. Не полностью названы причины, масштабы голодовок. Это может быть связано и с тем, что до сих пор в современной исторической науке не утихли споры о голоде 1932-1933 гг. и не полно изучены события 1946-1947 гг.

На современном этапе российскими и зарубежными историками написано немало трудов, посвящённых голоду первой половины 1930-х гг. В современной историографии сложилось два направления: Первое – это исследователи, которые считают голод 1932-1933 гг. «геноцидом» украинского народа. И второе направление – куда входят историки, указавшие, что голод 1932 – 1933 гг. может быть охарактеризован как «организованный» голод

Но всё же, исследователи пришли к мнению, что голод был вызван совокупностью разных причин. Но остаётся дискуссионным вопрос об иерархии факторов наступления голода. Историки выделяют разные причины голода. Одни историки причины голода видели в неблагоприятных погодных условиях, так, Таугер отмечал, что Россия – страна с континентальным климатом, и отсталое сельское хозяйство для нее характерно (11. С. 21). Н.А. Ивницкий в причинах голода видит насильственные хлебозаготовительные кампании (7. С. 241). Исследователь Центрального Черноземья П.В. Загоровский указывает среди причин возникновения и распространения голода выделяет коллективизацию сельского хозяйства (5. С. 12). Профессор истории Неапольского университета Андреа Грациози говорит не об одном голоде 1932 года, а разграничивает события и даёт разную характеристику голоду и выделяет следующие причины: плохая организация и нищета колхозов; сопротивление крестьян, которые не желали мириться с тем, что очень скоро получило у них название «нового крепостного права», и работали все меньше и меньше, отчасти из-за неприятия новой власти, а отчасти из-за физического истощения, вызванного недоеданием; плохие погодные условия 1932 года; насильственная коллективизация (15. С. 1-19). Западные историки Р. Дэвис (Великобритания) и С.

Уиткрофт (Австралия) считают, что голод в первую очередь из-за естественно – климатических причин (4. С. 15).

Не поставлена последняя точка в вопросе о демографических последствиях голода 1930-х гг. В исторической литературе существуют разные цифры. Так, С. Уиткрофт приводит цифру жертв голода в 3-4 млн чел. (11. С. 886-887), Н. Ивницкий – 7,7 млн чел. (7. С. 243), В. Цаплин – 3,8 млн чел. (11. С. 175-181). Для того, чтобы поставить точку в изучении демографических потерь, нужно привлекать к исследованию данные архивных материалов районов, областей. Не до конца понятна карта голода 1932 – 1933 гг. В основном исследованы события голода в зерновых районах страны, хотя и в других регионах наблюдался голод 1932 – 1933 гг. Это – Урал, Западная Сибирь, Казахстан.

Голод 1932 – 1933 гг. стал результатом антикрестьянской политики насильственной коллективизации и хлебозаготовок, проводившейся сталинским руководством ради решения задач форсированной индустриализации страны.

Голод 1946 – 1947 гг. стал активно изучаться в последнее время. Факт голода официально не признавался советским руководством и советской исторической наукой, а источники по данной проблеме являлись недоступными для исследователей. В 1990-е – 2000-е гг. голоду стало уделяться внимание. Возник вопрос в современной историографии: голод 1946-1947 гг. – это последствия засухи? или государственная политика?

Первые исследования, посвящённые голоду, называли основные причины и масштабы голода. В 1991 г. вышла статья И.М. Волкова, в которой автор выдвинул как главные причины голода последствия войны и засуху 1946 г. (2. С. 3-19).

Проблема голода 1946—1947 гг. в России и СССР seriously рассматривалась в публикациях В.Ф. Зимы, который в 1993–1995 гг. опубликовал статьи, а в 1996 г. издал монографию (6). Историк приходит к выводу, что голод был следствием трех главнейших причин: послевоенных трудностей, засухи 1946 г., политики продразверстки в отношении колхозов и совхозов и запоздалой, неэффективной помощи голодающим. Двух первых причин было вполне достаточно для полуголодного

существования народа и третью — продразверстку — никак не следовало допускать. Это дает право называть голод рукотворным, то есть произошедшим по вине государственных структур всех уровней. Причины голода были в гипертрофированной централизации управления (6. С. 6-10).

В некоторых работах последнего времени утверждается, что правительство располагало достаточными возможностями для того, чтобы не допустить или хотя бы серьезно ослабить остроту голода, использовав часть государственного зернового резерва, расходования которого “с маниакальной” настойчивостью не допускал Сталин (9. С. 90).

В. П. Попов считает, что «отнюдь непогодные условия унесли жизни сотен людей. Вина эта в большей степени лежит на властях, не позаботившихся вовремя о продовольственном обеспечении населения голодающих районов» (10. С. 73).

Историк В.В. Кондрашин, сравнивая три советских голода (1921-1922, 1932-1933 и 1946-1947 годов), приходит к выводу, что «голод 1946-1947 годов, несмотря на свои масштабы, все же существенно отличался от предшествующего великого голода начала тридцатых. Прежде всего потому, что он разыгрался в стране, победившей во второй мировой войне, разыгрался тогда, когда сталинская модель экономики и государственной власти уже утвердилась и более всего нуждалась в стабильности. Поэтому он не мог быть, как в 1932-1933 годах, организованным голодом». По его мнению, «главной причиной голода были последствия войны и засухи», то есть в своих рассуждениях о причинах голода он придерживается взглядов И.М. Волкова и И.Е. Зеленина (8. С. 298-312).

На сегодняшний день на основе анализа работ историков о послевоенном голоде можно выделить, как объективные, так и субъективные причины. К первым относятся: разрушительные последствия войны, засуха 1946 г., обострение международной обстановки и начавшаяся «холодная война». К субъективным причинам необходимо отнести: сохранение и даже укрепление административно-командной системы в аграрном секторе, продолжение политики «выжимания соков из деревни» во имя индустриализации, укрепления обороноспособности страны.

Как и в 30-е годы, капиталовложения в сельское хозяйство во второй половине 1940-х гг. фактически не производились. Все имевшиеся ресурсы были использованы для развития тяжелой промышленности и для создания атомного оружия. Создав колхозы, сталинское руководство получало из села сельскохозяйственные продукты по низким закупочным ценам, которые не перекрывали их себестоимость, а затем они продавались по гораздо более высокой цене (14. С. 335). Эти и другие разработки историков должны быть учтены при подготовке учебных пособий по отечественной истории

Литература:

1. Алексашкина Л.Н., Данилов А.А., Косулина Л.Г. Россия и мир в XX – начало XXI века. 11 класс. М., 2010.
2. Волков И.М. Засуха, голод 1946—1947 гг. // История СССР. 1991. № 4. С. 3-19.
3. Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. История России XX – начало XXI века. 9 класс. М., 2008.
4. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР 1931 – 1933. М., 2011.
5. Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. Воронеж, 1998.
6. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
7. Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов в СССР. М., 2009.
8. Кондрашин В.В. Три советских голода // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII-XX веках: история и современность. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 298-312.
9. Попов В.П. Большая ничья. СССР от Победы до распада. М., 2005.
10. Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 73.
11. Таугер М. Б. Урожай 1932 года или голод 1933года // Голод 1932 – 1933 годов: сб. ст. под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1995. С. 21.
12. Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931 – 1933 гг. // Трагедия советской деревни. Т. 3. М., 2001.
13. Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 1930 - годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175-181.

14. Хисамутдинова Р. Р. Голод 1946-1947 гг. в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 2000-е годы) // Отечественная история. 2009. № 6. С. 335.

15. Graziozi A. The Soviet 1931 – 1933 Famines and the Ukrainian Holodomor: Is a New Interpretation Possible? And What Would Its Consequences Be? // Hunger by design: the great Ukrainian famine and its Soviet context. Cambridge. 2008. P. 1 – 19.

УДК

372.893+371.64/.69

ББК 4426.632-268.2 ГСНТИ 03.09.55 Код ВАК 07.00.03

В.Н. Земцов

Екатеринбург

**ИСТОРИЯ РОССИИ КАК ЧАСТЬ МИРОВОЙ
ИСТОРИИ? О КОНЦЕПЦИИ «ЕДИНОЙ ЛИНИИ»
УЧЕБНИКОВ ПО ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: единый учебник по истории, концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, всеобщая история и отечественная история

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается уровень и глубина соотнесения проблем отечественной истории с историей всеобщей в рамках концепции нового учебно-методического комплекса по истории России. Автор приходит к выводу об отсутствии должного понимания у авторов концепции значимости и сложности проблемы и делает неутешительный прогноз по поводу последствий этого для отечественного исторического образовательного и российского научного пространства.

V.N. Zemtsov

Yekaterinburg

**HISTORY OF RUSSIA AS PART OF WORLD
HISTORY? THE CONCEPT OF “SINGLE LINE” OF
HISTORY TEXTBOOKS**

KEY WORDS: single textbook on the history, the concept of a new educational complex national history, general history and national history.

ABSTRACT. The article examines the level and depth of the problems of relating national history with general history within the concept of a new educational complex on the history of Russia. The author comes to the conclusion that the absence of a proper understanding of the authors of the significance and complexity of the concept of the problem and makes a disappointing outlook about the implications for national historical educational and scientific space.

В феврале 2013 г. президент РФ В.В. Путин инициировал работу по созданию «единого учебника по истории». Очевидно, что руководство страны, предлагая избавить учебник «от двойных толкований», имело в виду, прежде всего, подготовку учебника («линии учебников») по истории России. Однако вскоре стало очевидным, что появление такого учебника с неизбежностью ставит вопрос о разработке новых пособий и по всемирной (всеобщей) истории, тем более, что руководителем рабочей группы по созданию «Историко-культурного стандарта» был назначен директор ИВИ РАН академик А.О. Чубарьян.

Действительно, в перечне задач концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории (1) заявлено о необходимости «показать историю России как неотъемлемую часть мирового исторического процесса», а «при подготовке текстов соответствующей линейки школьных учебников» необходимо «обратить внимание на события и процессы всеобщей истории в части синхронизации российского исторического процесса с общемировым» (1. С. 3, 5). Более того, разработчики концепции заявили о том, что важная мировоззренческая задача курса заключается в раскрытии как своеобразия и неповторимости российской истории, так и ее связи с ведущими процессами мировой истории. Это достигается **с помощью синхронизации курсов истории России и всеобщей истории** (выделено в документе – В.3.), сопоставлением ключевых событий и процессов российской и мировой истории, введения в содержание образования элементов компаративных характеристик. А для истории Нового и Новейшего времени, когда Россия стала активным субъектом мировой истории, раскрытие ее контактов и взаимодействий с другими странами во всех сферах – от

экономики и политики до культуры, приобретает особое значение» (1. С. 5).

Столь разумные и ориентированные на перспективные общемировые процессы заявления не могут не вызывать одобрения со стороны научной и педагогической общественности. Однако обращение к основному тексту концепции оставляет достаточно противоречивое впечатление и не может не вызвать ряд вопросов.

В Разделе I разработчики предлагают рассмотреть длительный исторический период от заселения территории «нашей страны человеком» в эпоху каменного века до формирования единого Русского государства в XV в. В этом разделе, как считаем, «евразийский контекст» представлен достаточно традиционно и убедительно (ученику предложено познакомиться с процессом полигенеза в странах Европы, отметить роль византийского наследия в истории Древней Руси, рассмотреть внешнюю политику Руси в рамках общих евразийских процессов и даже обратиться к материалу о «народах и государствах Евразии в XII-XV вв.»), и, казалось бы, не должен вызывать споров. Однако в перечне «трудных вопросов истории России» мы с удивлением обнаруживаем следующий вопрос: «1. Образование Древнерусского государства и роль варягов в этом процессе» (1. С. 65). Другими словами, авторы концепции предлагают снова усомниться в давно доказанном факте значительной роли варяжского элемента в создании Древнерусского государства. Дескать, высказывали некоторые историки такое суждение, но так ли все это на самом деле, до сих пор не известно. Может, и не было никаких норманнов, а восточные славяне сами без участия заморских пришельцев создали государственность.

В преамбуле ко II разделу (Россия в XVI – XVII вв.: от великого княжества к царству) утверждается, что в процессе формирования единого государства «Россия двигалась в общем русле исторического развития с рядом европейских стран, в частности, Англией, Францией и Испанией, где на рубеже XV-XVI вв. также завершился процесс формирования единых национальных государств, пришедших на смену периоду раздробленности» (1. С. 18). Данный тезис, предложенный

рабочей группой под руководством А.О. Чубарьяна, не может не удивлять: либо среди участников этой группы нет историков-зарубежников (что маловероятно), либо они совсем слабо представляют особенности отечественной истории. Если хронологически процессы создания «единых национальных государств» в Западной Европе и в России совпадают, то в отношении сути и факторов, предопределивших эти процессы, они в значительной степени различные. Более того, они различны даже при сопоставлении того, как эти процессы протекали во Франции и Англии, с одной стороны, и в Испании – с другой.

Точно такие же возражения, соединенные с недоумением, вызывает тезис о схожести процессов, связанных «с параллельным развитием абсолютистских тенденций и ростом политического значения органов сословного представительства» в XVI-XVII вв. во Франции, Англии и Испании, с одной стороны, и в России – с другой (1. С. 18). Неужели авторы концепции всерьез готовы уравнивать прерогативы и роль Земских соборов с парламентами, генеральными штатами и кортесами в трех западноевропейских странах? Если это действительно так, то следует либо усомниться в профессиональной квалификации этих авторов, либо признать их чрезмерную политическую ангажированность, которая несовместима с подлинной наукой.

В преамбуле ко II разделу делается неуклюжая попытка объяснить причины отставания России от «великих морских держав эпохи». Эти причины, как можно понять, сводятся к «противоречивости» правления Ивана IV, к влиянию событий Смуты (в этом плане оказалось уже хорошо то, что авторы тезис о вмешательстве «во внутренние дела сопредельных государств (в первую очередь – Речи Посполитой)» не обозначили как главный, а то и единственный), благодаря которым Россия оказалась отрезанной «от океанских торговых путей» (1. С. 19).

Но наибольшее удивление вызывает пассаж, связанный с проблемой крепостного права: «Получила продолжение, завершившаяся в XVI в. тенденция к полному закрепощению крестьян, завершенная принятием в 1649 г. «Соборного Уложения» (ставшего почти на два столетия основой

российского законодательства). Пути социального развития России вполне совпадали с процессами, имевшими место в других странах Восточной Европы (Германские земли, Речь Посполитая), где в это время происходило укрепление крепостнических порядков» (1. С. 19-20). Дело в том, что в Восточной Европе, а именно в германских землях и, частично, Речи Посполитой, начался процесс «второго издания крепостничества», ставший оборотной стороной процесса развития товарно-денежных отношений и формирования буржуазного уклада. Этот процесс в принципе отличался от того, что происходило в России, где в середине XVII в. крепостное право только лишь окончательно было установлено как элемент феодального уклада.

Несмотря на провозглашенный авторами принцип последовательного «сопоставления ключевых событий и процессов российской и мировой истории», в III, IV и V разделах концепции это прослеживается еще слабее, чем в I и II. Так, к примеру, вся эпоха наполеоновских войн, в которой наша страна сыграла отнюдь не последнюю роль, свелась к Отечественной войне 1812 г. и заграничным походам. Причем, в преамбуле IV раздела заявляется, что «после победы в Отечественной войне 1812 года Россия **окончательно** (выделено мной – В.З.) стала ведущим игроком на европейской арене» (1. С. 32). Хочется спросить: что понимать под словом «окончательно», и была ли Россия к 1812 г. ведущим игроком на европейской арене? Мы согласны, что Россия **была одним из ведущих** акторов в европейской международной системе XVIII в. После войны 1812 г. и (это особенно важно!) войн 1813-1814 гг. – на долгое время, вплоть до революций 1848-1849 гг., стала **ключевым** игроком.

Однако все эти хитроумные «неточности» и явные «ошибки» меркнут перед суждениями, связанными с внешней политикой сталинского времени. Так, применительно к 1920-1930-м гг. ничего не сказано о двойственности внешней политики нашего государства, о деятельности Коминтерна, руководимого Москвой и призванного организовать мировую коммунистическую революцию. Не может не вызвать у профессионального историка улыбку и упоминание о

«советских добровольцах» в Испании и Китае этого времени (1. С. 47).

В тексте упомянут советско-германский договор о ненападении (надо полагать, имеется в виду пакт от 23 августа 1939 г.), но умалчивается о Договоре о дружбе и границе от 28 сентября того же года, а также о секретных и дополнительных протоколах, ставших предметом острых политических и научных дискуссий на протяжении многих десятилетий. Следующие за этим два тезиса («Присоединение к СССР Латвии, Литвы и Эстонии; Бессарабии, Северной Буковины, Западной Украины и Западной Белоруссии. «Зимняя война» с Финляндией), на первый взгляд, говорят о стремлении авторов концепции «обойти острые углы». В действительности за этим скрывается намерение «подлакировать» прошлое, отказавшись тем самым от его трагических уроков.

Раздел VII начинается с утверждения, что Великая Отечественная война «явилась важнейшей частью Второй мировой войны». Это споров не вызывает. Но вот следующая фраза выдает авторов концепции и ее заказчиков с головой: «СССР вступил во Вторую мировую войну 22 июня 1941 г., после вторжения Германии на его территорию» (1. С. 48). Вопрос о том, когда именно СССР вступил во Вторую мировую войну и, более того, когда именно Вторая мировая война началась, составляет предмет серьезных споров в отечественной и мировой историографии. Однако Концепция решает эту все еще не разрешенную задачу одним категорическим и совершенно необоснованным заявлением. Вместо того, чтобы сориентировать учителя и ученика на творческий поиск, который должен привести не к зазубриванию утверждений катехизиса, но к осознанному выбору точки зрения, авторы Концепции отсекают такую возможность априори.

Дальнейшие разделы текста концепции, вопреки изначальным заявлениям о готовности «вписать» российскую историю в мировой контекст ограничиваются, в лучшем случае, беглыми внешнеполитическими сюжетами, относящимися к послевоенному СССР и современной России. В последнем случае не может не восхитить тезис о проведении в августе 2008 г. «операции по принуждению к миру» (1. С. 64).

Очевидно, что появление «единой линейки» учебников по отечественной истории будет дополнено (именно – дополнено!) «единой линейкой» учебников по истории зарубежной. Получается, что не мы «вписываем» себя в мировой исторический контекст, но мир, многотысячелетняя история мировых цивилизаций, будет принаравливаться к «нашему» (под «нашим» следует понимать заказанную и утвержденную Кремлем официальную трактовку истории государства) представлению о себе.

Между тем, в исторической науке, в том числе и отечественной, занимающейся изучением мировых исторических процессов, в последние 10-15 лет наметился значительный прогресс, как в плане совершенствования методологических подходов, так и в отношении убедительного разрешения целого ряда ключевых дискуссионных проблем. Это, в частности, нашло отражение в появлении такого издания, как «Всемирная история» в 6-и томах (вышли первые 4 тома), подготовленного, кстати сказать, в том самом Институте всеобщей истории, который возглавляет академик А.О. Чубарьян. Историки, как зарубежные, так и отечественные, отвечая на императивы времени, энергично работают над поиском понимания и презентации того, что сегодня принято называть «глобальной историей». Уверен, что и в изучении прошлого России за те же 10-15 лет произошли перемены, вполне сопоставимые с тем, что делают отечественные историки-зарубежники. С полным основанием могу заявить, что отечественная историческая наука успешно входит в мировое научное пространство.

Столь необычная ситуация, связанная с подготовкой в нашей стране «единой линейки» учебников по истории не может не привести ко множеству коллизий, которые будут сводиться к следующим моментам:

1. Обозначится и будет углубляться разрыв между академической и вузовской исторической наукой, с одной стороны, и школьными курсами – с другой. Убедительные успехи, достигнутые в последние 10-15 лет по преодолению этого разрыва, будут перечеркнуты. 2. Единый учебник отечественной истории, несмотря на заявления властей и его

разработчиков, резко ограничит возможности в плане формирования в школе и вузе самостоятельно и творчески мыслящих личностей. Школьники и студенты будут ориентироваться на «утвержденный сверху» «правильный» взгляд на мировую и отечественную историю. 3. Не только школа, но также академическая и вузовская историческая наука будут развернуты к казенно-патриотическому обслуживанию властных институтов, что приведет к резкому сокращению творческой активности в изучении ключевых проблем гуманитарной сферы. 4. Отказ в курсах истории от обсуждения «неудобных» вопросов, ориентация на замалчивание трагических уроков прошлого, откровенное искажение сути процессов мировой истории неизбежно отбросит общественное сознание страны на уровень советского времени.

Источники:

1. Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории // Менеджер образования: портал информационной поддержки руководителей образовательных учреждений URL: <http://www.menobr.ru/upload/muzruk/2012/2013.09.27.pdf>

УДК

372.893(470/571)+371.64/.69

ББК 4426.632-268.2

**ГСНТИ
03.01.45**

**Код ВАК
13.00.02**

Г.А. Кругликова

Екатеринбург

**ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В
СОВРЕМЕННЫХ КУРСАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурное наследие, государственная культурная политика, реформа образования.

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрен опыт строительства советской культуры после Великой Октябрьской социалистической революции. Осмысление данного опыта и отражение его в учебниках по отечественной истории будет способствовать реализации мировоззренческого потенциала школьной истории.

G.A. Kruglikova

Yekaterinburg

PROBLEM OF CULTURAL HERITAGE IN MODERN RUSSIAN HISTORY COURSES

KEY WORDS: cultural heritage, cultural policy, education reform.

ABSTRACT. The article describes the experience of building the Soviet culture after the Great October Socialist Revolution. Understanding this experience and its reflection in the textbooks on Russian history will contribute to the ideological potential of school history.

Современная реформа образования в России осуществляется в сложных условиях. Российское общество переживает период глубоких структурных, в том числе социокультурных изменений, системного перехода от одной фазы общественного развития к другой.

Каждый новый перелом в политическом развитии нашей страны всегда сопровождается радикальным реформированием системы исторического и обществоведческого образования. Вызвано это сменой ориентиров общего движения страны, изменением целей и задач общественного развития. История как базовая наука и как школьный предмет всегда отражает эти перемены.

В 1990-е годы много рассуждали о «деидеологизации» школьного образования вообще, исторического в частности. Следует прямо заявить, что эта «деидеологизация» обернулась самым откровенным навязыванием новых идеологических стандартов. Необходимо признать, что «чистой», «неидеологизированной» исторической науки, а уж тем более школьного образования, быть не может (8. С. 227).

Школа всегда была одним из «идеологических аппаратов государства» (Л. Альтюссер), и надеяться на ее полную беспристрастность в исторических вопросах, имеющих политическую значимость, по меньшей мере, наивно. Невозможность существования неидеологизированной картины исторического процесса была показана в замечательной книге

Марка Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» (9). Тем не менее, степень идеологизации школы вообще и школьной истории в частности, может быть весьма различна, и эти отличия могут носить качественный характер.

Анализ основных этапов государственной образовательной политики 90-х гг. XX - начала XXI вв. позволяет сделать вывод о позитивных изменениях в ее осуществлении, начиная с 2001 г. На современном этапе правительство России стало уделять большее внимание содержанию школьной истории. Его беспокоит наличие огромного количества учебной литературы, не отвечающих задачам нравственного и патриотического воспитания школьников, и в этой связи оценка в них русского культурно-исторического наследия. Особое беспокойство по поводу состояния культуры современного общества высказывают крупные общественные деятели и ученые. Пристальное внимание проблемам содержания школьной истории уделяет Президент РФ В.В. Путин.

Обращение к проблеме «Преемственности и разрыва культурно-исторических традиций» неслучайно. Само ее возникновение обусловлено сложнейшей политической и социально-экономической историей нашей страны в XX столетии. В этой связи особую актуальность приобретает изучение истории русской и советской культуры. Изложение в учебных пособиях данного историко-культурного материала зачастую является определяющим для решения задач нравственного воспитания и формирования мировоззрения подрастающего поколения. В настоящей статье мы обратимся к опыту строительства новой советской культуры – задач, направлений, достижений и сложностей, с которым столкнулась новая власть.

Проблема культурного наследия приобрела с первых дней Советской власти чрезвычайную остроту, и на пути ее решения встало немало трудностей.

В этой связи изучение освоения культурного наследия в стране после Октябрьской революции уже само по себе представляет большой научный и практический интерес. Важное значение имеет конкретный анализ того, как решалась

данная проблема на различных этапах истории советского общества.

Своеобразие идейной и политической обстановки первых лет Советской власти, сложность самой проблемы культурного наследия предопределили особую остроту споров вокруг нее, обнаружили ряд новых черт и особенностей в процессе овладения культурой прошлого. Без учета этих особенностей, равно и как без анализа конкретно-исторических условий, нельзя понять ни всей сложности решения проблемы культурного наследия, ни причин той категоричности, того максимализма, который был характерен для большинства участников культурного строительства.

Несмотря на сложность политической и экономической ситуации, правительство страны уделяло большое внимание культурному развитию страны. Анализ источников свидетельствует, что государство в лице Наркомата просвещения было организационным центром музейного дела. Музеи считались мощным орудием просвещения, и потому передача их под патронаж этого ведомства представлялась самым разумным решением.

Нарком просвещения А.В. Луначарский сформулировал позицию государства по отношению к музеям. По его мнению, музеи – это, прежде всего, опорные пункты в деле народного образования, но вместе с тем им присущи и другие социальные функции: музеи – это хранилища художественных ценностей и опора науки. При этом нарком подчеркнул, что «музеи существуют не для ученых и не для художников, мягче – не только для ученых и художников, но и для народа» (6. С. 214).

Таким образом, музеи рассматривались как хранилища национальной культуры, опорные пункты науки, которые необходимо оберегать и сделать доступными народным массам в целях их просвещения и обогащения их интеллектуального потенциала.

В результате принятия основополагающих законов и постановлений по всей территории страны развернулась работа по организации музейного дела. Задачи, стоявшие в ту пору перед музейными организациями в центре и на местах, были поистине впечатляющими. На громадной российской

территории следовало создать государственную музейную сеть, т.е. разработать основные типы музеев, реорганизовать существующие и основать новые, объединив деятельность отдельных музеев; требовалось выработать основы государственной музейной политики, демократизировать и популяризировать музейное дело, организовать периодические форумы музейных деятелей и издание специальной музееведческой периодики (7. С. 19).

Тем не менее, Наркомпрос, аппарат которого в своей деятельности реализовывал методы, формы и содержание просветительской работы, как они задавались партией, находился под бдительным наблюдением ЦК. Важным шагом Советского правительства в деле охраны памятников, стало формирование сети государственных органов, ведавших сохранением и использованием историко-культурного наследия.

Принятие основополагающих законодательных актов – Декретов СНК «О национализации внешней торговли» (22 апреля 1918 г.), запрещавшего торговлю частным лицам; «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения» (19 сентября 1918 г.) и «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства, старины, находящихся в ведении частных лиц, обществ и учреждений» (5 октября 1918 г.), четко выразивших суть политики Советской власти по отношению к культурно-историческому наследию, определило последующую деятельность государственных органов. После создания системы государственных региональных органов охраны памятников истории и культуры работа по спасению историко-культурных ценностей приобрела более планомерный и систематический характер.

Советское правительство не могло не обратить внимания на то, что большую часть памятников составляли культовые постройки. Тем не менее, Постановление Совнаркома, принятое в марте 1923 г., разрешало в виде исключения отпуск государственных средств на ремонт сооружений религиозно-культового характера, выдающихся в историко-культурном отношении, по особому списку, ежегодно предоставляемому

Наркомпросом на утверждение СНК при обсуждении бюджета (1).

В данном постановлении следует выделить две существенные особенности, характерные для правотворчества в области охраны и использования культурно-исторического наследия первой половины 1920-х гг. Прежде всего, этот нормативный акт форсировал необходимость составления и утверждения списков лишь недвижимых памятников культового характера. Объясняется это тем, что, как уже отмечалось выше, подавляющую часть находившихся на учете зданий составляли соборы, церкви и монастыри. Между тем, именно в начале 1920-х гг. происходило массовое распространение атеизма и роста антиклерикализма (4). При подобных обстоятельствах реставрация части повсеместно закрывавшихся (по решениям обществ верующих) молитвенных зданий приобретала явно выраженный идеологический характер и требовала тщательного контроля со стороны Советской власти.

Утвержденный 7 января 1924 г. ВЦИКом декрет «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» внес серьезные коррективы как в само положение недвижимых памятников, так и в работу по подготовке их списков. Статья 2 той же инструкции устанавливала, что без «письменного разрешения отдела» запрещалась сломка, перестройка и даже ремонт данного круга объектов (3. С. 7). Тем самым, декрет от 7 января 1924 г. и инструкция к нему, выделяя недвижимые памятники, не только подчеркивали их особое место, но и культурную и хозяйственную роль в общем комплексе историко-культурного наследия. В результате принятых мер удалось сохранить для страны многие тысячи предметов искусства, которым угрожали уничтожение или вывоз за границу. Данное обстоятельство весьма примечательно в условиях современного тотального сноса исторических зданий без письменного на то разрешения.

С сожалением приходится констатировать, что максимальное упрощение взглядов на культуру и ее роль в общественной жизни, возникшее с середины 1920-х гг. в трудах теоретиков, принесло и практические результаты: постепенно начала сужаться сфера культурной жизни, из нее изгонялись

«чуждые» художественные течения, борьба с которыми приобрела политическую окраску. Наука, культура и искусство превращались в инструмент государства по «обсуждению текущих задач» - индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и т.д. Решающая роль в создании подобной ситуации принадлежала органам партийного руководства культурой. Теперь всю научную работу следовало направить на изучение естественных производительных сил страны, на исследование революционного и рабочего движения, жизни и быта трудящихся; просветительную работу – приблизить к запросам школьного и профтехнического образования и массового просвещения; в целом содействовать индустриализации страны, укреплению ее обороноспособности и других важнейших задач социалистического строительства (5). В итоге был нанесен большой урон культурному наследию народа, что привело ко многим невосполнимым утратам. Музеи разного уровня и профиля, обладая уникальными памятниками, заполняли свои залы схемами, диаграммами, общеизвестными документами, постановлениями партии и правительства, опубликованными в центральной и местной печати.

Особая ситуация сложилась с памятниками истории и архитектуры. В конце сентября 1928 г., на пост начальника Главнауки Наркомпроса РСФСР вступил М.Н. Лядов. Начало своей деятельности он ознаменовал докладной запиской в адрес коллегии Наркомпроса с предложением полностью реорганизовать вверенный ему комитет и, в частности, ликвидировать Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины (2). Принятие данного предложения привело к тому, что, начиная с 1929 г. перестали существовать не только местные, краевые и областные органы охраны памятников, но и его центральный отдел.

С 1929 г. в стране началось организованное и планомерное уничтожение архитектурных и исторических памятников. К тому же интересы научной фиксации памятников, извлечение и сохранение ценных архитектурных деталей являлись не строго обязательными, но лишь учитывались разрушителями. Примечательно, что сама Главнаука, занимавшаяся охраной памятников, обратилась

летом 1929 г. ко всем музейным учреждениям со специальным методическим письмом, указав на «необходимость развертывания антирелигиозной работы в музеях».

Массовая продажа культурных ценностей с конца 1920-х гг. была закономерна, т.к. она являлась отражением менталитета советского общества того периода с его нигилистическим отношением к дореволюционному прошлому страны, а также необходимостью в финансах для развития народного хозяйства и подъема промышленности. Это нанесло непоправимый ущерб культуре, созданной несколькими поколениями.

В конце 1920-х гг. фактически восторжествовал нигилистический, пролеткультовский подход к творениям прошлого. За ними не признавалось уже никакой духовной ценности для строителей социалистического общества. Так памятники многовековой истории и культуры народа превратились в источники поступления валютных средств и цветного металла, использовались в хозяйственно-бытовых целях без всякого учета времени их создания и историко-культурной ценности. Полная утрата понимания культурной значимости памятников воплотилась в ряде решений высших органов власти и управления РСФСР в конце 1920-х гг. и в практической деятельности местных Советов.

Ликвидация стройной системы государственных органов охраны памятников; уничтожение памятников зодчества, в том числе старинных церквей, составлявших большинство объектов учета; экспорт лучших музейных экспонатов – все это наиболее яркие проявления курса на растрату и уничтожение отечественного культурно-исторического наследия прошлого, проводимого в конце 1920-х гг.

Удивительно, но многое из того, что происходило с культурным наследием в первые годы Советской власти, происходит и сегодня. Мы воочию наблюдаем варварское и хищническое отношение к предметам старины, сталкиваемся с нарушением законодательства в области охраны памятников истории и культуры. С сожалением приходится признать, что знание ошибок прошлого не всегда приводит к их неповторению сегодня. Если в 1920-е гг. одним из составных элементов идеологии был отказ от культурно-исторического наследия

дореволюционной России, то в 1990-е гг. господствовала идея отказа от культурного наследия советской эпохи (10).

Обращение к изучению культуры сегодня - это поиски скрытых резервов развития общества, повышение интереса к духовной жизни, способ возвращения нравственных ценностей общества. Весь опыт политической истории России XX века свидетельствует о том, что содержание культурного материала в школьных исторических курсах обеспечивало преемственность в трактовке русского исторического процесса, что в немалой степени способствовало реализации мировоззренческого потенциала школьной истории. Культура играет важную роль в жизни общества, являясь средством аккумуляции, хранения и передачи накопленного человечеством опыта; культура является особой человеческой формой бытия, которая имеет свои пространственно-временные границы; культура служит одной из важных характеристик жизнедеятельности как отдельной личности, так и конкретного общества в целом.

Источники:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-130. Оп. 7. Д. 1-а. Л. 181.
2. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 1768. Л. 2.
3. Декреты и инструкция об учете и охране памятников искусства, старины и природы. М., 1924.
4. О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды // Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1923. С. 674-676.
5. СУ РСФСР. 1928. № 116. Ст. 726.

Литература:

6. Закс А.Б. Речь А.В.Луначарского на конференции по делам музеев // Археографический ежегодник. 1976. М., 1977.
7. Музейное дело в СССР. Сб. науч. тр. М., 1989. Вып.19.
8. Соловьев С. Идеологические мифы в современных учебниках истории // Отражение событий современной истории в общественном сознании и отечественной литературе (1985 — 2000): Материалы научно-практической конференции , 27-28 октября 2009 года. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 227-245.
9. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. 351 с.

10. Шабельникова М.А. Вопросы русской культуры в школьных учебниках XX - начала XXI столетия: автореф. дисс. ... канд.ист.наук. М., 2007. URL: <http://www.dissercat.com/content/voprosy-russkoi-kultury-y-shkolnykh-uchebnikakh-xx-nachala-xxi-stoletiya> (дата обращения 23.02.2014)

УДК

372.893(470.5)+371.64/.69

ББК 4426.632-

268.2+ТЗ(235.55) р

ГСНТИ

13.01.39

Код ВАК

13.00.02

А.П. Кузьмина

Екатеринбург

**СЕЛЬСКАЯ ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ НА УРАЛЕ В
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. И ЕЕ ОСВЕЩЕНИЕ В
ШКОЛЬНЫХ И ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКАХ
ИСТОРИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сельская электрификация, модернизация, индустриализация, сельскохозяйственное производство, Урал.

АННОТАЦИЯ. В статье в дискуссионной форме ставится вопрос необходимости изучения истории сельской электрификации в школьном и студенческом курсе, а так же внесения сведений по данной тематике в школьные и вузовские учебники по истории России и Урала. В сжатой форме раскрывается вопрос внедрения электрической энергии в сельскохозяйственное производство, как важнейший фактор по пути модернизации уральского села в I половине XX века.

А.Р. Kuzmina

Yekaterinburg

**RURAL ELECTRIFICATION IN THE URALS IN THE
FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY AND
COVERAGE IT IN THE SCHOOL AND UNIVERSITY
HISTORY BOOKS**

KEY WORDS: rural electrification, modernization, industrialization, agricultural production, Ural.

ABSTRACT. In an article in the form of discussion put the question the need to study the history of rural electrification in the school and undergraduate course, as well as the entry of data on this subject in school and academy textbooks on the history of Russia and the Urals. In condensed form disclosed the matter of introduction of electric energy in agricultural production as a major factor in modernizing the Ural village in the 1st half of the XX century.

С появлением электричества изменился весь уклад жизни человека. Оно стало необходимым, как воздух, привычным, как дыхание. Без тени удивления мы нажимаем кнопки, клавиши, щелкаем выключателями, зажигая электролампы, включая телевизор. Научно-технический прогресс в любой сфере невозможен без электрификации. Она дает возможность в самых широких масштабах осуществить механизацию и автоматизацию производственных процессов, а так же является важнейшим фактором увеличения производительности труда, повышения материального и культурного уровня народа. Если оценить комплексное влияние электрификации на жизнь общества, то ее можно рассматривать как революцию, результатом которой и стало формирование современной цивилизации и тех привычных условий, без которых трудно представить современную жизнь.

Несмотря на важность изучения процесса применения электрической энергии в промышленности, сельском хозяйстве и быту, в школьных и вузовских учебниках по истории России и Урала этому вопросу уделяется минимальное внимание. Зачастую в них упоминается лишь принятие плана ГОЭЛРО в 1920 г., в рамках изучения плановой экономики, однако не освещается значимость данного процесса в переустройстве экономики и быта населения нашей страны, основные закономерности и сложности данного процесса, не освещаются великие стройки и трудовые кадры электрификации.

В историографии вопросу электрификации страны уделялось значительное внимание, электрификации сельского хозяйства в отдельных регионах посвящены работы В.В. Алексеева, П.И. Богдашкина, А.Т. Золотухина, М.И. Крайнева, В.А. Носкова (8,9,10,11,12). Процесс сельской электрификации в Уральском регионе является весьма показательным.

Электрификацию сельской местности необходимо рассматривать как важнейшую составную часть модернизации деревни. Электричество сделало доступным для сельских жителей многие блага цивилизации (освещение, телефонную связь, кинематограф, телевидение, возможность пользоваться бытовой техникой и т.д.), став, таким образом, важнейшим фактором преобразования не только сельскохозяйственного труда, но и быта, досуга, не претерпевавших существенных изменений на протяжении целых столетий.

В школьных и вузовских учебниках по истории России и Урала возможно представление периодов процесса сельской электрификации, а так же его изучение на протяжении всего курса отечественной истории XX века. Первый период (1920 – 1943 г.) характеризуется сооружением отдельных мелких электростанций, локальными опытами применения электричества в крестьянском и затем колхозном селе, организацией товариществ по электроснабжению деревни; второй период (1944 – 1953 г.) характеризуется массовым строительством сельских электростанций, налаживанием процесса сельской электрификации, внедрением электричества в сельскохозяйственное производство и началом присоединения колхозов и совхозов к государственным электросетям.

В рамках первого периода (1920 – 1943 г.) видится логичным выделить два этапа. В первый этап (1920 – 1928 гг.) электрификация проводилась в крестьянской деревне, в период восстановления после Первой мировой и Гражданской войн, во второй (1929 – 1943 г.) – электрификация проходила в колхозах и совхозах Урала в русле плановой экономики. Во втором периоде так же можно выделить два этапа, границей для которых будет являться окончание Великой Отечественной войны. В первый (1944 – 1945 г.) – сельская электрификация осуществлялась в условиях войны, что наложило свой отпечаток на особенность строительства и качество сельских установок, во второй (1946 – 1953 г.) – сельская электрификация проходила в условиях послевоенного восстановления.

Дореволюционная Россия по уровню электрификации страны в целом занимала 16-е место в мире. На всей территории Российской империи было 78 небольших электростанций общей

мощностью около 2 тыс. кВт, которые располагались в сельскохозяйственных предприятиях, принадлежавших крупным землевладельцам и обслуживавших только их поместья (9. С. 58). Для освещения в деревнях применялись лучина, свечи, различные керосиновые лампы.

К началу XX в. паровая энергетика перестала удовлетворять нужды хозяйств, начался переход к электроэнергетике. Не составил исключение в этом плане и Урал. До 1918 г. на Урале было сооружено 10 сельских электростанций (15. С. 101–104). Однако, процесс электрификации села начался только в 1920-е гг.

На первом этапе строительство сельских электростанций началось после принятия плана ГОЭЛРО. В нем обращалось большое внимание на электрификацию сельского хозяйства, кустарной и мелкой промышленности, подчёркивалась необходимость использования электроэнергии на восстановление и развитие сельского хозяйства как страны в целом, так и Уральского региона в частности (16. С. 128). В данный период электрификация проводилась стихийно, по инициативе отдельных кооперативных товариществ и сельских обществ, без строго продуманных технических и финансовых проектов и без необходимого учёта экономической выгоды (1. Л. 1).

Решающую роль на данном этапе сыграли общества по электрификации. Наиболее активным обществом, возглавившим в стране работу по электрификации деревни, стала специальная контора по электрификации сельского хозяйства «Электросельстрой», образованная в 1922 г. при Народном комиссариате земледелия РСФСР (2. Л. 26). Образованное в 1924 г. на Урале отделение общества «Электросельстрой» на долгие годы стало активным участником, заинтересованным в планомерной и профессиональной электрификации сельского хозяйства (3. Л. 25).

Количество электростанций на Урале увеличивалось в более низких темпах, чем это предполагалось в планах сельской электрификации. Динамику сооружения и использования электростанций к 1926 г. можно проследить по табл. 1.

Таблица 1
Сельские электрические установки на Урале
в 1917 – 1925 гг.*

	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	Всего
Всего сооружено	10	5	9	10	10	8	10	13	16	91
Действовало к 1926 г.	5	2	3	6	7	6	6	9	15	59
Бездействие -вало	4	3	4	4	3	2	4	4	1	29

* Подсчитано по: Хозяйство Урала. 1926. № 19. С. 103; ГАСО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1033. Л. 59.; ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1029. Л. 4.; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 1201. Л. 25.

Таким образом, за девять лет на Урале была сооружена 91 сельская электростанция. Однако, ввиду ряда причин к 1926 г. из 91 электростанций бездействовало 29, что составляло 1/3 от общего количества станций. Из 59 действовавших электростанций 48 – находились при сельских промышленных предприятиях (главным образом при мельницах), 13 существовали самостоятельно.

Все эти станции находились в ведении различных объединений: артелей, кооперативных и кредитных товариществ, сельсоветов, районных исполнительных комитетов и прочих организаций. Частновладельческих электростанций в Уральской области не было. Общее число занятых на станциях электромонтёров составляло около 230 человек (15. С. 102).

Общее количество электрифицированных на Урале к 1926 г. крестьянских дворов составляло 10770 (в том числе в Свердловском округе 6209), число присоединённых ламп – 16200, общая мощность электростанций – 970 кВт; на каждый электрифицированный двор приходилось в среднем 1,5 установленных лампочки и около 0,09 кВт энергии (15. С. 102).

Электрификация сельского хозяйства шла медленными темпами и к 1929 г. на Урале имелось 108 электростанций, общей мощностью в 6043 кВт, что давало в среднем на 1 выстроенную станцию 56 кВт (4. Л. 30). При такой мощности электростанции электроэнергия не применялась в сельскохозяйственном производстве, а использовались в основном как замена механической тяги при кустарной переработке сельскохозяйственного сырья и для освещения помещений. Таким образом, в учебниках данный период возможно представить, как период постановки проблемы сельской электрификации и ее первых шагов на Урале.

С 1929 г. начинается новый этап электрификации села. Электрификация в этот период проводилась исключительно в обобщественном секторе сельского хозяйства с преимущественным применением электроэнергии для целей индустриализации сельского хозяйства. Проведение электрификации стало возможным после массовой организации колхозов и совхозов, при создании крупных объединённых хозяйств. Наличие этого условия позволяло проектировать крупные установки, что в свою очередь удешевляло их строительство. Всё строительство в этот период выполнялось главным образом за счёт средств заказчика (сельчан).

В 1930-е гг. внедрение электричества главным образом должно было идти по линии электрификации процессов в животноводстве и на удовлетворение бытовых и коммунальных нужд. В районах, прилегавших к высоковольтной линии районной сети, предусматривалось питание от этой сети, а в удалённых районах были запроектированы свои сельскохозяйственные электростанции. Основным условием, делавшим применение электричества в сельском хозяйстве экономически выгодным, являлось удешевление как электрической энергии, так и удешевление стоимости электроагрегатов.

Немаловажную роль на этом этапе сыграло проектирование Урало-Кузнецкого комбината, в рамках которого развитие промышленности Урала требовало увеличения населения промышленных районов за счёт привлечения сельского населения.

В связи со строительством Урало-Кузнецкого индустриального комбината, электрификация сельского хозяйства должна была встать в другую плоскость, на базе ведущей отрасли индустриализации (5. Л. 36). Данные табл. 2 ярко подтверждают наращивание мощности электрических станций для сельского хозяйства.

Таблица 2

Мощность электрических станций для электрификации сельского хозяйства в Уральской области, как составной части Урало-Кузнецкого комбината. 1931 – 1937 гг. (кВт)*

Годы	Требуемая для производства мощность	Мощность, вступающая в эксплуатацию
1931	4540	36754
1932	16770	12230
1933	96770	80000
1934	272770	176000
1935	498770	226000
1936	724770	226000
1937	906770	182000

* Подсчитано по ГАСО: Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1215. Л. 55, 56.

Однако, и на данном этапе электрификация колхозов и совхозов проходила в целом медленно. По мере ввода в эксплуатацию крупных районных и промышленных электростанций село стало получать электрическую энергию, хотя и в незначительном количестве, от государственных электросетей. Проведение электрификации в Пермской, Челябинской и Свердловской областях опиралось на мощный промышленный потенциал, и поэтому уже в довоенный период здесь и в других областях и республиках Урала электроэнергией пользовались 2,4% колхозов, 24% машинно-тракторных станций (МТС) и 31% совхозов (6. Л. 2).

Таким образом, в 1930-е гг. сельское хозяйство, в отличие от промышленности, не перешло на электроэнергетическую базу. Электричество на селе так и использовалось, в основном для освещения. Несомненно, это имело огромное положительное влияние на культуру и быт деревни, что необходимо подчеркнуть в школьных и вузовских курсах. Кроме того, оно повышало производительность труда

кустарей, тем самым повышая доходность крестьянского хозяйства. Однако, несмотря на эффект, получаемый от освещения деревни, от строительства станций, имевших только осветительную нагрузку, приходилось отказываться из-за их убыточности. Электрификация сельского хозяйства тормозилась нерешённостью проблем применения электрической энергии в земледелии, трудностями колхозного строительства, недостатком электроэнергии, соответствующего оборудования и кадров.

Во время Великой Отечественной войны процесс сельской электрификации на Урале был практически полностью остановлен, однако на заключительном этапе войны сельская электрификация вступила в новый принципиально новый этап своего развития, характеризующийся массовым строительством сельских электростанций и электрификацией колхозов, совхозов и МТС. В феврале 1944 г. бюро Свердловского обкома партии приняло постановление «Об электрификации колхозов и МТС области», в котором ставилась задача проведения сельской электрификации путем строительства малых электростанций. Одним из первых начал строительство гидроэлектростанции колхоз «Заря» Ачитского района на реке Ут. Колхозники смогли построить гидроэлектростанцию мощностью в 250 кВт, большую помощь им оказали промышленные предприятия Свердловска и Первоуральска, обеспечили необходимым электрооборудованием. В 1944 г. в Ачитском районе на базе использования существующих плотин были электрифицированы 8 колхозов и 2 МТС. А в целом по Свердловской области электрическую энергию имели к концу 1944 г. 293 колхоза из 2185, что составило 13,4% и 25 МТС из 74, что составило 33,8% (14. С. 26).

8 февраля 1945 г. СНК СССР принял постановление «О развитии сельской электрификации». Опыт Пермской, Свердловской, Горьковской и Ярославской областей в проведении электрификации силами колхозов за счёт средств самих колхозов и сельскохозяйственного кредита был одобрен. На Урале широко развернулось шефство промышленных предприятий над строительством малых электростанций.

В 1945 г. по Свердловской области электрифицировано 1007 колхозов из 2168 (46%) и 38 МТС, построены и сданы в эксплуатацию: 116 гидростанций (мощность 3230 кВт), 238 тепловых (5310 кВт), смонтировано 471 понизительная и повысительная подстанции, оборудовано высоковольтных и низковольтных линий электропередач 4300 км, установлено электромоторов 1300, оборудовано 87 тыс. электроточек (в колхозных домах, больницах, амбулаториях и животноводческих фермах) (14. С. 26). Ярко демонстрирует скачок в электрификации сельской местности данные табл. 3.

Таблица 3

Развитие сельской электрификации в Свердловской области
в 1944 – 1947 гг.*

Показатели	Годы			
	1944	1945	1946	1947
Всего электроустановок	270	1120	1646	2415
Электрифицированных колхозов	299	1074	1500	1750
Электрифицированных МТС	24	41	78	84

* Богдашкин П.И. Электрификация сельского хозяйства СССР. М, 1960. С. 47.

С 1946 г. начинается новый этап сельской электрификации, когда Свердловская область выступила инициатором данного процесса на Урале и в стране (7. Л. 141 об.). На 1 июля 1947 г. только здесь было построено и введено в действие 174 гидроэлектростанции, 576 малых тепловых электростанций общей мощностью 21000 кВт. В 18 районах к лету 1947 г. были электрифицированы все колхозы. Электрическую энергию получили 9000 ферм, 600 больниц, 129000 колхозных дворов, 402 мельницы. В колхозе «1 Мая» Серовского района смонтирована первая электростанция, работавшая на природном газе; 2000 колхозов из 2164 повседневно стали использовать электрическую энергию (17. С. 4 – 5).

В последние военные годы в процессе сельской электрификации задействуется большое количество кадров. На

строительных работах по сооружению сельских электростанций только в Свердловской области было занято свыше 120 комсомольско-молодёжных бригад, насчитывавших более 2,5 тыс. молодых колхозников, 27 электростанций сооружались в колхозах только силами комсомольцев (17. С. 5). Электрификация сельского хозяйства изменяла условия труда колхозников и изменила кадровый состав сельских тружеников. Обучаясь в монтажных бригадах, в производственном ученичестве на подшефных предприятиях и в школах механизации, около 2 тыс. молодых колхозников получили профессии турбинистов, машинистов, механиков и электромонтеров и стали ответственными за эксплуатацию сельских электростанций. Использование данного сюжета в учебниках истории региона способствует увеличению патриотизма и чувства гражданственности среди обучающихся.

К 1950 г. энергию на Урале получали 26% колхозов, 87% МТС и 86% совхозов. В Свердловской области в 1952 г. пользовались электроэнергией 94,9% колхозов и все МТС и совхозы (7. Л. 148). Этот уровень значительно превышал общесоюзные показатели по сельской электрификации.

С 1953 г. электрификация сельского хозяйства вступила в принципиально новый этап своего развития. Его отличительными особенностями являлось активное присоединение сельскохозяйственных потребителей к государственным электрическим сетям и прогрессирующее использование электрической энергии в производстве.

В этот период электрификация оказала особое влияние на советскую деревню и в бытовом плане. Она ломала старые представления о труде, способствовала эволюции сознания крестьян в целом. Электрическое освещение вело к повышению культуры быта, способствовало распространению знаний. Там, где появлялось электричество, как правило, налаживалась систематическая демонстрация кинофильмов, появлялось радио и телефон, которые имели важное просветительское и культурно-воспитательное значение.

Электрификация способствовала техническому просвещению масс. Их оборудование, а также специалисты производили неизгладимое впечатление на крестьян. Сами

сельские жители высоко оценивали значение электрификации в их жизни, отмечая, что взрослые люди стали больше читать, дети лучше учиться, улучшились санитарные условия жизни.

В целом, электрификация, как процесс внедрения новой техники и прогрессивных технологий для улучшения организации труда, в 1920 – 1953 гг. значительно ускоряли переход от частичной к комплексной механизации сельскохозяйственного производства, что являлось большим шагом на пути индустриализации сельскохозяйственного производства и модернизации села.

Преобразования в сельском хозяйстве вызвали необходимость наращивать электротехническую составляющую агропромышленного комплекса и на ее основе повышать эффективность сельскохозяйственного труда, модернизировать техническую базу, формировать кадры сельских энергетиков. Несмотря на социально-политические и экономические изменения, произошедшие в последнее время, многие проблемы села продолжают оставаться нерешенными. Сегодня перед обществом вновь встали вопросы преобразований в энергетической отрасли, исторического опыта, повторяемости ошибок, что в комплексе усиливает необходимость обращения к данной теме, что делает очевидным акцентировать тему промышленной, сельской и бытовой электрификации в школьных и вузовских учебниках по истории России и Урала.

Источники:

1. ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1029.
2. ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1566.
3. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 1201.
4. ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 1710.
5. ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Д. 1215.
6. ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 3. Д. 476.
7. РГАЭ. Ф. 8375. Оп. 1. Д. 460.

Литература:

8. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Новосибирск, 1973. Ч. 1;
9. Богдашкин П.И. Электрификация сельского хозяйства СССР. М, 1960;

10. Золотухин А.Т. Электрификация в сельском хозяйстве. Воронеж, 1954.
11. Крайнев М.И., Крайнёв А.М., Крайнёв С.А. Линии опоры. Саратов, 2006.
12. Носков В.А. Рен Ф.Д., Саттаров Р.Г., Савков Л.П. Электрификация сельского хозяйства Удмуртской АССР: Проблемы и перспективы. Ижевск, 1960.
13. Гладков И.А. В.И. Ленин и план электрификации России. М., 1947.
14. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Свердловск, 1990.
15. Ольшванг А. Сельское строительство на Урале // Хозяйство Урала. 1926. № 19.
16. План ГОЭЛРО. М., 1936.
17. Рабинович Р.И. Электрифицированный колхоз. Свердловск, 1947.

УДК

372.893+371.64/.69

ББК4426.632-268.2 ГСНТИ 03.81.21 Код ВАК 07.00.02

С.А. Кусков

Челябинск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В СВЯЗИ С ВНЕДРЕНИЕМ ЕДИНОГО УЧЕБНОГО КОМПЛЕКСА ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА (ВЗГЛЯД ИСТОРИКА-АРХИВИСТА)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: использование архивных документов, архивная служба, историческое краеведение.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются перспективы расширения использования архивных документов в процессе обучения Отечественной истории, анализируются пути взаимодействия архивной службы со школой.

S.A. Kuskov

Chelyabinsk

USE OF ARCHIVAL DOCUMENTS IN SCHOOL EDUCATIONAL PROCESS IN CONNECTION WITH INTRODUCTION OF A UNIFIED EDUCATIONAL COMPLEX ON THE NATIVE HISTORY (OPINION OF THE HISTORIAN-ARCHIVIST)

KEYWORDS: used of documents, archive service, historical study of local area.

ABSTRACT. In the scientific article possibilities of use of archival documents in the course of history training are considered. Chances of productive interaction of school with archives are still analyzed.

Граждане России активно пользуются правом доступа к архивным документам. Традиционные посетители читальных залов Объединённого государственного архива Челябинской области (ОГАЧО) - профессиональные историки, аспиранты, докторанты стали в последние годы приходить гораздо реже. Их место заняли любители. Примерно половину всех посетителей

составляют генеалоги. Как показывает практика работы читального зала Объединённого государственного архива Челябинской области, отказы в доступе к документам крайне редки. В читальном зале ОГАЧО сложился ограниченный круг постоянных пользователей читального зала. Это, в основном, любители-краеведы (в том числе исследователи истории отдельных религиозных учреждений) и генеалоги. Имеются и единичные случаи, когда школьники работают с архивными документами.

Нужно сказать, что режим доступа студентов и школьников в нашем архиве более строгий, чем для всех прочих посетителей. Студент имеет возможность заказать только пять дел при подготовке курсовой и десять дел при подготовке дипломной работы. Эта мера нацелена на отсев случайных людей, со слабой исследовательской мотивацией, не обладающих навыками работы с архивными документами. В конечном итоге, студенты, проявляющие склонность к изучению истории края, получают документы без упомянутых ограничений.

Школьникам дела не выдаются вообще. Но родители и учителя, приводя детей в читальный зал, заказывают дела для себя и таким, образом, школьники от 9 лет и старше, под надзором старших работают с историческими документами.

Из числа этих студентов и школьников, регулярно работающих с архивными документами, выходят наиболее успешные историки, в том числе национального уровня. Таким образом, в стенах архива школьники находят возможность работать с историческими документами, но таких единицы.

Самой массовой формой участия архива в образовательном процессе являются выставки. Экскурсионно-выставочная деятельность архивных учреждений, как правило, имеет тематический характер, приурочивается к какой-либо юбилейной дате, значимому событию, явлению общественной жизни. Основным экспонатом и объектом внимания посетителя в рамках архивной экспозиции является документ, главным образом изобразительного, визуального характера (фотографии, плакаты, карты, этикетки, рекламные проспекты, календари). Главное отличие архивных выставок заключается в

предоставлении данных о фондовой принадлежности экспонатов (указание на фонд, опись, дело, номер листа в деле). Таким образом, **экскурсии** в архивных учреждениях решают не только просветительские и воспитательные задачи, но и, **отчасти, дают общее представление об особенностях и структуре архивного фонда.** Когда автору доводится проводить тематические экскурсии, то всегда выделяется немного времени для вопросов, и обязательно слушателями задаются вопросы об архивном фонде: какие ещё документы хранятся в архиве, какую практическую пользу приносит архив, что нужно, чтобы самостоятельно изучать документы.

Самые чёткие представления об архиве дают учащимся ознакомительные экскурсии. В ОГАЧО традиционно проводятся экскурсии «Знакомство с архивом». Это мероприятие предполагает показ наиболее интересных архивных дел, посещение архивохранилища. Посетители имеют возможность составить представление об архиве как особом учреждении, обеспечивающим доступ народа к документальным богатствам.

Просветительская работа архивистов со СМИ, публикаторская работа сопровождается значительным общественным интересом. Например, опубликование интервью заведующей читальным залом, данного одной из региональных газет о наличии метрических книг и режиме доступа к ним, в течение 2-3 дней сопровождалось резким увеличением посетителей. Обращения руководства архивной службы Челябинской области к гражданам о передаче исторических документов и предметов нашло широкий народный отклик. Таким образом, архивы имеют возможность апеллировать к населению.

Организация практики студентов-историков в стенах архива вызывает неоднозначный эффект. Студенты, бесплатно выполняя какую-либо работу в архиве, по нашему мнению фактически отбывают барщину. В итоге, архивисты всеми способами стараются избежать навязывания им практикантов. Приятное исключение составляет архивная практика, организуемая кафедрой Отечественной истории и МПИ Челябинского государственного педагогического университета. Профессор этой кафедры Н. С. Сидоренко даёт небольшие

исследовательские задания студентам, на основании нескольких архивных дел. При всей ограниченности масштабов самостоятельной работы студентов с архивными документами, микроскопичности полученного опыта, польза от такого способа организации практики представляется несомненной. Ведь учащийся не может работать с архивным документом, если и сам учитель этого не умеет.

Таким образом, участие архивных учреждений в образовательном процессе имеет место, но оно не соответствует их общественному значению, что во многом обусловлено особенностями самой архивной службы. Размеры читальных залов, высокая загруженность сотрудников архивов не позволяют наращивать выдачу дел. Большинство архивных учреждений ощущает нехватку оборудованных площадей для хранения архивного фонда. Самые низкие в сфере культуры заработки архивистов затрудняют комплектование ряда штатных должностей. Плохое физическое состояние интереснейших документов, особенно духовных учреждений XVIII – начала XIX веков, метрических книг, документов органов власти периода Гражданской войны, препятствует их частой выдаче исследователям. Наиболее востребованные документы буквально «горят» в руках исследователей. Выдача этих дел несовершеннолетним ещё более усиливает уязвимость архивного фонда. Автор считает, что выдача архивных документов школьникам не может быть организована в сколь-нибудь значительных масштабах.

Однако новые тенденции в развитии архивного дела дают возможность работы школьников в виртуальных читальных залах. Работа по сканированию и ретроконверсии архивных документов особенно активно идёт в центральных архивах. Администраторы информационно-поисковых систем региональных архивов требуют рутинной процедуры регистрации и получения доступа к отсканированным документам. Но имеется тенденция к упрощению доступа. Например, РГАСПИ обеспечивает всеобщий доступ к нескольким сотням тысяч архивных документов из фонда И. В. Сталина (2).

Другой важный резерв использования архивных документов в исследовательской и учебной работе школьников – сборники документов (3).

В ведущих национальных и региональных отраслевых журналах публикуются комплексы архивных документов, посвящённых тому или иному явлению прошлого. Регулярно публикуются обзоры по документам. Ценной площадкой для публикаций работ архивистов (обзоры, интересные документы, выставки) являются официальные сайты архивов. Например, на сайте ОГАЧО на сегодняшний день размещено более 40 публикаций, обзоров, указателей, перечней документов.

Следует упомянуть о высокой публикаторской активности историков, краеведов-любителей, генеалогов. Изучение подготовленных ими материалов может быть полезно при сборе данных по теме исследования молодого учёного. Банк общедоступных документов и исторических материалов прирастает, что увеличивает свободу манёвра начинающих исследователей.

Это отнюдь не значит, что в обозримом будущем исследователи, и тем более школьники, совсем смогут отказаться от непосредственного контакта с архивным документом. Помимо аксиологического значения контакта молодого человека с архивным документом как отпечатком исторического прошлого, следует учитывать и то что, использование архивного документа чаще всего вынужденно, ввиду недостатка опубликованной информации. Формирование источниковой базы исследования – есть достижение оптимальной комбинации исторических источников, позволяющей получить новое знание.

Таким образом, в текущей ситуации архивы не готовы к наплыву школьников в читальные залы. Тем не менее, как показано, имеются и возможности для расширения использования архивных документов в образовательном процессе.

Внедрение единого учебно-методического комплекса по Отечественной истории на ближайшие годы предопределяет все изменения в системе преподавания истории в школе.

Внедрение в образовательный процесс единого учебника, с точки зрения использования архивных документов, расширяет региональный компонент содержания курса Отечественной истории. Кроме того, предполагается внедрение локального компонента. Следует также учитывать новые возможности создания единого образовательного научно-методического пространства на основе концепции единого УМК.

Во многом, результат кампании будет зависеть не от качества концепции, а от того, какими получатся учебники по истории (национальный, региональные, локальные). Хотя уже само по себе воссоздание единого курса истории вооружает начинающего исследователя первым способом интерпретации исторического источника: этот документ согласуется или же опровергает написанное в учебнике? Концептуальный плюрализм (анархию) авторов учебников, в случае широкого внедрения самостоятельной исследовательской работы школьников, можно заменить самостоятельным объяснением мотивации людей, действовавших под гнётом обстоятельств.

В этой связи необходимо затронуть самый трудный вопрос концепции, настолько трудный, что авторы решили обойти его стороной. Он заключается в концепции преподавания региональной истории, прежде всего в национальных республиках. Учителя истории и авторы учебников в своей работе обязательно будут опираться на складывающуюся в своих национально-территориальных образованиях чрезмерно мифологизированную историографическую традицию. С нашей точки зрения, он обусловлен чрезмерным доверием к методам «устной истории», стремлением любыми путями прославить свой край.

Например, краеведы г. Троицка убеждены, что баснописец Крылов их земляк, основываясь на том, что его отец служил в Троицке. Это интересная гипотеза, но прямых её доказательств нет. Метрические книги за 1760-е годы не сохранились. Ведь рожала-то жена, а её заботливый муж мог и отослать из беспокойного края. Тем не менее, «красивое» предположение в справочной литературе подаётся как факт (1. С. 91).

Родовые предания без проверки архивных документов перекочёвывают на страницы публикаций. Существует опасность их бездумного переноса в региональные и локальные учебники. Подтверждение архивными документами, фактов, упоминаемых в школьных учебниках, даже при наличии их глубокого укоренения в историографической традиции, стоит на повестке дня.

С другой стороны, в регионах одни аспекты изучены лучше, другие хуже. То есть, региональные и локальные учебники будут написаны, но выдержать равномерную степень проработки исторического материала, без логических «дыр», вряд ли удастся. Например, в Челябинской области малоизвестна история её народов: манси («вогуличи»), нагайбаков, мещеряков. Главным выходом в преподавании истории местных народов нам видится максимально возможное использование исторических документов, подтверждающих содержание учебного курса а также, в сотрудничестве школьных коллективов с федеральными и региональными архивами.

Благодаря внедрению единого учебно-методического комплекса учителя и школьники смогут выступать как единая организованная сила, решающая задачи по сохранению исторического наследия нашего народа, дополняя в этом музеи и архивные учреждения. Благодаря централизации национального образовательного пространства появляется возможность создания единой информационно-методической базы, организованной по темам, регионам и городам. Успешное создание и наполнение этой базы методическими разработками, копиями архивных документов, фотографий, рисунков, учебными работами школьников, возможно только при участии молодёжи учащихся в её наполнении. Архивная служба сейчас реализует несколько проектов по развёртыванию информационно-поисковых систем. Уже выявились недостатки: наличие нескольких баз и трудности обмена информацией между ними, быстрая смена версий программ. Этот опыт стоит учесть при создании действительно единой и бесплатной для всех школ информационной базы.

Создание единой информационно-методической базы не только послужит расширению доступа к архивным материалам, но и создадут основу для лучшего использования и сохранения музейного фонда школ, позволит самостоятельно реализовывать общественные кампании по накоплению документов без их изъятия из семейных архивов, музеев, архивов.

Печально бывает встречать людей, наивно уверенных, что в архиве всё и про всех есть. Нужно сказать, что архивы решают задачу по сохранению документов почти только учреждений и организаций. Документы личного происхождения попадают на хранение в виде исключения (фонды учёных, деятелей искусства и культуры, политиков). В связи с политическими и экономическими неурядицами последних десятилетий документы многих учреждений не попали в архив. Не уверен, что политическое руководство и экономическая элита заинтересованы заинтересованностью спортивные организации Челябинской области утратили часть своих документов, и теперь сами не знают свою историю. Сейчас вырисовывается угроза того, что последняя «двадцатилетка» может оказаться малоизвестным, «тёмным веком» национальной истории. Краеведческая работа школьников по сохранению документов недавней истории, прежде всего личного происхождения позволила бы проводить такие исследования, о которых профессиональные историки и архивисты могут только мечтать.

Все обозначенные направления использования архивных документов, в связи с изменениями в системе преподавания Отечественной истории, могут реализовываться при наличии методической поддержки, связи педагогического и научного сообщества.

Итак, мы видим, что использование архивных документов не ограничивается только организацией самостоятельной исследовательской работы школьников и в привлечении исторических источников на уроке. Задача внедрения единого учебно-методического комплекса актуализирует несколько новых направлений работы.

1. Создание единое методическое пространство в рамках всего исторического образования, которое может

эффективно развиваться на основе общей информационной базы, формировать банк исторических источников и научных работ учащихся и ещё много чего.

2. В системе внедрения Единого учебно-методического комплекса будет проведена большая работа по переподготовке и повышению квалификации учителей истории, что даст площадку по обмену опытом по вопросам принципов организации архивного фонда, особенностей выявления архивных документов по отдельным узким проблемам (история колхозов, заводов), по отдельным отраслям.

3. Привлечение учащихся к сбору экспонатов для школьных музеев, документов личного происхождения. То есть того наследия, которое архивы сохранить не могут.

4. Широкое участие научной и педагогической общественности в проверке местных «легенд» по архивным документам. «Легенды» и «мифы» не должны в школьных учебниках выдаваться за непреложную истину.

Эти направления деятельности в условиях внедрения Единого учебно-методического комплекса по истории создают необходимые условия для придания работе по использованию архивных документов (историками, архивистами, учителями и школьниками) статуса гражданской патриотической деятельности. А возможные минусы, предрекаемые либеральными критиками, могут быть обращены в плюс.

Литература:

1. История культуры Челябинского края. Веков связующая нить: хронология. Челябинск: Каменный пояс, 2007.
2. Росархив. Официальный сайт. Дата обращения 29.12.2013. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=4466;tabimg>
3. Финадеев А. П. Публикационная работа Челябинских архивистов (2000-2012 гг.). Дата обращения 17.01.2014. URL: <http://archive74.ru/publikatsionnaya-rabota-chelyabinskikh-arkhivistov-2000-2012-gg>

УДК

372.893(470/571)+371.31

ББК 4426.632-26

ГСНТИ 14.09.91 Код ВАК

13.00.91

Е.В. Лешукова

Сургут

**ПРОБЛЕМЫ ОСВЕЩЕНИЯ ТЕРРОРА ПЕРИОДА
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ШКОЛЬНОЙ
УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСТСОВЕТСКОГО
ВРЕМЕНИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: террор, Гражданская война, проблема, освещение, школьная учебная литература

АННОТАЦИЯ. В школьной учебной литературе 1990-х–2000-х гг. о событиях Гражданской войны активно используется понятие «террор». Между тем, освещение этого аспекта имеет ряд недостатков, способствующих формированию у старшеклассников политизированных представлений и двусмысленных оценок. Рамки статьи ограничены анализом учебной литературы, по которой в постсоветское время изучается история в 9-х и 11-х классах г. Сургута.

E.V. Leshukova

Surgut

**THE PROBLEMS OF REFLECTION OF THE CIVIL
WAR TERROR IN POSTSOVIET TIME
SCHOOLBOOKS**

KEY WORDS: terror, Civil war, problem, reflection, schoolbooks.

ABSTRACT. The term «terror» is widely used in school educational literature about Civil war events published in 1990–2000 years. Meanwhile, the reflection of this aspect has a number of shortcomings, that promotes forming a wrong politized conception and an ambiguous valuation of senior class students. The article is limited by analysis of educational literature that is used in postsoviet time in teaching history Surgut students of 9 and 11classes.

История изучения террора 1917–1922 гг. вместе со всей историографией Гражданской войны прошла довольно непростой путь в отечественной исторической науке. Результатом теоретико-методологической эволюции освещения

террора периода Гражданской войны в сочинениях отечественных авторов – историков, краеведов, публицистов, писателей, философов, политиков, общественных деятелей является формирование двух концептуальных подходов – «политизированного» (классово-политического) и «социокультурного», каждый из которых имеет свои специфические методы изучения и опирается на характерные виды источников.

С самого начала лидерство в освещении террора противоборствующих сил большевизма и антибольшевизма, как в работах советских авторов, так и авторов «русского зарубежья», захватил «политизированный», в советской методологии, «классово-политический» подход. Его сущностью, заложенной высказываниями и публикациями В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, С.П. Мельгунова, Г. Арансона, Р.Б. Гуля и ряда других авторов первого постреволюционного десятилетия, является следование в освещении террора периода Гражданской войны принципу «двойного стандарта»: оправдание «своего» и осуждение «чужого» насилия. Данный подход, базирующийся, главным образом, на таких источниках, как партийная публицистика, нормативно-правовая и делопроизводственная документация формирует представление о внешней стороне террора – его масштабах, формах и методах, жертвах и палачах. То есть позволяет оценивать террор как средство политической борьбы, допуская при этом мысли о его «политической целесообразности», но упуская трагическую остроту этого явления для конкретного человека.

В школьных учебниках советского времени освещение террора Гражданской войны, базирующееся на марксистско-ленинской идеологии и классово-политическом подходе, было призвано, с одной стороны, подчеркнуть антинародную сущность противников большевизма, с другой, прославить героизм борьбы защитников советской власти. Так, следуя в русле данных тенденций, закрепившихся в советской историографии 1950-х–1970-х гг., авторы советского учебника «История СССР» для 9 класса И.Б. Берхин и И.А. Федосов ограничивали представления старшеклассников о терроре военно-политического противоборства сил большевизма и

антибольшевизма 1917–1922 гг. покушениями «террористических банд эсеров» на В. Володарского, М.С. Урицкого и В.И. Ленина (1. С. 214). Упоминание в основном содержании параграфа решения ВЦИК ввести красный террор «против врагов революции» 5 сентября 1918 г. было дополнено внетекстовым компонентом из двух исторических документов: письмом металлистов, горнорабочих и железнодорожников Урала В.И. Ленину от 14 сентября 1918 г., требовавшими: «Нашим ответом на белый террор будет красный террор и беспощадная рабочая диктатура» (1. С. 217) и выдержкой из статьи М.И. Калинина «Славный путь комсомола», содержащий характерные для общественно-политической литературы 1920-х–1930-х гг. о терроре Гражданской войны хорошо визуализируемые метафоричные образы: «лапы белогвардейцев», «озверевших белогвардейцев», «пьяная банда зверски издевалась» (1. С. 254). Понятие «зверство», появившись в советской политической публицистике и эмигрантской мемуаристике 1920-х гг., становится достаточно устойчивым в советской историографии Гражданской войны, деля соседство с понятием «террор». Именно из рассказа о «зверствах», из метафоры «человека-зверя» сам собой напрашивался однозначный вывод о необходимости уничтожения своего политического противника. Конъюнктурный подбор фактов и документальных свидетельств террора периода Гражданской войны в советских школьных учебниках способствовал осуществлению одной из приоритетных задач обучения истории – формированию политического сознания молодого поколения в духе государственной коммунистической идеологии. Вместе с тем, авторы не стремились концентрировать внимание старшеклассников на данном аспекте, отводя ему роль героического фона военного противоборства большевиков.

Внедрение в историческую практику 1990-х гг. новых подходов к исследованию событий 1917–1922 гг., значительное расширение источниковой базы изучения террора этого периода способствовали изменениям в освещении данного аспекта Гражданской войны в школьной учебной литературе 1990-х–2000-х гг. Начиная с 1992 г., авторы школьных учебников и

учебных пособий в повествовании о событиях Гражданской войны достаточно активно употребляют само понятие «террор», часто вынося его в самостоятельное заглавие отдельного компонента параграфа. Как самостоятельный аспект военно-политического противоборства 1917–1922 гг. террор рассматривается в 4-х из 9-ти анализируемых нами учебных изданиях 1990-х–2000-х гг., авторами которых являются Л.Н. Жарова и И.А. Мишина, И.И. Долуцкий, В.В. Журавлёв, Ю.А. Аксютин и М.В. Горшков, А.О. Чубарьян и А.А. Данилов. (3, 4, 5, 6) Однако объяснение смысла этого понятия в школьной учебной литературе является большой редкостью. В нашем случае оно встречается только в учебнике Л.Н. Жаровой и И.А. Мишиной «История Отечества, 1990–1940 гг.», где отмечается, что «террор – это политика запугивания и насилия, расправа с политическим противником» (3, 4, 5, 6). Подавляющее же большинство авторов современной школьной учебной литературы отказываются от чёткого определения террора, пытаясь прояснить его смысл фактами и мнениями самих участников и очевидцев военно-политического противоборства 1917–1922 гг.

Довольно часто в школьных учебниках и учебных пособиях постсоветского времени понятие «террор» соседствует с понятием «насилие». О чём свидетельствует, в том числе, и приведённое выше определение из учебника Л.Н. Жаровой и И.А. Мишиной, а также то обстоятельство, что в данном учебнике понятие «террор» употребляется авторами 11 раз, понятие «насилие/революционное насилие» – 12 раз. Таким образом, создателями школьной учебной литературы ставится знак равенства между террором и насилием вообще. Однако подобная тождественность, в свою очередь, вызывает затруднения в разграничении понятий «террор» и «война», поскольку каждое из них и есть проявление насилия.

Проведённое исследование содержания школьной учебной литературы о периоде Гражданской войны методом контент-анализа позволяет установить те действия и поступки политических противников, с которыми у старшеклассников должен ассоциироваться террор этого времени. Прежде всего, таким действием является расстрел. Частота употребления

данного понятия в текстах рассматриваемой нами учебной литературы составляет от 5 до 13 раз, уступая только понятию «террор». В создании ассоциативного ряда о терроре периода Гражданской войны также участвуют понятия «заложники/заложничество» (встречается в 6-ти из 9-ти учебников), «концлагеря» (в 5-ти из 9-ти учебников), «порка» (в 3-х учебниках), «реквизиции» (в 3-х учебниках), «погромы/еврейские погромы» (в 2-х учебниках). Однако о таких проявлениях террора военно-политического противоборства 1917–1922 гг. как «пытки» современные школьники могут прочесть только в ныне исключенном из списка рекомендованных учебных пособий учебнике И.И. Долуцкого (4. С. 233). Таким образом, представления старшеклассников о внешней стороне этого аспекта Гражданской войны носят ограниченный характер.

На основании содержания современной учебной литературы обучающиеся 9-х и 11-х классов вполне могут предположить, что расстрелы – это основная форма террора в те годы. Данная гипотеза небезосновательна. Она находит подтверждение в сочинениях участников и очевидцев Гражданской войны, например, в опубликованной в 1925 г. работе П.С. Парфёнова «Гражданская война в Сибири». Но можно ли считать расстрелы по приговору суда вора или убийцы, или дезертира террором? Какие факты и события считать войной, какие террором, а какие банальной уголовщиной, имевшей место и в период Гражданской войны? Увы, современные школьные учебники не смогут внести ясности в подобные вопросы, провоцируя формирование у старшеклассников ложного представления о том, что любое насилие и есть террор.

Несомненным достоинством школьной учебной литературы постсоветского времени в освещении террора периода Гражданской войны является наличие разнообразных точек зрения об этом аспекте военно-политического противоборства сил большевизма и антибольшевизма непосредственных современников событий, среди которых Н.И. Бухарин, Н.А. Бердяев, М. Горький, Ф.Э. Дзержинский, Н.Г. Железняков, А.Ф. Керенский, А.В. Колчак, Н.В. Крыленко, В.

Маяковский, С.П. Мельгунов, М. Осоргин, Б. Пастернак и т.д. Однако чаще всего авторы учебников и учебных пособий 1990-х–2000-х гг. для 9-х–11-х классов апеллируют к мнению В.И. Ленина, В.В. Шульгина, Н.И. Бухарина и М. Лациса, т.е. политических идеологов и вдохновителей противоборства, занимавших бескомпромиссную позицию по отношению к противнику.

Между тем, одной из важных учебных задач изучения истории в старших классах является выработка у обучающихся критического отношения к прошлому. Под которым в широком смысле подразумеваются умения распознавать альтернативы общественного развития на определённом этапе и понимать причины победы одной из них. Словесным выражением данного умения является формула: «Могло быть так, так и так, но произошло вот как, потому что». Через развитие умения сравнить историческую реальность – процессы, явления, события, факты, поступки людей, у человека, в конечном счёте, складывается его собственное мнение, формируются его убеждения. В этом сложном процессе не последнее место имеет работа на уроках истории с историческими источниками, которые, как известно, не могут быть хорошими или плохими. Сказанное в полной мере относится к изучению периода Гражданской войны.

Создатели школьной учебной литературы 1990-х–2000-х гг. предоставляют обучающимся возможность самим познакомиться с сохранившимися историческими свидетельствами террора 1917–1922 гг., дополняя содержание параграфов документальными источниками, газетными материалами, отрывками из писем и даже стихотворений, появившимися в период Гражданской войны. В основном авторы предлагают вниманию старшеклассников документы распорядительного характера: выдержки из приказов есаулов атамана П.Н. Краснова (5. С. 211-212); приказ Председателя РВСР войскам и советским учреждениям Южного фронта от 24.11.1918г. (3. С. 122); приказ наркома внутренних дел Г.И. Петровского от 04.09.1918 г. (7. С. 115); приказ полномочной комиссии ВЦИК от 11.06.1921г. (9. С. 116). Источники подобного рода, исходящие от различных властных структур

или лиц, содержатся в 5-ти из 9-ти анализируемых учебников и учебных пособий.

Появление официального документа, как правило, носит неслучайный характер, так как является следствием объективной потребности (хотя некоторая доля субъективизма также имеет место). В связи с чем, значение появления документального источника распорядительного или нормативно-правового характера в школьной учебной литературе для осмысления событий Гражданской войны 15-ти –17-ти летними обучающимися трудно переоценить. Именно источники данного рода помогают им понять логику происходивших жизненных процессов. Документов, при этом, необходимо, как минимум, два, исходящих из противоборствующих лагерей. Однако, большинство создателей учебной литературы для школьников, за исключением А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной, в освещении террора 1917–1922 гг. ограничиваются одним документальным источником.

В распоряжении историков имеется достаточно большой массив созданных в период Гражданской войны и сразу после её завершения публицистических работ и художественных произведений, на страницах которых отражены чувства и переживания человека, живущего в атмосфере террора. Знакомство с выдержкой из газеты или письма, либо стихотворным отрывком из периода Гражданской войны, включенными авторами в качестве дополнительного источника информации к основному содержанию параграфа, помогает обучающимся увидеть террор на микроисторическом уровне: взглянуть на расстрелы, аресты, взятие заложников, концлагеря, реквизиции, пытки и т.д. глазами простого человека. Так в тексты учебников и учебных книг И.И. Долуцкого, В.В. Журавлёва, Ю.А. Аксютин и М.В. Горшкова, А.А. Левандовского, Ю.А. Щетинова и С.В. Мироненко включены стихотворения Максимилиана Волошина «Гражданская война», «Северо-восток», «На дне преисподней», «Заклинание» (4, 6, 7). Заметим, что не принять чью-либо сторону и «всеми силами своими» продолжать молиться «за тех и за других», как это делал М. Волошин в годы Гражданской войны, достаточно сложно. Однако именно такое отношение к террору 1917–1922

гг., основанное на нравственной оценке действий политических противников с позиции ценностей духовной культуры народа – добра, любви, справедливости, совести, чести, а не только на принципах двойной морали классовой борьбы, можно считать началом зарождения концепции «братоубийственной» Гражданской войны и социокультурного подхода к освещению террора.

Крупный современный учёный, последовательный сторонник данного подхода в освещении событий 1917–1922 гг. отечественной историографией, д.и.н. В.П. Булдаков в монографическом исследовании «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия», по поводу причин Гражданской войны замечает: «Гражданская война выросла из хаоса и не сразу приобрела черты двухполюсности. Есть основания всерьёз задуматься: а существовала ли она в ставшем хрестоматийном виде где-либо вообще, кроме перевозбуждённых «красных» и «белых» голов и написанных под влиянием их эмоций учебников» (2. С. 224). И поскольку «любая гражданская война вовсе не создаёт той психологической обстановки, где проявляют себя осмысленность, благоразумие, трезвый расчёт» (2. С. 336), причины революционного насилия следует искать не только в политическом сознании человека. Возможно, современным авторам школьной учебной литературы стоит прислушаться к мнению своего коллеги и перестать подбором фактографического материала воспроизводить политизированный подход к освещению террора 1917–1922 гг.? Иначе, формируемые под его влиянием представления и оценки молодого поколения о терроре Гражданской войны через некоторое время могут стать проблемой для нашего общества.

Пока же, по большому счёту, в основном содержании параграфов школьных учебников мы имеем повторяемый однотипный фактографический материал о терроре. Так из 9-ти анализируемых нами учебников в 7-ми в основном тексте в качестве конкретного примера террора периода Гражданской войны остаётся покушение на В.И. Ленина 30 августа 1918 г., в 5-ти – убийство М.С. Урицкого и Декрет СНК от 5 сентября 1918г. «О красном терроре». Новым распространённым

свидетельством террора с начала 1990-х гг. становится расстрел царской семьи в Екатеринбурге в ночь с 17 на 18 июля 1918г.: из 9-ти учебников, анализируемых в настоящей статье, этот факт приводится в 4-х. В учебнике для 9-го класса А.А Данилова и Л.Г. Косулиной сведения о трагедии царской семьи расширены фактами о гибели других членов императорской фамилии – брате царя Михаиле, великих князьях Дмитриии Константиновиче и Николае Михайловиче. В учебниках Л.Н. Жаровой и И.А. Мишиной, а также И.И. Долуцкого в качестве примера массового террора рассказывается о расправе казаков над пленными красноармейцами 9 мая 1918 г. в селе Александров-Гай Самарской губернии.

Как видим, создатели школьной учебной литературы постсоветского времени прилагают усилия, направленные на усложнение формируемых у старшеклассников знаний и представлений о терроре периода Гражданской войны. Необходимо отметить, что за годы, прошедшие после отказа отечественной науки от монометодологии в изучении событий XX в., информативность школьной учебной литературы о терроре 1917–1922 гг. заметно выросла. Тем не менее, сохраняющаяся хрестоматийность в подборе фактографического материала, особенно в основном тексте параграфов школьных учебников и учебных пособий продолжает служить основанием для формирования у учащихся старших классов политизированных представлений о терроре периода Гражданской войны.

Литература:

1. Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР: учебник для 9 кл. 3-е изд. М.: Просвещение, 1978. 383 с.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Росспэн, 1997. 376 с.
3. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России, XX век: учеб. кн. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 1995. 366 с.
4. Долуцкий И.И. Отечественная история, XX в.: учебник для 10-11 кл. общеобразоват. учреждений. 2-е изд., испр. и перераб. М.: Мнемозина, 1996. Ч. 1. 463 с.

5. Жарова Л.Н., Мишина И.А. История Отечества, 1990–1940 гг.: учеб. книга для ст. классов сред. учеб. заведений. М.: Просвещение, 1992. 335 с.

6. История России. Советское общество. 1917–1991: экспериментал. учеб. пособие для сред. школ. М.: Терра, 1997. 456 с.

7. История России, XX–начало XXI века. 11 кл.: учебник для общеобразоват. учреждений Базовый уровень / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов, С.В. Мироненко. 2-е изд. М.: Просвещение. 384с.

8. История России, XX– н. XXI века. 11 кл.: учебник для общеобразоват. Учреждений. Профил. и базовый уровни / под ред. А.Ю. Чубарьяна. 5-е изд., дораб. и доп. М.: Просвещение, 2011. 302с. (Академический школьный учебник).

9. История России, XX– начало XXI века. 11 кл.: учебник для общеобразоват. учрежден / отв. ред. Н.В. Загладин. 12-е изд. М.: Русское слово, 2012. 400с.

10. Россия и мир: учеб. кн. по истории. В 2-х ч. / под ред. А.А. Данилова. М.: Владос, 1994. Часть II. 352с.

11. Россия и мир. XX век. 11 кл.: учебник для общеобразоват. учрежден / О.В. Волобуев и др. 5-е изд. М.: Дрофа, 2006. 351с.

УДК

372.893+371.64/.69

**ББК 4426.630.3- ГСНТИ 03.23.25 Код ВАК 13.00.02
268.2**

С. А. Майбурова

Нижевартовск

**К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ РАБОТЫ
ПЯТИКЛАССНИКОВ
С УЧЕБНИКОМ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трудности, приемы работы с учебником, история Древнего Мира, методика.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются трудности работы с учебником по истории Древнего мира у пятиклассников. Предложены варианты их преодоления.

S.A. Mayburova

Nizhnevartovsk

**ABOUT THE DIFFICULTIES OF WORKING WITH A
TEXTBOOK HISTORY OF THE ANCIENT WORLD
AT THE FIFTH GRADERS**

KEYWORDS: difficulties working with a textbook, History of the Ancient World, a technique.

ABSTRACT. The article discusses the challenges of working with a textbook on the history of the ancient world and fifth-graders in the description of overcoming their personal experience.

К проблеме трудностей и их преодоления при работе с учебником пятиклассников неоднократно обращались методисты советского времени (С.А. Ежова, Г.И. Годер, Ф.П. Коровкин, А. А. Вагин и др.). Так, С.А. Ежова подчеркивала, что умение работать с учебником – это основная и специфическая разновидность обучения, где учащиеся выделяют главную мысль, работают с понятиями, анализируют и систематизируют материал, составляют план, читают схемы, диаграммы и т. д. По мнению автора, при работе с учебником учащиеся испытывали затруднения в составлении плана, тезисов, работе с историческими документами, а также было весьма сложно извлекать знания, используя несколько источников одновременно, логически выстраивать и систематизировать их (3. С 202). Для ликвидации этих трудностей С.А. Ежова предлагала следующие рекомендации: определение цели работы и предъявление ее ученикам (например, научиться составлять план параграфа учебника); разъяснять содержание способов работы и порядок ее выполнения (например, чтение текста учебника, разбивка его на смысловые части, нахождение в них главной мысли, последовательное выстраивание основных положений текста, запись их в виде плана). С.А. Ежова подчеркивала, что знания о способе и последовательности действий фиксируются в виде логической схемы или памятки, которая помогает ученикам усвоить определенную программу учебного исследования, требует самостоятельности при

решении поставленной задачи, развивает у них логическое мышление (3. С. 206-207).

Г.И. Годер, известный советский методист, обращал внимание на одну особенность изучения истории пятиклассниками: их стоило ориентировать не на изучение текстов исторических источников, а текстов, освещающих в научно-популярной и образной форме исторический процесс. Применялся в преподавании, как правило, сжатый рассказ о важнейших событиях, образные характеристики исторических явлений и деятелей, а также повествование и картинное описание (2. С. 113). Таким образом, изучая труды советских методистов, можно заметить, что трудности, которые присутствовали раньше, имеют тот же характер и в наше время. Многим учащимся сложно понимать тексты, задания и термины, сложно ориентироваться в дополнительных материалах при поиске ответа на вопрос в учебнике, таблицах и схемах. Несмотря на все трудности при работе с учебником, учащиеся все же понимают всю важность информации, представленной в учебнике, и только при помощи учителя и, создав определенный алгоритм решения этих трудностей, учащиеся начинают понимать, как можно справиться с данной работой.

Известный методист Н.Ю. Никулина подчеркивает, что при изучении учебника требуется закрепление и совершенствование изученного материала, которое осуществляется по следующим линиям: а) знание фактов, хронологии, карты; б) понимание и усвоение сущности изучаемых исторических фактов, взаимосвязи между ними и включение их в общую систему исторических представлений; в) ориентирование в источниках исторических знаний и способов работы с историческим материалом, овладение умениями применять их на практике; г) способность четко формулировать свои знания и суждения, излагать содержание темы в последовательности и логике учебника и в оригинальной компоновке; д) способность выразить личное отношение, дать и обосновать оценку изучаемых фактов (5. С. 44).

В настоящее время мои ученики работают с учебником «Всеобщая история. История Древнего Мира. 5 класс. Учебник (ФГОС)», авторы А. Вигасин, Г. Годер, И. Свенцицкая. В

учебнике преобладает большое количество иллюстраций, достаточно четких и ярких, а также текстового материала, но с трудностями при работе с учебниками учащиеся все же сталкиваются. Например, 1) при работе с текстом возникают трудности с его пересказом, еще больше затруднений возникает, когда требуется анализ прочитанного, формулирование вывода; учащимся достаточно сложно выделить главную мысль параграфа и представить ее в кратком изложении; 2) при работе с картой в учебнике, учащимся сложно не только ориентироваться в пространстве, но и понимать условные обозначения; 3) наблюдается трудность в понимании и усвоении терминов и их определений в тексте учебника; 4) при составлении хронологической последовательности (цепочки), учащиеся допускают ошибки, путая исчисление времени в истории до нашей эры и нашей эры; 5) при составлении сравнительных текстовых таблиц с помощью учебника им трудно выделить различия и общие черты; 6) непонимание вопросов (заданий) в учебнике – также весьма распространенное затруднение, учащимся сложно ответить на вопрос, если он сформулирован проблемным образом.

Для того, чтобы справиться с трудностями при работе с учебником нами используются следующие приемы: репродуктивно-поисковая деятельность (комментированное чтение, подробный или краткий пересказ, составление планов, хронологических таблиц и схем, и т.д.), сравнительно-аналитическая деятельность (задания на сравнение изучаемых явлений, работа по обобщению и систематизации знаний), критического мышление (синквейн, кластер, работа в группах, дискуссии) и творческая деятельность (тексты с ошибками или с пропущенными словами, кроссворды, сообщения, загадки). Важно и то, что на стадии начального изучения учебника истории Древнего мира необходимо составить памятки, с помощью которых учащимся будет не сложно ориентироваться в тексте и выполнять работу.

Таким образом, применение указанных приемов на уроках истории в 5 классе способствует преодолению трудностей. В процессе кропотливой работы у учащихся постепенно формируются умения работы с текстом: составление

простого и сложного плана; дети более уверенно начинают ориентироваться в основных компонентах учебника; начинают составлять конспекты и тезисы на основе изучения различных текстов; извлекают знания, используя несколько источников одновременно; логически выстраивают и систематизируют эти знания.

Источники:

1. Вагин А.А., Методика обучения истории в школе. – М.: Просвещение, 1972. 351 с.
2. Годер Г.И. Преподавание истории в 5 классе. Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1985. 207 с.
3. Ежова С.А., Лебедева И. М., Сырейщикова Н. А. и др. Методика преподавания истории в средней школе: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2108 «История» – М.: Просвещение, 1986. 272 с.
4. Коровкин Ф.П., Методика обучения истории в средней школе. Пособие для учителей: В 2-х ч. – М.: Просвещение, 1978.
5. Никулина Н.Ю. Методика преподавания истории в средней школе: Учебное пособие / Калинингр. ун-т. – Калининград, 2000. 95 с.
6. Студеникин М.Т. Проблемы методики преподавания истории и современные задачи // Преподавание истории в школе. 2014. № 9.

УДК 372.893(368)

ББК

ГСНТИ 14.09.91

Код ВАК 13.00.01

4426.63+4404.1(4Вел)

В.Ф. Мезенцев

Нижний Тагил

**ДИСКУССИИ ВОКРУГ НОВЫХ УЧЕБНЫХ
ПЛАНОВ ПО ИСТОРИИ В БРИТАНИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преподавание истории, образовательные стандарты. Великобритания.

АННОТАЦИЯ. В статье представлены ход и итоги обсуждения британской общественностью образовательного стандарта по истории 2013 года, предназначенного для использования в государственных школах Англии.

V.F. Mezentsev

Nizhny Tagil

**DISCUSSIONS ON THE NEW BRITAIN'S NATIONAL
SCHOOLS CURRICULUM ON THE HISTORY**

KEYWORDS: history teaching, National Schools Curriculum, United Kingdom.

ABSTRACT. The paper presents the progress and outcome of the discussion of the British public on the National Schools Curriculum 2013 for history of the state schools of Britain.

Вопрос о содержании и задачах курса истории в средней школе является одной из основных проблем современного исторического образования в разных странах. Эта комплексная проблема предполагает решение многих сложных задач, таких как отбор фактического материала, который включается в качестве основы содержания исторического образования, уровень теоретического осмысления, учет общественных ожиданий и запросов, сочетание строгой академической научности, с одной стороны, и доступности и занимательности – с другой. К этому следует добавить огромное множество педагогических и методических проблем, таких, например, как необходимость сочетания деятельности, направленной на получение конкретных предметных знаний, с задачами развития личностных качеств, умений и навыков.

В Великобритании очередная волна споров вокруг этих вопросов была вызвана публикацией проекта новой национальной образовательной программы по истории (National Schools Curriculum), подготовленного министром образования Майклом Гоувом (Gove) в феврале 2013 г. (4).

Подготовка нового учебного плана по истории началось еще в 2010 году, вскоре после формирования нового правительства. Первоначально к работе над документом предполагалось привлечь известного историка Нила Фергюсона, однако его идеи относительно общей концепции британской истории не встретили поддержки со стороны министра. После чего основным консультантом становится известный историк и популизатор исторических знаний Саймон Шама.

Образовательная программа предназначена для учащихся государственных школ Англии от 5 до 14 лет, для которых предмет история является обязательным. Документ формулирует цели и задачи обучения истории в целом и ожидаемые результаты для трех ступеней обучения истории. В качестве цели обучения истории заявлена способность учеников критически мыслить, взвешивать свидетельства, отбирать аргументы, видеть перспективы и давать оценки. Заявлено, что знание прошлого Британии, ее места в мире, должно помогать в понимании вызовов современности.

Этот документ сразу же вызвал много разнообразных откликов и мнений, по большей части критических.

В частности, целая группа академических историков направила открытое письмо Майклу Гоуву, в котором подвергалось критике то обстоятельство, что подготовка учебного плана по истории происходила без консультаций с сообществом профессиональных историков, что привело к существенным недостаткам, касающимся содержания исторического материала, включенного в проект плана. В письме заявлялось, что предлагаемая программа недостаточно внимания уделяет всемирной истории, делая акцент исключительно на событиях британской истории. Это, по мнению авторов, недопустимо, поскольку знание об историческом прошлом других народов, так же как и знание иностранных языков необходимо для того, чтобы британские

граждане в полной мере осознавали разнообразие и многогранность человечества.

Другим недостатком проекта, по мнению авторов письма, является планируемая структура преподавания истории. Они высказали опасение, что предложенная схема, согласно которой вся история с древнейших времен до современности изучается последовательно хронологически, приведет к тому, что знание истории ранних исторических эпох будет представлять упрощенную и искаженную картину, что в будущем ослабит интерес к этим темам у тех, кто выберет историю в качестве профиля на следующем уровне обучения в школе (11).

Стивен Мастен, преподаватель истории из Кэмбриджа, и один из тех, кто участвовал в разработке проекта новых учебных планов по истории, также выступил с критикой опубликованного проекта, заявив, что окончательный вариант, появившийся в феврале, отличается от того, в создании которого сам он принимал участие. С его точки зрения, если этот проект осуществится, англичане станут единственной нацией в западном мире, кто изучает лишь собственную историю, замкнутую на острове (2).

Критиковал проект и один из консультантов министра историк Саймон Шама, назвав его «оскорбительным и обидным» (7).

Как показал опрос, проведенный Исторической ассоциацией, из 545 опрошенных лишь 4 % положительно оценили опубликованный в феврале проект, в то время как 96 % посчитали его чрезмерно ограничительным (9).

На страницах журнала «Хистори тудэй» несколько авторов выступили со своими мнениями относительно подготовленного правительством документа и в целом относительно проблем преподавания истории в британских школах.

Так, обсуждая заявленную в учебном плане задачу исторического образования представить рассказ о «прогессе британского общества», Тим Стэнли из Оксфордского университета выразил сомнения, в возможности единого понимания того, что именно в истории Британии следует

считать «прогрессом», подчеркивая, что подобный нарратив основан на политической мифологии и не имеет строгого определения (10).

В ходе обсуждения особое место заняла проблема, которая остро стоит перед всей системой обучения в современной школе: что должно превалировать — изучение и знание конкретных фактов истории или развитие неких учебных навыков и умений, оперирующих абстрактными знаниями. В то время как большинство участников обсуждения делали акцент на содержании того материала, который будет входить в новый учебный план, дискутируя о соотношении национальной истории и всемирного контекста, некоторые авторы обращали внимание на само состояние школьного преподавания истории. Один из авторов, опираясь на собственный опыт работы в государственной школе, решительно выступает против утвердившихся с середины 1970-х годов педагогических концепций, согласно которым обучение в школе связано с приобретением определенных знаний, а лишь с развитием умений. Он считает такую установку чрезвычайно опасной. По его мнению, лишь умения, опирающиеся на конкретный фактический материал, приводят к полноценному образованию (8).

Дэвид Кэннадайн, автор специального исследования, посвященного практике преподавания истории в Англии на протяжении XX века, оценивая подготовленный правительством учебный план по истории, отмечает, что этот план вполне соответствует задачам школьного образования в Англии и не содержит ничего такого, что бы свидетельствовало о его несостоятельности. Но при этом он обращает внимание, что сам по себе этот план не решает тех проблем, которые стоят в сфере обучения истории в школах. По его мнению, недостатки исторического образования в современных английских школах связаны с ограниченностью времени, отведенного на изучение истории, что обусловлено существующей практикой, согласно которой история как отдельный предмет преподаётся только на первых ступенях обучения (до 14 лет). Решение проблемы, таким образом, заключается в выстраивании единого

последовательного курса истории на всех уровнях школьного обучения, включая старший уровень (до 16 лет) (3).

В обсуждении нового плана приняли участие видные британские историки Нил Фергюсон и Ричард Эванс, которые, полностью разойдясь в оценке исторического содержания плана, согласились в том, что отведенного в школе времени недостаточно для серьезного изучения истории.

Ричард Эванс, выступая на страницах газеты «Гардиан» с анализом переработанного варианта учебного плана, отметил положительные изменения, произошедшие после критики февральского варианта. Он с одобрением оценил то, что из плана убраны «бесконечные» перечни дат и персонажей, изучение которых потребовало бы столько времени, какого нет в реальности у учителей на уроках. Положительным изменением он посчитал и корректировку тех требований, которые предъявлялись школьникам на разных уровнях обучения. Они стали более адекватным возрасту учеников. Ричард Эванс положительно оценил то, что по сравнению с прежним вариантом, где история сводилась к событиям политической истории, в новом варианте появляется социальная, экономическая и культурная история. «В то время как раньше Майкл Гоув хотел, чтобы ученики учили лишь факты и даты, теперь внимание фокусируется на умениях анализировать и понимать историю».

Продолжая дальше, Эванс поддерживает то, что в новом варианте учебных планов произошел отход от прежней тенденции некритического прославления героев и героического в британском прошлом, что якобы должно воспитывать дух патриотизма. По его мнению, чтобы стать настоящими гражданами, ученики должны научиться мыслить самостоятельно. История, убежден он, как предмет преподавания, лучше, чем что-либо другое предоставляет для этого возможность. «Ученики, — подчеркивает он, — не пустые сосуды для заполнения их патриотическими мифами».

Эванс обращает внимание, что в новом варианте, где английская история рассматривается на фоне мировой истории, тем не менее недостаточно подчеркиваются связи Англии именно с Европой (5).

В своей статье в «Гардиан» Нил Фергюсон, отметив, что проект требует дальнейшего совершенствования, но при этом выступил против той критики, которая на него обрушилась, в том числе со стороны профессоров истории Оксфорда и Кембриджа, и обратил внимание на то, что главной проблемой является не само содержание того материала, который выносятся для обязательного изучения, а сами формы и средства преподавания истории в школе. Проблема, по его мнению, в отказе от исторического знания в пользу «анализа источников» и «ориентированной на ребенка» методики обучения («представьте себя римским центурионом») (6).

Эти дебаты привели к тому, что в мае того же года министерством был опубликован обновленный учебный план, учитывавший критику общественности (9).

Изменения коснулись периодов, которые изучаются на первой ступени обучения, тем по мировой истории, которые были дополнительно включены в содержание. Кроме того, произошел отказ от обязательности изучения перечисленных в плане тем, которые теперь лишь перечислялись как рекомендуемые для изучения. Были сделаны и другие изменения, среди которых можно отметить исчезновение имени Уинстона Черчилля, фигурировавшее в февральском варианте проекта (12).

Подводя итоги дебатам, автор статьи в «Телеграф», сам являющийся действующим преподавателем истории, отмечает, что «хотя прошедшие дебаты мало что изменят в школьных классах, они стали важными и ценными для всех тех, кто работает в школе». Это связано с тем, что благодаря прошедшим обсуждениям, которые принимали нередко очень острую форму, внимание к проблемам исторического образования и к истории как таковой значительно возросло (1).

Обсуждение учебного плана по истории отразило несколько аспектов положения с преподаванием истории в современной Великобритании. Следует отметить в целом критический и встревоженный тон всех участников этой дискуссии. Все признают неудовлетворительное состояние преподавания столь значимого для общества учебного предмета, но при этом перспективы нахождения оптимального варианта

четко не просматриваются. Сложность решаемой проблемы заключается в неоднозначности современного понимания целей преподавания истории. Непонятно с точки зрения какого именно сообщества должна представлять история прошлого — английского, британского, европейского или глобального. Это, в свою очередь, усугубляется все более проявляющейся проблемой выбора модели обучения в условиях возрастающего информационного потока. Все это создает чрезвычайно сложные дилеммы, которые и обозначило горячее обсуждение проекта новых планов по истории. Прошедшие дебаты, тем не менее, дают прекрасный образец поисков решения общественно значимых проблем образования.

Источники:

1. Blake J. Michael Gove may have been defeated in his curriculum battle, but the fight has been worth it. URL: <http://www.telegraph.co.uk/education/educationnews/10176006/Michael-Gove-may-have-been-defeated-in-his-curriculum-battle-but-the-fight-has-been-worth-it.html> (дата обращения: 7.02.2014).
2. Boffey D. Historians attack Michael Gove over “narrow” curriculum. URL: <http://www.theguardian.com/politics/2013/feb/16/historians-michael-gove-curriculum?guni=Article:in%20body%20link> (дата обращения: 7.02.2014).
3. Cannadine D. The future of History. URL: <http://www.the-tls.co.uk/tls/public/article1228938.ece> (дата обращения: 7.02.2014).
4. Department for Education. History. Programmes of study for Key Stages 1-3. February 2013. URL: <http://media.education.gov.uk/assets/files/pdf/h/history%2004-02-13.pdf> (дата обращения: 7.02.2014).
5. Evans R. Michael Gove's history wars. URL: <http://www.theguardian.com/books/2013/jul/13/michael-gove-teaching-history-wars> (дата обращения: 7.02.2014).
6. Ferguson N. On the teaching of history, Michael Gove is right URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2013/feb/15/history-teaching-curriculum-gove-right?guni=Article:in%20body%20link> (дата обращения: 7.02.2014).
7. Hay Festival 2013: Don't sign up to Gove's insulting curriculum, Schama urges URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/hay-festival/10090287/Hay-Festival-2013-Dont-sign-up-to-Goves-insulting-curriculum-Schama-urges.html> (дата обращения: 7.02.2014).

8. Hunter M. History Lessons for the 21st-Century Classroom. URL: <http://standpointmag.co.uk/node/4796> (дата обращения: 7.02.2014).
9. Mansell W. Michael Gove redrafts new history curriculum after outcry. URL: <http://www.theguardian.com/education/2013/jun/21/michael-gove-history-curriculum?uni=Article:in%20body%20link> (дата обращения: 7.02.2014).
10. Stanley T. Teaching History: The Path to Salvation URL: <http://www.historytoday.com/tim-stanley/teaching-history-path-salvation> (дата обращения: 7.02.2014).
11. Statement on the Draft National Curriculum for History. URL: <http://www.royalhistoricalsociety.org/National%20curriculum%20draft%2011%20Feb%202013.pdf> (дата обращения: 7.02.2014).
12. The national curriculum programmes of study for history at KS1 and 2. URL: <http://www.education.gov.uk/schools/teachingandlearning/curriculum/primary/b00199012/history> (дата обращения: 7.02.2014).

УДК 372.983

ББК 4426.63

ГСНТИ 03.23

Код ВАК 94(470)

А.М. Мельникова

Красноуфимск

**СРЕДНИЙ И МЛАДШИЙ МЕДИЦИНСКИЙ
ПЕРСОНАЛ КРАСНОУФИМСКОГО ЗЕМСТВА
В 1870–1917 ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: земская медицина, фельдшер, «фельдшеризм», акушерка, сестра милосердия.

АННОТАЦИЯ. В данной статье анализируется социальное происхождение медиков на этапе становления земской медицинской помощи. Автор дает обобщенную характеристику должностных обязанностей среднего и младшего медицинского персонала. Раскрывается система повышения квалификации фельдшеров и акушерок. Рассмотрены проблемы, с которыми сталкивалось Красноуфимское земство, при подборе и замещении медицинских кадров.

A.M. Melnikova

Krasnoufimsk

**MIDDLE AND JUNIOR MEDICAL STAFF
KRASNOUFIMSK ZEMSTVO IN 1870-1917 GG.**

KEY WORDS: Zemstvo medicine, medical assistant, «feldsherizm», midwife, nurse.

ABSTRACT. This article discusses the social origins of the doctors. The author gives the generalized description the medium and junior medical staff's duties. The system of advanced training of medical assistants and midwives is disclosed. The challenges that faced Krasnoufimsk Zemstvo during selection and replacement of medical personnel are considered.

Медицинская служба в дореформенную эпоху была составной частью управленческого аппарата. Врачи были подчинены Медицинскому департаменту Министерства внутренних дел, а вопросами медицины ведал его Медицинский совет. Имущее население лечилось у частных врачей, а для неимущего городского населения существовали больницы Приказа общественного призрения, финансируемого губернскими властями (19. С. 135).

Социальное происхождение медиков Урала отличалось пестротой. Врачи, как правило, были выходцами из дворянства, духовенства или почетных граждан. Подавляющее большинство фельдшеров, акушерок, аптекарей относились к непривилегированным сословиям (18. С. 400).

Земский медицинский персонал Красноуфимского уезда составляли врачи, фельдшеры при врачах и фельдшеры на фельдшерских пунктах, акушерки, оспопрививатели, сестры милосердия и аптекарские ученики. Их найм и закрепление на службе было сложной задачей.

Острой проблемой в российском здравоохранении был так называемый «фельдшеризм». Суть этого явления состояла в том, что при острой нехватке врачей представители среднего звена медицинских работников (окончившие только фельдшерские и акушерские школы) фактически выполняли их функции, руководя лечебными учреждениями и занимаясь самостоятельной практикой, что противоречило закону. Несоответствие между юридическим статусом и реальным

положением фельдшеров нередко приводило к конфликтам с врачебным персоналом (16. С. 55-56). К тому же в крестьянской среде длительное время бытовало мнение, что врач – доктор для господ, а фельдшер – мужицкий доктор.

Практически все состоявшиеся 11 съездов земских врачей Пермской губернии (1-й - в 1872; 11-й - в 1906 г.) выступали против самостоятельной медицинской практики фельдшеров. Но руководящие земские органы отстаивали необходимость фельдшеризма в существовавших условиях. При этом они опирались во многом на популистский тезис о «равном» доступе к медицинской помощи всего населения уезда.

Однако его реализация не представлялась возможной. Этому мешали две основные проблемы:

– земские органы, в том числе Красноуфимского уезда, испытывали хроническую нехватку средств на социальную сферу на всем протяжении своего существования;

– не хватало аттестованных врачей, желавших работать на Урале. По данным М. И. Черныша к 1890 г. в Пермской губернии было всего 73 земских врача: от 4 до 10 на уезд (20. С. 213). Т. Ю. Шестова отмечала, что их было всего 46 (23. С. 19). Видимо, различие в цифрах вызвано тем, что М.И. Черныш учитывал и городских врачей, содержащихся на средства городских дум. В результате число фельдшерских пунктов на Урале было достаточно высоким, в том числе и в Пермской губернии (17. С. 343).

С увеличением количества земских врачей «фельдшеризм» постепенно изживался. Сами фельдшеры во всех трудных случаях стали искать помощи врача: или отправляли своих пациентов к врачу, или приглашали его (15. Л. 4).

В первые годы становления земской медицины в Красноуфимском уезде отмечался недостаток и среднего медицинского персонала, особенно фельдшеров. Поэтому большинство фельдшерских участков было занято заводскими лекарскими учениками (5. С. 334-335). В результате фельдшеров приглашали даже через публикации в газетах и переписку с начальством фельдшерских школ. Как правило, это были

фельдшеры прежних горнозаводских госпиталей (23. С. 122).

Земская управа и врачи при замещении фельдшерских должностей стремились приглашать на пункты фельдшеров, получивших образование в фельдшерских школах. Это не всегда удавалось, так как годовой оклад фельдшера составлял 300–420 рублей. Поэтому старались приглашать на пункты, как это практиковалось в других земствах, фельдшериц–акушерок (2. Л. 282). Так, в 1881 г. Красноуфимским земством на службу было принято два фельдшера, один из которых окончил курс в Казанской, другой – в Оренбургской фельдшерской школе (6. С. 345).

В 1884 г. в уезде на земской службе состояло 26 фельдшеров, 12 из которых имели диплом. Четырнадцать человек не имели диплома на звание фельдшера, но один из них имел диплом ветеринарного фельдшера, а десять обучались при заводских и три – при военных госпиталях.

В 1914 г. количество фельдшеров увеличилось до 31 человека (7. С. 338-339). Врач Богородского участка Э. Шлипер отмечал, что в резиденции каждого участкового врача необходимо иметь двух фельдшеров, один из которых должен разъезжать по участку, а другой должен постоянно находиться при приемном покое (7. С. 323).

Фельдшеры были обязаны знать общие понятия анатомии, правила ухода за больными, уметь накладывать повязки, прививать предохранительную оспу, удалять зубы, писать рецепты по диктовке врача, составлять простые лекарства (8. С. 289-290). Во время борьбы с эпидемиями они руководствовались указаниями участковых врачей (7. С. 338-339). Деятельность больничных фельдшеров ограничивалась наблюдением за назначенным врачом лечением, исполнением перевязок, массажа и других простых манипуляций (7. С. 341-342).

В обязанность фельдшеров входило посещение селений своих пунктов не менее двух раз в месяц, для чего каждому фельдшеру необходимо было составить расписание или маршрут, согласно которому они должны посещать свои участки. Больных во время разъездов первоначально записывали в рецептурные книги (8. С. 235), позднее было предложено

фиксировать больных в регистрационные книги с указанием имени и фамилии, рода и причины заболевания, способа лечения. Такой способ ведения фельдшерами отчетности давал врачам возможность контролировать их деятельность по всему уезду (9. С. 297).

По личному желанию фельдшеры редко оставляли службу, чаще всего они увольнялись за пьянство и недобросовестное отношение к делу. Так, фельдшеры Мартынов и Соловьев были уволены «в виду нетрезвой жизни» (7. С. 341-342). Фельдшер Захаров уволен управой в 1873 г. по просьбе врача за то, что «он ничего не делает по службе, а только пьет, буянит и ловко прикрывает бездеятельность фразерством и напыщенными да пустыми рапортами». Большинство же фельдшеров смотрели на земскую службу «как на кусок хлеба» и относились к своим обязанностям добросовестно (15. Л. 4).

Для земской части России в первые годы в целом было свойственно в погоне за дешевизной отдавать предпочтение фельдшерским пунктам перед врачебными участками. Практика же доказала, что более дорогое содержание последних было и более эффективным. Главной причиной этого был низкий уровень образования фельдшеров. В Камышловском уезде нередко сами врачи выступали с инициативой проведения фельдшерских и акушерских курсов при городской больнице (10. С. 148). Однако специализированная подготовка фельдшеров в Пермской губернии началась только с 1889 г. при губернской земской больнице (14. С. 25-26).

Постепенно расширялась медицинская помощь и при «родовспоможении». На смену повивальным бабкам приходили специально обученные акушерки. Акушерки занимались приемом детей у рожениц, но в случаях необходимости посылались и для помощи в лечении женских болезней. Жалованье акушерок в 1875 г. составляло 240 руб. (11. С. 160), а в 1910 г. оно достигло 420 руб. (1. Л. 1).

Первоначально деятельность акушерок была не востребованной, так как им приходилось конкурировать с местными повивальными бабками, с которыми народ сжился (15. Л.4). Зачастую повитухи при родах проделывали самые невероятные и вредные манипуляции: роженицу парили в бане,

трясли, мяли, водили вокруг колодца, держали открытыми царские врата в церкви. Через несколько дней таких напрасных мучений они звали земскую акушерку. Но она была уже не в состоянии ничем помочь и вызывала за десятки верст врача (21. С. 53).

Врач Михайловского участка Н. Оленев в 1888 г. отмечал, что акушерство в его участке начало развиваться только в последние пять лет. Ранее население пользовалось помощью старух–повитух, которым безгранично доверяли и выносили всевозможные их пытки, например, подвешивание рожениц за ноги. Все это делалось с целью или ускорить роды, или исправить неправильное положение плода. Кроме того, они также прибегали и к внутренним народным средствам: давали пить спорынью, золу, порох и др. Со всем этим приходилось бороться, так как народ Михайловского завода суеверен и не очень податлив к нововведению. А недостаток акушерских инструментов делали бессильными науку и врача, чем подкрепляло недоверие народа к акушерству (3. Л. 212-213).

Главная причина неудовлетворительной работы акушерок заключалась в невысокой специальной подготовке. Это побудило красноуфимских врачей «отделаться» от двух только что окончивших специальный курс через несколько месяцев после определения их на службу земскою управою (15. Л. 4).

На II Пироговском съезде врачей доктор Фирсов выдвинул некоторые требования к рациональному устройству акушерской помощи: доступность; правильное и строгое антисептическое ведение родов и послеродового периода; распространение среди населения через акушерский персонал правильных понятий и взглядов на роженицу и ее ребенка (12. С. 604).

Врач Холодковский отметил, что акушерская и гинекологическая помощь в Красноуфимском уезде ничтожна в сравнении с потребностями населения. В 1875 г. в уезде было всего три акушерки (11. С. 160). Чтобы, с одной стороны, облегчить акушерскую помощь, а, с другой стороны, облегчить тяжесть женских болезней, Медицинским советом было рекомендовано приглашать акушерку в участок каждого врача (6. С. 344). Однако этого не удалось достичь: при

функционировавших в 1914 г. 10 земских и 3 земско-заводских участках акушерок было только девять (4. Л. 195). Медицинская помощь роженицам в Екатеринбургском уезде была представлена акушерками в каждом врачебном участке, двумя родильными покоем и частным родильным домом (13. С. 115).

Врачи указывали, что правильная организация помощи при родах возможна лишь при устройстве родильных приютов, являвшихся профилактическим средством в борьбе с женскими болезнями. В основу создания земского родильного приюта были положены две цели: помочь роженице и научить ее как нужно относиться к послеродовому периоду, как кормить ребенка и ухаживать за ним (12. С. 608).

Родильное отделение, созданное в 1873 г., существовало только при Красноуфимской земской больнице (5. С. 404). В уезде действовало два акушерских пункта – в Уткинском и Шемахинском заводах (22. С. 358).

Таким образом, с развитием «фельдшеризма» в уезде наблюдалось большое число фельдшеров, которое неуклонно росло, увеличивалось количество фельдшерских пунктов, акушерских же пунктов было всего два, а самих акушерок – 9. Это не позволяло наладить рациональную медицинскую помощь при лечении женских заболеваний и родах. Профессиональное обучение фельдшеров в губернии стало развиваться с 1889 г., а акушерское образование отсутствовало.

Источники:

1. ГАСО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 266. Л. 1.
2. Государственный архив в г. Красноуфимске. Библиотечный фонд. Оп. 3. Д. 31. Л. 282.
3. Государственный архив в г. Красноуфимске. Библиотечный фонд. Оп. 3. Д. 19. Л. 212-213.
4. Государственный архив в г. Красноуфимске. Библиотечный фонд. Оп. 3. Д. 79. Л. 195.
5. Журналы IV очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1873 г. и доклады Управы и комиссии. Ирбит, 1874.
6. Журналы XIII очередного Красноуфимского уездного земского собрания, доклады Управы и комиссии с другими приложениями за 1882 год. Кунгур, 1883.

7. Журналы XV очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1884 года с докладами Управы и комиссии и другими приложениями. Кунгур, 1885.
8. Журналы XI очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1880 года и доклады Управы и комиссии с другими приложениями. Кунгур, 1880.
9. Журналы VII очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1876 г. и доклады Управы и комиссии. Красноуфимск, 1878.
10. Журналы XII очередного Ирбитского уездного земского собрания 1881 г. Ирбит, 1882.
11. Журналы VI очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1875 г. и доклады Управы и ревизионной комиссии с приложениями. Кунгур, 1876.
12. Журналы XLIII очередного Красноуфимского уездного земского собрания 1912 года с докладами Управы и комиссии и другими приложениями. Екатеринбург, 1913.
13. Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXIII очередной сессии за 1892 г. Екатеринбург, 1893.
14. Краткий очерк деятельности Екатеринбургского земства по народному здравью за 20-летие. 1870-1890. Екатеринбург, 1890.
15. Сведения о программе II съезда Пермских врачей. Машинопись // Филиал областного музея истории медицины «Красноуфимская земская больница». Б.н. Л. 4.

Литература:

16. Андреева Т. А. Социокультурный портрет уральской интеллигенции в начале XX в. // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005.
17. Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. Т.1. СПб. 1909.
18. История Урала. XIX в. – 1914 г. / Н. Н. Алеврас и др. Челябинск, 2007.
19. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.
20. Черныш М. И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959.
21. Чиняева Е., Голицын Ю. Земская служба в России // Эксперт. 1999. № 23.
22. Смирных А.И., Архипова Л.В., Белоусов О.В., Флягина Е.И., Новиков А.И. Уездные столицы: культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2002.
23. Шестова Т. Ю. Развитие здравоохранения уральских губерний (Пермской, Вятской, Оренбургской) 1864-1900. Пермь, 2003.

УДК

372.893(470/571)+371.64/.69

ББК 4426.632-268.2

ГСНТИ

03.23.55

Код ВАК

07.00.02

Н.В. Мельникова

Екатеринбург

СОВЕТСКИЙ АТОМНЫЙ ПРОЕКТ В ШКОЛЬНОЙ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: атомный проект СССР, атомное оружие, учебник.

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ учебников истории для 9 и 11 классов общеобразовательных школ, подготовленных за последние 10 лет, на предмет отражения в них одного из ключевых моментов в отечественной истории XX века – реализации советского атомного проекта.

N.V. Melnikova

Yekaterinburg

THE SOVIET NUCLEAR PROJECT IN THE SCHOOL EDUCATIONAL LITERATURE

KEY WORDS: nuclear project of the USSR, atomic weapons, textbook.

ABSTRACT. The article analyzes reflection of one of key moments in national history of the XX century – the Soviet nuclear project – in textbooks of the history for 9 and 11 classes of comprehensive schools which were prepared in the last 10 years.

Воплощение атомного проекта СССР – общепризнанный пример успешного государственного стратегического планирования и стратегического управления в рамках системы ВПК СССР.

Проект имел грандиозный размах и высокий уровень организации производственных, научно-теоретических и технико-технологических работ. Его разностороннее изучение приобретает особую актуальность в современных условиях необходимости модернизации отечественной науки, дальнейшего совершенствования экономической системы

страны. Понимание процесса разработки и реализации атомного проекта способствует более адекватной оценке сильных и слабых сторон советской системы. Без анализа всего комплекса проблем, связанных с реализацией советского атомного проекта, невозможно воссоздать полную, всеобъемлющую картину послевоенного политического, индустриального и социально-экономического развития страны.

Между тем, в изучении истории советского атомного проекта довольно много проблем. Его исследования начались на рубеже 1980-х – 1990-х гг., когда эта тема перестала относиться к разряду особо секретных, и появился ограниченный доступ к историческим источникам. Вероятно, эта появившаяся возможность рассказать о том, о чем раньше нужно было молчать, обусловила сенсационный характер части публикаций. К сожалению, эта тенденция сохраняется до сих пор. Существенное число работ не являются фундаментальными научными исследованиями. Историография истории атомного проекта СССР насыщена публикациями, написанными журналистами, писателями, ветеранами различных ведомств (разведка, геология, биология, собственно атомная отрасль). Они имеют публицистическое или даже художественное изложение, страдают субъективизмом, поскольку опираются в большей степени на воспоминания, чем на документальные источники, не имеют соответствующего научно-справочного аппарата. Как справедливо подчеркивает Дэвид Холлоуэй, «история советского проекта насыщена сведениями сомнительной надежности» (17. С. 6). Фундаментальный обобщающий научный труд по истории этой колоссальной эпопеи еще ждет своего автора (или авторов). Не удивительно, что на этом фоне история советского атомного проекта слабо представлена в учебной литературе. Между тем история создания отечественного атомного оружия может и должна стать важным компонентом патриотического воспитания.

За последнее десятилетие содержательная наполненность сюжета об истории атомного проекта СССР претерпела изменения. В некоторых учебниках эта тема не получила освещения (2), либо ей посвящена минимальная информация (5, 6, 14, 15, 16). В учебнике для 9 класса

общеобразовательных учреждений, изданном в 1995 г., содержатся лишь косвенные сведения о проекте в разделе «Развитие промышленности»: в русле послевоенной тенденции широкого использования научно-технических разработок на производстве подчеркивается развитие военно-промышленного комплекса, на предприятиях которого «шел процесс разработки ядерного и термоядерного оружия, новых ракетных систем, новых образцов танковой и авиационной техники» (13. С. 180). Эта же информация продублирована в учебнике, вышедшем спустя 8 лет, в 2003 г. (8. С. 146).

Атомному проекту посвящен небольшой абзац в учебнике для 9 класса «История России. XX век». (12. С. 237). Создание отечественного ядерного оружия рассматривается в контексте противостояния с США за обладание монополией на атомную бомбу (такая оценка характерна и для других учебников). Здесь впервые возникает фамилия научного руководителя атомного проекта И.В. Курчатова, указывается, что коллектив под его руководством создал не только атомную, но и водородную бомбу. Сведения о Л.П. Берии, как руководителе Специального комитета, «занимавшегося созданием ядерного оружия», впервые появляются в «Истории России. XX – начало XXI в.» для учащихся 11 класса (2007 г.). Можно сказать, что весь атомный проект представлен здесь через краткую биографическую справку о Л.П. Берии (14. С. 285). В ряде учебников встречаются фамилии и других участников атомного проекта СССР (руководителей и разработчиков): Я.Б. Зельдовича, А.Д. Сахарова, Ю.Б. Харитона (6. С. 220–221; 15. С. 248), Б.Л. Ванникова, А.П. Завенягина, М.Г. Первухина, Е.П. Славского и некоторых других (4. С. 157).

Самостоятельные разделы, посвященные атомному проекту СССР, имеют лишь незначительное количество учебников. В 2008 г. вышел в свет учебник для 11 класса «История России, 1945–2007 гг.» (3). Над учебником работал коллектив авторов – С.В. Алексеев, Д.М. Володихин, П.В. Данилин, А.А. Данилов, Г.А. Елисеев, И.С. Семененко, А.И. Уткин, А.В. Филиппов, А.Ю. Шадрин. Рекомендованный коллегией Минобрнауки, учебник был представлен в качестве принципиально новой модели учебной исторической

литературы для средних школ. Несмотря на то, что он подвергся существенной критике 1), это первый учебник, в котором теме атомного проекта уделено столь пристальное внимание. Послевоенное развитие страны рассмотрено в нем через призму внешних вызовов, в первую очередь угрозы со стороны Запада (что, впрочем, прослеживается и в более ранних изданиях школьной учебной литературы). Необходимость выработки ответов на этот вызов обусловила определенный вектор внутривнутриполитических, экономических, социальных и культурных процессов. «Внутренняя политика Советского Союза в первые послевоенные годы отвечала тем мобилизационным задачам, которые ставило перед страной ее руководство» (3. С. 39.). В этом свете авторами учебника особое значение придается реализации атомного проекта.

Показательно, что раздел «Атомный проект» по объему равнозначен разделам, посвященным развитию промышленного и сельскохозяйственного секторов экономики. Характерной особенностью является отказ от популярной в 1990-х – начале 2000-х гг. версии о заимствовании проекта создания атомной бомбы в США (широко бытовавшей в публикациях того времени). Успешное изготовление оружия принципиально нового типа предстает как результат усилий всего государства и особой организующей роли советского руководства (3. С. 31–32).

Годом позднее, в 2009 г., опубликован учебник для 11 класса под редакцией А.А. Данилова, А.И. Уткина и А.В. Филиппова, явившийся уже третьим изданием вышеуказанной «Истории России, 1945–2007 гг.». История создания атомного оружия прослеживается с 1941 г., говорится о создании Спецкомитета при ГКО и Первого Главного управления, «атомных» центров – Сарова, Челябинска-40, Семипалатинска-21. Разработка водородной бомбы приписывается коллективу во главе с И.Е. Таммом, А.Д. Сахаров не упоминается (9. С. 31–32).

Несколько странным выглядит информация об отечественном атомном проекте, расположенная в разделе «Послевоенный ГУЛАГ и его обитатели» в учебнике для 11 класса, подготовленном под редакцией А.О. Чубарьяна. Процесс создания и производства атомного и термоядерного оружия

предстает как некое производное от системы ГУЛАГа. Из текста складывается впечатление, что и ученые, и руководители отрасли и предприятий были исключительно частью этой системы. «Почти все закрытые города выросли с помощью ГУЛАГа», – говорится в тексте (4. С. 157). Авторы приводят их названия – Арзамас-16, Кыштым (никогда не бывший закрытым), Озерный, Горный и прочие, таким образом, кроме Арзамаса-16 (Сарова) не указаны ключевые для атомного проекта города, в которых шла научная разработка, наработка делящихся материалов и располагались серийные предприятия по производству атомного оружия.

Более взвешенной выглядит позиция в учебнике «История России. XX – начало XXI века» (9 класс) за 2010 г. Здесь впервые звучит тема финансовых затрат; кроме фамилии И.В. Курчатова, перечислены имена физиков А.Ф. Иоффе, Я.Б. Зельдовича, Ю.Б. Харитона, П.Л. Капицы. Обращается внимание учащихся на существование в литературе точки зрения, что советское ядерное оружие появилось исключительно благодаря сведениям, полученным военно-технической разведкой. В противовес этому мнению авторы учебника подчеркивают самостоятельность отечественных ученых, работа которых позволила «создать отличную от американской и более эффективную конструкцию атомной бомбы» (хотя известно, что первая испытанная бомба была все же «калькой» с американской и только последующие были действительно самостоятельными и более эффективными) (10. С. 203).

Некоторым маркером значимости атомного проекта в истории России может служить эпиграф, предваряющий главу «Через тернии к звездам» (СССР в 1945-1985 гг.) учебника для 9-го класса основной общеобразовательной школы, датированного 2012 г. Это фраза Ю. Визбора «Зато мы делаем ракету» (11. С. 267). Атомный проект СССР связывается с началом «холодной войны», понимаемой как противостояние двух общественных систем (социализма и капитализма). Школьники получают информацию о создании Специального комитета, о руководителях советского атомного проекта Л.П. Берии (глава Спецкомитета) и И.В. Курчатове (научное руководство). Здесь же мы видим их фотопортреты,

поставленные в один ряд, но разделенные фотоизображением ядерного взрыва под Семипалатинском. Добыча урана предстает как заслуга исключительно заключенных ГУЛАГа. Указываются номерные названия двух из десяти закрытых атомных городов – Арзамаса-16 (Сарова) и Красноярска-26 (Железногорска). Заканчивается сюжет сведениями об испытании первой советской атомной бомбы 29 августа 1949 г. и сообщением о первых отечественных дальних бомбардировщиках Ту-4. Во всем прослеживается «американский след»: и в создании атомной бомбы, и бомбардировщиков (11. С. 270–271). Несколькими разделами ниже тема продолжена в параграфе «Научно-технический прорыв СССР»: здесь говорится о производстве и испытании водородной бомбы (под руководством А.Д. Сахарова) и подчеркивается наше первенство в этом вопросе по сравнению с США (11. С. 287).

Одним из наиболее информативных на данный момент выглядит параграф «Ядерный вызов. Трудное возрождение» в «Истории России, XX – начало XXI века» (11 класс), вышедшей в 2012 г. под редакцией А.Н. Сахарова (12. С. 253). Послевоенное развитие советского военно-промышленного комплекса показано через процесс концентрации ресурсов экономики на создании ядерного и термоядерного оружия и средств его доставки. История уранового проекта начинается в учебнике с 1942 г., что вполне оправданно. Учащиеся знакомятся с информацией о создании Лаборатории № 2, именами выдающихся ученых, занятых в атомном проекте (И.В. Курчатов, Я.Б. Зельдович, П.Л. Капица, Ю.Б. Харитон, Г.Н. Флеров), узнают о Спецкомитете во главе с Л.П. Берией, об испытании первой советской атомной бомбы и последующем налаживании серийного производства ядерного оружия. Подчеркивается та скорость, с которой, в противовес американским прогнозам была создана атомная бомба в нашей стране, и тот факт, что с испытанием водородной бомбы СССР «впервые стал лидером ядерной гонки» (12. С. 255). Важно, что создатели учебника пошли дальше и сделали акценты на пролонгированных результатах реализации советского атомного проекта. Среди них названы формирование принципиально

новых отраслей промышленности (атомная промышленность, атомное машиностроение), открытие урановых месторождений, появление десятков новых промышленных производств и городов.

Возможно, неким свидетельством соответствующего государственного позиционирования в вопросе освящения атомного проекта может служить появление пилотной версии Интернет-ресурса «Архивы – школе» (18). Интернет-ресурс возник в соответствии с просьбами и пожеланиями, высказанными делегатами Первого Всероссийского съезда учителей истории и обществознания (Москва, 31 марта – 1 апреля 2013 г.). Проект осуществлен объединенными усилиями Федерального архивного агентства, Государственного архива РФ при участии Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива научно-технической документации, Российского государственного архива кинофотодокументов и Архива Президента РФ. Сайт помещен на портале «Архивы России» и содержит коллекции архивных документов, отражающих важнейшие моменты отечественной истории, снабженных пояснительными текстами и системой навигации. В настоящий момент на сайте представлено две темы, одна из которых – «Атомный проект в СССР» (19). Размещенная информация может методически обеспечить подготовку соответствующей темы не только школьного курса истории.

Что же касается школьной учебной литературы, остается только надеяться, что в готовящемся новом едином учебнике такому важному для нашей истории событию как реализация атомного проекта, будет уделено достойное внимание.

Литература:

1. Багдасарян В.Э., Абдулаев Э.Н., Клычников В.М., Ларионов А.Э., Морозов А.Ю., Орлов И.Б., Строганова С.М. Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009. 376 с.
2. История Отечества. XX век. 11 класс: пособие для общеобразоват. учеб. заведений / В.П. Дмитренко, В.Д. Есаков, В.А. Шестаков. М.: Дрофа, 2002. 608 с.

3. История России, 1945–2007 гг. 11 кл.: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение, 2008.
4. История России, XX – начала XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: профил. и базовый уровни / А.А. Данилов, Е.И. Пивовар и др.; под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Просвещение, 2011. 302 с. (Академический школьный учебник).
5. История России, XX – начало XXI в. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинов, С.В. Мироненко; под ред. С.П. Карпова. М.: Просвещение, 2010. 384 с.
6. История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений (базовый уровень) / О.В. Волобуев, С.В. Кулешов; под ред. И.Н. Данилевского. М.: Мнемозина, 2009. 335 с.
7. История России, XX – начало XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: профил. уровень / В.А. Шестаков; под ред. А.Н. Сахарова. М.: Просвещение, 2012. 399 с. (Академический школьный учебник).
8. История России, XX– начало XXI века: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, А.В. Пыжиков. М.: Просвещение, 2003. 400 с.
9. История России. 1945–2008 гг. 11 класс: учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений / Под ред. Данилова А.А. и др. М.: Просвещение, 2009. 368 с.
10. История России. XX – начало XXI века. 9 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений / О.В. Волобуев, В.В. Журавлев, А.П. Ненароков, А.Т.Степанищев. М.: Дрофа, 2010. 320 с.
11. История России. XX – начало XXI века: Учебник для 9 класса основной школы / Д.Д. Данилов, Д.В. Лисейцев, В.А. Клоков и др. М.: Баласс, 2012. 384 с.
12. История России. XX век. Учебник для 9 класса / Н.В. Загладин, С.Т. Минаков, С.И. Козленко, Ю.А. Петров. М.: 2007. 400 с.
13. История России. XX век: Учеб. кн. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. М.: Просвещение, 1995. 366 с.
14. История России. XX – начало XXI в.: Учебник для 11 класса общеобразоват. учреждений / Н.В. Загладин, С.И. Козленко, С.Т. Минаков, Ю.А. Петров. М.: «Русское слово», 2007. 480 с.
15. История России: 11 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / В.С. Измозик, С.Н. Рудник; под общ. ред. Р.Ш. Ганелина. М.: Вентана-Граф, 2013. 384 с.

16. История. Россия и мир в XX – начале XXI века. 11 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень / Л.Н. Алексашкина, А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. М.: Просвещение, 2010. 432 с.
17. Холлоуэй Д. Атомоход Лаврентий Берия. М., 2011.
18. <http://rusarchives.ru/school/index.shtml>
19. <http://rusarchives.ru/school/atomnyj-proekt-sssr.shtml>

УДК

372.893(470/571)+371.31

ББК 4426.632-270

ГСНТИ 11.09.91

Код ВАК

07.00.02

М.Н. Начапкин

Екатеринбург

**О РОЛИ КОНСЕРВАТОРА К.П. ПОБЕДОНОСЦЕВА
В ПОДГОТОВКЕ КОНТРРЕФОРМ
АЛЕКСАНДРА III**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: консерватизм, контрреформы, самодержавие, гласность, суд присяжных, реакционность

АННОТАЦИЯ. В статье обсуждаются оценки современных зарубежных и российских историков о влиянии консерватора К.П. Победоносцев в подготовке и проведении контрреформ в России во второй половине 19-го века.

M.N. Nachapkin

Yekaterinburg

**ABOUT THE ROLE CONSERVATOR K.P.
POBEDONOSTSEV IN THE PREPARATION
COUNTER-REFORM OF ALEXANDER III**

KEY WORDS: conservatism, counter-reforms, autocracy, publicity, jury, reactionary character.

ABSTRACT. In article discusses the evaluations of contemporary foreign and russian historians about influence of conservator K.P. Pobedonostsev in the preparation and conduct counter-reforms in Russia in second half of the 19th century.

Личность консерватора, обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева всегда

привлекала внимание различных историков и публицистов. Для одних он был спасителем самодержавия, а для других – вдохновителем реакции. В современных монографиях и университетских учебниках нет единой точки зрения на вопрос о том, как оценивать российский консерватизм второй половины XIX века и его интеллектуального лидера Константина Победоносцева. Был ли он действительно реакционером, или его взгляды действительно отражали общественные настроения, сложившиеся после убийства Александра II? Либеральный американский историк Р. Пайпс, назвал его консерватором-бюрократом, реакционером. Под его сильным давлением новый царь Александр III «...29 апреля 1881 года выпустил подготовленный Победоносцевым манифест, в котором объявил о своем решении сохранить полновластное самодержавие... Победоносцев не только сформировал у Александра III абсолютно реакционные принципы, выражавшиеся обычно в категорических, но часто несистематических суждениях, но и давал ему советы по каждому возможному поводу» (1. С. 183). Реакционная политика Победоносцева, по мнению ученого зиждилась на уверенности в том, что Россия в силу огромных размеров территории, сложного национального состава населения, невежестве, экономической отсталости не готова к либеральным реформам и конституции. Основные политические идеи Победоносцева, изложенные в «Московском сборнике» состояли в утверждении нераздельности действий государства и церкви, несостоятельности западных политических институтов - парламентаризма, так называемой свободной прессы и демократии, которую обер-прокурор Синода называл «великой ложью нашего времени». Р. Пайпс сделал вывод, что Победоносцев стремившейся «подморозить Россию», в конечном счете своей неконструктивной политикой привел страну к Первой русской революции 1905-1907 гг.: «Влияние Победоносцева постепенно уменьшалось, потому, что он мог очень убедительно советовать, чего не следовало делать, но в то же время у него было очень мало конструктивных идей, если они вообще имелись» (1. С. 184). Э.А. Попов в своей монографии согласен с оценкой консерватизма Победоносцева, данной Р. Пайпсом. Он писал: «Термин «государственный

(бюрократический) консерватизм» был введен в научный оборот американским русистом Р. Пайпсом для определения отдельного направления охранительного лагеря в России. По мнению Пайпса, ведущими идеологами данного направления являлись М.Н. Катков и К.П. Победоносцев... Ключевые постулаты идеологии государственнического консерватизма заключались в неприятии общественной инициативы... Единственной творческой силой признавалось государство» (2. С. 85). П.В. Агапов и В.В. Афанасьев довольно подробно объясняют политическую доктрину К.П. Победоносцева, его учение о власти. Соглашаясь с тем, что во многом революция 1905 года, во многом его «заслуга», они пытаются объективно разобраться в его концепции, рассмотреть политическую ситуацию его глазами. Они согласны с его выводом, что падение монархии обусловлено разложением религиозной сущности власти: «Поэтому власть должна иметь определенное ценностное содержание, сообщающая ее велениям характер справедливого требования. Утрата этих ценностных ориентиров ведет к падению самой власти. Русская консервативная социология права... уже тогда предвидела опасность ниспровержения русского государственного строя и перемещения центра тяжести от престола Царя-самодержца на разные демократические трибуны и представительные собрания политиков-говорунов, людей без связей со своим народом» (3. С. 90-91). А.В. Репников очень подробно разбирает общественно-политические взгляды Победоносцева. Для консерватизма Победоносцева были характерны следующие идеи: обоснование неограниченной верховной власти, понимание самодержавной власти как огромной личной ответственности монарха перед Богом, восхваление склонности к смирению и покорности как лучших качеств русского народа, отстаивание нерушимой связи между государством и Русской православной церковью с целью обуздания «темных» сторон человеческой природы, стремление к установлению опеки над обществом. Репников приводит высказывания С.Ю. Витте и К.Н. Леонтьева в отношении Победоносцева, что он не являлся конструктивным мыслителем, творцом. Таким образом, Репников, соглашался с теми исследователями взглядов

Победоносцева, которые утверждали, что его мировоззрение устарело к началу XX века: «Между тем, происходившие в России модернизационные изменения значительно опережали теоретиков консервативной мысли, которые пытались на старом «фундамента» выстроить новое здание консервативной и националистической русской философии» (4. С. 128). В современных учебниках мы можем встретить различные оценки деятельности Победоносцева. В.В. Фортунатов, положительно оценивая либеральные реформы царя Александра II – крестьянскую, земскую, судебную, подвергает резкой критике политику контрреформ Александра III: «Большое влияние на нового императора имел...К.П. Победоносцев. О Земском соборе или Учредительном собрании не могло быть и речи. Охранительная политика Александра III была направлена на защиту неограниченного самодержавия, сохранение и усиление сословных привилегий дворянства, означала отказ от наиболее прогрессивных и перспективных новшестве в жизни страны» (5. С. 166). Фортунатов считал, что большой вред был нанесен судебной реформе Александра II, так как была ограничена несменяемость судей, публичность судебных заседаний, сократился круг лиц, допускаемых в ряды присяжных, политические дела были изъяты из общего судопроизводства. Другую, более взвешенную оценку политики контрреформ, в частности судебной, дают историки А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков: «при Александре III произошла корректировка и некоторых сторон судопроизводства... Суд присяжных отражал стремление судить человека не только «по букве закона», но и «по сердцу». Судебная же практика показала, что в делах, касающихся тяжких преступлений, в том числе и политических, подобное правило порой приводило к оправданию преступлений» (6. С. 189). Авторы учебника оправдывали ограничение гласности во время судебных заседаний тем, что для детей и подростков, нередко посещавших эти заседания, было вредно слушать разбирательство дел о богохульстве, оскорбления женской чести, прелюбодеяниях. Кроме того, публичность судебных заседаний часто использовалась террористами для пропаганды своих взглядов. Изменения в области суда при Александре III эти историки оценивают в

целом положительно: «Несмотря на ряд нововведений, все основные принципы судебной реформы 1864 года – несменяемость судей, независимость судопроизводства, суд присяжных, право на защиту, пересмотру не подлежали» (6. С. 190).

Историк А.Ю. Полунов рассмотрел в монографии процесс формирования консервативных воззрений Победоносцева, его роль в повороте верхов к охранительному курсу после гибели Александра II. Он писал: «К.П. Победоносцев (1827-1907) сыграл в истории России исключительно важную роль. Воспитатель, а затем доверенный советник двух последних царей, известный ученый правовед, один из авторов судебной реформы 1864 г., публицист консервативного направления, сенатор, член Государственного Совета и Комитета министров и, наконец, обер-прокурор Святейшего Синода в течение 25 лет – Победоносцев оказал влияние едва ли не на все аспекты жизни пореформенной России... Анализ взглядов и деятельности Победоносцева представляет интерес... для понимания природы российского пореформенного консерватизма, взаимоотношений власти и общества, специфики функционирования государственных институтов самодержавия в предреволюционный период» (7. С. 3-4). Обер-прокурор был крупной, неординарной фигурой. Его переписка с корреспондентами свидетельствует, что он стремился влиять на политические процессы, опираясь на факторы духовно-идеологического характера. В целом А.Ю. Полунов оценил консервативное царствование Александра III критически: «В сфере культуры, идеологии и национальной политики был усилен акцент на русскую «национальную самобытность», проводилась политика ужесточения административного преследования религиозного инакомыслия, русификация национальных окраин, ограничения прав лиц неправославного вероисповеданий, в особенности иудеев» (8. С. 57).

В 1881 году Константин Петрович добился срыва дальнейшей реализации либеральных реформ, начатых в 1860-х гг. Как же началось его восхождение во власть? Как и почему ему удалось добиться доверия, уважения со стороны сначала наследника, а затем императора Александра III? Для нас также

интересен вопрос: насколько его влияние было сильным на императора. Еще в 1928 г. Ю.В. Готье поставил вопрос о роли механизмов неформального влияния в возвышении Победоносцева. С будущим императором Александром III Победоносцев познакомился в 1861 г. Ему было поручено читать наследнику Николаю Александровичу и его братьям лекции по юридическим дисциплинам. После смерти Николая в 1865 г. наследником был провозглашен Александр. Победоносцев сумел расположить его к себе своими занятиями. В 1867 г. он писал, что Александр честный, ясный человек с русским сердцем. Готье считал, что наставника и наследника сблизило повышенное религиозное чувство. Кроме того, в 1870-х гг. они оба симпатизировали славянофильским идеям освобождения южных славян от гнета Османской империи и славян-русинов от власти Габсбургов. Победоносцев писал, что славянофилы – цельные, религиозные люди с истинно русской душой. Как не странно, объединило наставника и наследника личности и правлению Александра II: «В 1864 г. началась связь Александра II с княжной Е.М. Долгоруковой... Семья и, в частности, прямой по натуре наследник престола, встали безусловно на сторону матери, враждебное чувство к отцу усилилось... Победоносцев не любил Александра II за государственную дряблость, за ненациональную политику, за недостаток благочестия и за семейную безнравственность» (9. С. 465). В правлении Александра II Константин Петрович видел лишь отсутствие разума, силы и воли: «О самом владыке и говорит нечего. Он жалкий и несчастный человек... ясно, что воля в нем исчезла... в руках у него рассыпалась власть, врученная ему богом...» (9. С. 466). А.Ю. Полунов был согласен с выводом Ю.В. Готье, что Александра III с Победоносцевым объединял интерес к идеям национальной самобытности и оппозиционное отношение к политике правительства, состоявшего из либералов. Кроме этих факторов влияния, Полунов выделяет и другие: «Опираясь на рано выявившийся интерес Александра Александровича к идеям национального своеобразия России, определенный критический настрой наследника по отношению к политике отца, Победоносцев исподволь влиял на складывание его личности.

Он формировал его круг чтения, в который входили авторы, придерживавшиеся консервативных идей, самобытности, писавшие о церковных вопросах – П.И. Мельников-Печерский, Н.С. Лесков, Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, М.Н. Катков» (7. С. 152). Переписка наследника с наставником свидетельствует об их близких, дружеских отношениях. Александр называет наставника любезным, добрейшим. Он пишет о желательном для него расписании занятий, семейных делах, приглашает Победоносцева с женой на любительский, семейный спектакль, поздравляет с различными праздниками. Вместе с ним Александр III обсуждал прочитанные книги, увиденные картины.

События 1 марта 1881 года, повлекшие за собой изменения течения государственной политики России, вознесли Победоносцева на вершину власти. Он стал духовным наставником российского самодержца, идеологом и вдохновителем консервативной политики. Если прочитать его письма императору, то можно сделать вывод, что он хотел укрепить волю нового правителя. Излюбленными его словами были: решительность, твердая рука, крепкая власть. Так, в письме от 3 марта 1881 г. он пишет: «Народ верит в эту волю божию и по его велению возлагает надежду свою на вас и на крепкую власть, богом врученную вам... Да ободрит Вас молитва народная, в вера народная даст вам силу и разум править крепкой рукой и твердой волей... не упускайте случая заявить свою решительную волю, прямо от вас исходящую, чтобы все слушали и знали: Я так хочу, или я не хочу и не допущу» (10. С. 131-132). В преддверии совещания 8 марта, на котором должна была рассматриваться судьба дальнейшего продолжения либеральных реформ Александра II, Константин Петрович отправляет следующее письмо императору: «Я решился опять писать, потому что час страшный и время не терпит. Если будут вам петь прежние песни сирены о том, что... надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, - о, ради бога, не верьте, ваше величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и ваша: это ясно для меня как день... Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может

еще играть двойную игру. Если вы отдадите себя в руки ему, он приведет вас и Россию к гибели» (10. С. 132-133). Обер-прокурор советовал Александру III удалить Лорис-Меликова с Абазой и назначить на важный государственный пост графа Н.П. Игнатьева, верного подданного, имевшего здоровые инстинкты и русскую душу: «Но я убежден, что своей политики они не переменят, и отношение к Вашему величеству не будет искренним» (10. С. 137). Победоносцев призывал императора править с обдуманностью, осмотрительностью. По его мнению, было необходимо очень ясно заявить о своей консервативной политике и тем самым пресечь разговоры о конституции и представительном правлении: «Новую политику надобно явить немедленно и решительно. Надобно покончить разом, именно теперь, все разговоры о свободе печати, о своеволии сходов, о представительном собрании. Все это ложь пустых и дряблых людей, и ее надобно отбросить ради правды народной и блага народного» (10. С. 133). На заседании Государственного Совета 8 марта 1881 г. обрушился с критикой на последствия либеральных реформ Александра II. Россия после них оказалась расшатанной, смятенной, сбитой с толку. Он назвал земства говорильнями, земских служащих «профанами», рассуждающими о конституции, свободную печать «клоакой нечистот». Генерал Н.А. Епанчин так охарактеризовал последствия его выступления: «Все проекты предполагавшихся преобразований были сданы в архив. Лорис-Меликов и Милютин покинули свои посты, уволен был и генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, а Победоносцеву пришлось написать манифест, не оставивший в современниках никакого сомнения, что не будет допущено никакое общественное участие в делах государственного управления» (10. С. 191).

Следует заметить, что Александр III глубоко впитал идеи консерватизма своего учителя. В письме Победоносцеву от 21 апреля 1881 г. он написал: «Сегодняшнее наше совещание сделало на меня грустное впечатление. Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят так или иначе довести нас до представительного правительства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо,

конечно, этого не будет, я не допущу. Вряд ли, впрочем, я когда-нибудь убежусь в пользу подобной меры, слишком я уверен в ее вреде. Странно слушать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма» (11. С. 40).

При анализе взаимоотношений Победоносцева и Александра III возникает вопрос о том: всегда ли император следовал его советам? Следует заметить, что Александр III пришел к власти в возрасте 37 лет, взрослым, созревшим человеком. Консервативные идеи его мировоззрения были сформированы не только его воспитанием. Они также были созвучны чертам его характера: неторопливости, осторожности по отношению к переменам, неприятием насильственной ломки, революции, приверженностью к сохранению сложившихся веками традиций. Для Александра III был характерен скептицизм, по отношению к представительным учреждениям, который все более усиливался, по мере знакомства с ними, в ходе посещения Франции и Дании: «... пока я жив и Богу угодно будет, чтобы я оставался на моем тяжелом посту, на который Он сам меня поставил, не допущу я этой лжи на святой Руси, в этом будьте уверены; я слишком глубоко убежден в безобразии представительного выборного начала, чтобы когда либо допустить его в России в том виде, как оно существует во всей Европе. Пусть меня ругают и после моей смерти будут еще ругать, но, может быть, и наступит тот день, наконец, когда и добром помянут» (11. С. 308). Нельзя утверждать, что влияние Победоносцева на Александра III было безграничным. Переписка показывает, что были случаи, когда он не прислушивался к советам обер-прокурора. Так, например, он вопреки мнению Победоносцева назначил либерально настроенного юриста Кони в сенат на должность обер-прокурора уголовного, кассационного департамента.

Какие же предложения Победоносцева пользовались поддержкой Александра III? Вне всякого сомнения, для консерваторов было важно взять под полный контроль систему образования и судопроизводства. Министр народного просвещения Делянов при подготовке нового университетского

устава в 1884 г. обсуждал его положения с Победоносцевым. Министр предлагал отменить университетскую автономию, т.е. выборность ректора и деканов. Кроме того, в рамках мер против беспорядков в университетах сдавать зачинщиков всякого рода беспорядков в дисциплинарные роты, или удалять из вузов на срок от года до трех лет домой под надзор полиции. В письме к Александру Николаевичу Шахову и Александру Ш К.П. Победоносцев излагает свои критические взгляды на судебные учреждения, созданные реформой 1864 года: «...я согласен с основными мыслями Каткова в его критике судебных учреждений. Я считаю настоятельной потребностью исправление наших судебных порядков... Своих мыслей об уставах я не изменил и, когда сидел в комиссии, протестовал против безрассудного заимствования из французского кодекса форм, не свойственных России». (12. С. 45-46). Следует заметить, что критические высказывания Победоносцева в отношении недостатков судебной реформы были во многом обоснованы. Он полагал, что судебные порядки должны были быть согласованы с потребностями народа, историческими условиями его быта и с общим строем государственных учреждений в России. Поэтому его не устраивал принцип независимости суда: «Необходимо ввести судебные учреждения в общий строй государственных учреждений, от коего ныне представляются они как бы отрезанными, в виде самостоятельной и независимой власти. В Российском государстве не может быть отдельных властей, независимых от центральной власти государственной» (12. С. 65). Победоносцев критиковал принцип несменяемости судей, считая, что он привел к равнодушию, формализму, лени судебных работников. А это, в свою очередь тяжело отражается на массе простых людей, ищущих правосудия. Другим фактором раздражения обер-прокурора являлась публичность, или гласность судебных заседаний. Он полагал, что она не дает гарантий беспристрастности в решении суда. Кроме того, публичные заседания по уголовным делам часто превращаются в возмутительный спектакль, недостойный правосудия. Плохо, когда дела об убийствах и других тяжких преступлениях слушают женщины, молодые девушки и дети. Критиковал

Победоносцев и деятельность адвокатов. Он не без оснований считал, что правосудие благодаря деятельности адвокатов, берущих деньги с клиентов без всякого милосердия, стало лишь достоянием богатых людей. Поэтому нужно было принять меры против адвокатского произвола. Константин Петрович полагал, что и суд присяжных заседателей не оправдал себя в условиях российской действительности. В присяжные заседатели набирались, как правило, случайные, зависимые от адвокатов, подкупов, настроений публики люди. Поэтому деятельность суда присяжных привела «... к губельной деморализации общественной совести и к извращению существенных целей правосудия» (12. С. 68). Последним объектом критике Победоносцева в судебной сфере стал мировой суд. Он критиковал его зависимость от избирателей, местных интересов и считал необходимым его полную реорганизацию.

Таким образом, можно сделать вывод, что Победоносцев оказал большое влияние на формирование консервативного мировоззрения Александра III, пересмотр либеральных реформ предшествующего царствования. Однако следует заметить, что это влияние не было всеобъемлющим, так как император принимал только те предложения, которые соответствовали с его точки зрения пользе для России.

Литература:

1. Пайпс Р. Российский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. 252 с.
2. Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2005. 196 с.
3. Агапов П.В., Афанасьев В.В. Консервативная мысль в России: Учебное пособие. М.: Канон, 2009. 208 с.
4. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. – М.: Academia, 2007. 520 с.
5. Фортунатов В.В. Отечественная история для гуманитарных вузов. СПб: Питер. 2010. 352 с.
6. История России с древнейших времен до наших дней: учебник в 2 т. Т. 2./ Под ред. А.Н. Сахаров, А.Н. Боханов, В.А. Шестаков . М: Проспект, 2010. 720 с.

7. Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010. 374 с.
8. Александр III. Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. Т. 1.: А-Д / Редколл. В.Л. Янин. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 688 с.
9. К.П. Победоносцев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1996. 576 с.
10. Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб.: Пушкинский дом. 2001. 400 с.
11. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Воспоминания. Мемуары: В 2 т. Т. 1. Мн.: Харвест, 2003. 448 с.
12. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Воспоминания. Мемуары: В 2 т. Т. 2. Мн.: Харвест, 2003. 672 с.

УДК

372.893+94(470.53).08

ББК

ГСНТИ 03.23

Код ВАК 94(470)

4426.632+ТЗ(235.55)53

Д.Л. Островкин

Екатеринбург

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В
ИРБИТСКОМ УЕЗДЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: земская медицина, Ирбитский уезд, врачи.

АННОТАЦИЯ. Изучены особенности организации и деятельности земской медицины в Ирбитском уезде во второй половине XIX – начале XX вв. Путем сравнительного анализа выделены общие черты и специфика, определяющие развитие земской медицины в Пермской губернии в целом и Ирбитском уезде в частности.

D.L. Ostrovkin

Yekaterinburg

**FEATURES OF THE ORGANIZATION AND
ACTIVITIES OF THE COUNTY MEDICAL IRBIT
COUNTY IN THE PROVINCE OF PERM
IN THE SECOND HALF OF XIX - EARLY
XX CENTURIES**

KEY WORDS: Zemskaya medicine, Irbitsky county, doctors.

ABSTRACT. The features of the organization and activities of the County Irbit medicine in the county in the second half of XIX - early XX centuries. Through a comparative analysis highlighted similarities and specificity determining development zemstvo medicine in the Perm region in general and in particular Irbit county.

Современное школьное историческое образование предлагает многообразие учебников с различной структурой и содержанием. На основе фронтального анализа учебников, проведенных автором, написанных под редакцией Н.И.

Павленко, Н.С. Борисова, А.Н. Сахарова, А.А. Левандовского и др., в рассмотрении либеральных реформ Александра II обнаруживается закономерность в недостаточном освящении роли земской медицины в России. Между тем, она не имела аналогов в мире и заложила систему оказания участковой медицинской помощи.

История земской медицины в Пермской губернии состоит из большого количества исследований. Их авторы проследили развитие медицины в регионе, провели статистический анализ, рассмотрели общий медицинский характер службы в сравнении с соседними губерниями (12, 14). В тоже время особенности организации и деятельности упомянутых учреждений в отдельных уездах Пермской губернии остаются неизученными. В данной статье на основе делопроизводственных и статистических материалов, опубликованных в земских изданиях: Журналах заседаний уездных собраний, Сборниках Пермского земства, Трудах съездов врачей Пермской губернии, предпринимается попытка проанализирует особенности деятельности Ирбитского уезда в области организации медицинской помощи населению.

Для выявления особенностей и проведения сравнений было взято несколько основных показателей: величина территории, количество населения уезда и его распределение по врачебным участкам, наличие горнозаводской медицины, условия службы медицинского персонала, организация оказания медицинской помощи местному населению, оспопрививание.

Ирбитский уезд имел относительно небольшую территорию – 8922,2 кв. верст, и являлся самым маленьким на территории Пермской губернии. В 1901 г. он был разделен на шесть преимущественно равных врачебных участников со средним радиусом в 23 версты (4. С. 168). В то время считалось, что большой в состоянии проехать до 25 верст для получения квалифицированной медицинской помощи. Но, учитывая тот факт, что больница зачастую находилась не в центре участка, его максимальный размер мог достигать 80 верст. В других уездах Пермской губернии средний радиус составлял от 17 до 39 верст, что сопоставимо с описанной ситуацией (в единичных

случаях радиус доходил до 200 верст – в северных Верхотурском и Чердынском уездах).

Особенностью уезда являлась компактность проживания местного населения. В 1899 г. его численность составляла всего 152 тыс. человек (3. С. 180) (меньше было только в Кунгурском и Чердынском). В сочетании с небольшой территорией сложилась ситуация, что на каждый врачебный участок приходилось от 19 до 28 тыс. жителей. Для сравнения: в соседнем Шадринском уезде на каждом участке состояло от 55 до 80 тыс., а в Екатеринбургском – 16 – 47 тыс. чел (6. С. 47, 71). Данная ситуация в уезде положительно сказывались на улучшении медицинского обслуживания местного населения и способствовали приближению помощи жителям отдаленных селений.

В 1875 г. в ведение Ирбитского земства была передана городская больница, среди населения прославившаяся как «дом смерти». Примечательные воспоминания о том времени мы находим в докладе (1878 г.): «Для больных поставлены деревянные ветхие кровати. В щелях видно изобилие клопов. Тюфяки набиты соломой, должно полагать уже не менее года – солома плоха до такой степени, что пересыпается в наволочках, как овес, а при малейшем прикосновении в изобилии вылетает пыль» (2. С. 213). В 1878 г. было принято решение о строительстве каменного больничного здания в живописном месте в версте от города. Первоначально в смету была заложена сумма в 40 тыс. руб., однако реальные затраты возросли в полтора раза и при сдаче больницы в 1881 г. составили 60 тыс. Строительство каменного здания на 7 корпусов завершилось за три с небольшим года, что считалось очень быстро. Постройка схожих больниц в Камышловском и Верхотурских уездах растянулась на 15 и 10 лет соответственно.

Одновременно в эксплуатацию были сданы больницы в Ирбитском заводском поселке и селе Верхненицинском, с минимальной сметной ведомостью в 1,4 тыс. и 4 тыс. руб. Схожей была ситуация в Камышловском, Красноуфимском и Верхотурском уездах, где к 1885 – 86 гг. были выстроены образцовые больницы, на строительство которых оказались потрачены максимальные средства. В Екатеринбургском уезде

строительство отличалось от других мест. Здесь были построены небольшие больницы. Первой стала земская больница в селе Большие Брусяны, строительство которой в основном завершилось к 1881 г. На рубеже 1880–1890 гг. были построены Билимбаевская и Багарякская больницы.

В Ирбитском уезде отсутствовала горнозаводская медицина, чьи госпитали и аптеки существенно облегчали деятельность земств в Верхотурском, Екатеринбургском, Пермском и Соликамском уездах. Здесь горнозаводчики создавали врачебные участки и фельдшерские пункты, в основном на тех территориях, где при горных заводах отсутствовали медицинские заведения. Единственная имевшаяся заводская больница, которая находилась при Ирбитском металлургическом заводе Яковлевых, уже в 1881 г. была передана в ведение земства с ежегодной оплатой от заводууправления в 150 руб. за своих больных. Однако это сумма была очень мала и не оказывала никакого влияния на развитие медицины.

Определенные трудности создавала существенная текучесть врачей на земской службе. Известные исследователи медицины констатировали, что появилась «чрезвычайно подвижная, мигрирующая корпорация земских врачей» (11. С. 176). Это объяснялось, в первую очередь, постоянными разъездами, что вызывало быстрый уход врачей с земской службы, а также низким окладом жалования в 1200 руб. в год, который в конце 1880-х гг. вырос до 1500 руб. В других уездах губернии ситуация была аналогичной, лишь в Пермском, Шадринском и Екатеринбургском оплата составляла 1800 руб. Эту проблему успешно решали земские стипендиаты, которые были обязаны вернуться на службу в уезд. Но, в отличие от других уездов, для которых уже в конце XIX в. наймы не составляли серьезной проблемы, и при появлении вакансий обычно сразу поступали заявления от нескольких специалистов, ситуация в Ирбите была иной. Вплоть до конца деятельности земства замещение врачебных вакансий проходило с затруднениями. В ежегодных журналах Ирбитского уездного собрания повсеместно встречаются сведения о полугодовом отсутствии врача в связи с невозможностью найти претендентов

или отказе от работы (5. С. 40). Объяснение этому факту можно найти в отрывочных высказываниях о «провинциальности» уезда и тяжелом санитарно-эпидемическом состоянии, ведь он традиционно находился среди первых по холерным и вирусным заболеваниям.

Первоначально, в условиях острого недостатка врачей, в Ирбитском уезде существовала разъездная система. Однако уже в середине 1880-х можно говорить о смешанной системе оказания помощи, которая предусматривала выезд врача из центра участка только в экстренных случаях. Иная система существовала только в Осинском и Красноуфимском земствах, где смогли перейти к стационарной системе.

По своему социально-экономическому положению уезд имел преимущественно сельскохозяйственный характер с бедным крестьянским населением. Чтобы приблизить стационарную помощь к «сельским обывателям», Городским головой Ирбитской управы была введена посуточная оплата в 15 коп. Отметим, что в большинстве других земств Пермской губернии плату за стационарное лечение брали за месяц вперед. К бесплатной земской медицинской помощи для местного населения в Ирбитском уезде смогли перейти только в 1898 г., позднее остальных уездных земств губернии (7). Пионером являлся Осинский уезд, который уже в 1875 г. заявил о бесплатной помощи всему местному населению. Из 12 уездов Пермской губернии до начала 1890-х гг. плата за стационарное лечение сохранялась только в Красноуфимском, Верхотурском и Соликамском (6. С. 37, 61, 97). Это накладывало свой отпечаток на развитие медицины: местное население активно обращалось за медицинской помощью, но отказывалось от коечного лечения.

По поводу бесплатного отпуска лекарств возник конфликт между гласными Городской думы и врачами в конце XIX века. Первые утверждали, что отпускать следует только по предъявлению из полиции справки о бедности, тем более, городские жители тоже уплачивают земские налоги, а подобных льгот не имеют. Врачи протестовали, ведь если в сложных случаях больного посылать в полицию, состояние его здоровья может усугубиться. Наконец, с начала XX в. Ирбитское земство

решило отпускать бесплатные лекарства всем, кто платит земские налоги.

Особенностью уезда являлся самый высокий показатель детской смертность на первом году жизни по Пермской губернии. В конце XIX века она составила 49% от «общего числа рождения», по причине чего, в селе Верх-Ницинском Ирбитского уезда в 1897 г. были открыты сезонные ясли-приюты. Вскоре заведение приобрело «общее доверие населения», и «ввиду большого против ожидания наплыва детей» в августе для него было нанято еще одно помещение. В первый год существования яслей земство ассигновало на них 1757 рублей, во втором году его расходы возросли до пяти тысяч. Уже в следующем году по губернии было открыто 12 детских яслей. В 1903 г. такие заведения были открыты в селах Покровское и Невьянское. Результаты не заставили себя ждать – за период с 1901 по 1910 гг. младенческая смертность сократилась до 38, 6%, но по-прежнему оставалась самой высокой по губернии (8. С. 158).

Еще одной постоянной заботой земства было оспопрививание, от которого многие крестьяне и городские обыватели традиционно уклонялись, откупались и даже спасались бегством (13. С. 262–265). До 1887 г. Ирбитский уезд принадлежал к числу тех, где оспопрививание велось исключительно гуманизированной лимфой, непосредственно «с ручки на ручку» (9. С. 803). 29 апреля 1888 г. при Ирбитской земской больнице был открыт телятник. Подобные организации системы оспопрививания создавались в Оханском, Соликамском, Шадринском, Верхотурском уездах. Остальные выписывали детрит либо из соседних уездов, либо из Казани. Однако к концу 1890-х гг. все телятники были закрыты ввиду нецелесообразности. Дело в том, что качество производимого детрита в ряде случаев была неудовлетворительным, а при подсчете себестоимости обнаружилось, что при произведенных в 1896 г. 5438 прививках было затрачено 463 руб., тогда как выписанный детрит обошелся земству в 175 руб. при 6152 прививок в следующем году (1. С. 274).

Однако в результате планомерной деятельности земских органов количество привитых от оспы детей в уезде выросло до

70–75%. Полностью эпидемии оспы удалось прекратить лишь в советское время.

Главной особенностью рассматриваемого уезда является Ирбитская ярмарка, привлекавшая в город десятки тысяч приезжих ежегодно каждый февраль. С одной стороны, она обеспечивала доход для существенной части населения, а с другой, создавала серьезные санитарные проблемы, служила источником распространения эпидемий и заразных болезней, особенно сифилиса. П.Н. Серебренников, городской врач Ирбита в 1880 – 1883 гг., писал: «Ярмарка представляет собой для города тормоз всякому прогрессу и имеет губительное влияние на промышленную и общественную жизнь Ирбита». Местное население вымирало, но из-за постоянного притока мигрантов абсолютная численность населения оставалась стабильной. Поэтому местные власти не уделяли внимания вопросам санитарии. Начиная с центра, весь город был заполнен навозом, что при болотистой почве вело к загрязнению источников воды. Земля издавала гнилостный запах, поэтому у местного населения было принято между полом и землей закладывать впитывающую его бересту. Врач отмечал, что после ярмарки очищались только площади, тогда как улицы оставались не тронутыми. Как результат – большая заболеваемость тифом и холерой, у многих горожан годами держалась лихорадка. Программа очищения города была разработана в 1881 г., а вывоз навоза из города начался только в 1883. Её второй акцией стало мощение улиц ярмарочного центра (10. С. 78–81).

Таким образом, организация и деятельность земской медицины Ирбитского уезда имела ряд своих особенностей: отсутствие горнозаводской врачебной помощи, влияние Ирбитской ярмарки и компактность проживания местного населения. Однако, в целом, характерна схожесть в развитии и проблемах земской медицины с другими уездами Пермской губернии. Здесь оставался невысоким уровень оплаты врачебного труда, построена лишь одна образцовая больница, осуществлена попытка создания собственного телятника для получения детрита, а размеры врачебных участков оставались чрезмерно большими.

Источники:

1. Доклады земской управы к XXXV очередному Ирбитскому земскому собранию с 1903 – 1904 гг. Ирбит, 1904.
2. Журналы VIII очередного Ирбитского уездного земского собрания 1878 года. Ирбит, 1879.
3. Журналы XXX очередного Ирбитского уездного земского собрания 1900 года. Ирбит, 1901.
4. Журналы XXXIII очередного Ирбитского уездного земского собрания 1902 года. Ирбит, 1903.
5. Журналы XLI очередного Ирбитского уездного земского собрания 1911 года. Ирбит, 1911.
6. Земско-медицинский сборник. Вып. 7. Пермь, 1893.
7. ГАСО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 9. Л. 3об.

Литература:

8. Голикова С.В. Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.): источниковедческий и методический аспекты. Екатеринбург, 2012. 176 с.
9. Никольский Д. О съездах земских врачей Пермской губернии вообще и в частности о третьем съезде, проходившем 19 августа 1886 года // Русская медицина. 1886.
10. Островкин Д.Л. Становление земской медицины в Ирбитском уезде (1870 – 1881 гг.) // Шаг в историческую науку. Вып. 11. Екатеринбург, 2011.
11. Попов И. В., Осипов Е. А., Куркин П. И. Русская земская медицина. М., 1899.
12. Селезнева В.Т. Очерк по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов, 1955.
13. Черноухов Э. А. Оспопрививание в Нижнетагильском горном округе в XIX в. // История науки и техники в системе современных знаний. Материалы научной конференции, посвященной 10-летию кафедры истории науки и техники. Екатеринбург, 2009.
14. Шестова Т. Ю. Развитие здравоохранения уральских губернии (Пермской, Вятской, Оренбургской) 1864 – 1900. Пермь, 2003.

УДК

372.893(470.5)+371.64/.69

ББК 4426.632-268.2

ГСНТИ 03.23

Код ВАК

94(470)

Я.В. Павлова

Екатеринбург

**УРАЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Первая мировая война, сельское хозяйство, школьный учебник.

АННОТАЦИЯ. В статье дается анализ школьных учебников по истории Урала на предмет освещенности роли влияния войны на уральскую деревню и ее вклада в деле помощи российскому фронту. Показана историографическая ситуация проблемы уральской деревни в период Первой мировой войны.

Y. V. Pavlova

Yekaterinburg

**THE URAL VILLAGE AND WORLD WAR I IN
REFLECTION OF SCHOOL TEXTBOOKS ON
NATIONAL HISTORY**

KEY WORDS: World War I, agriculture, school textbook.

ABSTRACT. in article the analysis of school textbooks on stories of Ural regarding illumination of a role of influence of war on the Ural village and its contribution in the help to the Russian front is given. The historiographic situation of a problem of the Ural village during World War I is shown.

Первая мировая война явилась переломным событием XX века, как для отечественной, так и мировой истории. Она в корне изменила весь жизненный уклад России, подтолкнула к революции 1917 г. Но, несмотря на важность данной темы, она оставляет много вопросов, в частности, роли тыла в деле помощи фронту. В школьных учебниках по истории Урала данный вопрос отражен с разной степенью полноты. Так, в учебнике «История Урала с древнейших времен до наших дней» (9. С. 278) процесс влияния войны на уральскую деревню

показан вполне достаточно. В частности, в нем говорится о неблагоприятном ее влиянии, приводятся причины столь пагубных последствий: мобилизации мужского населения, реквизиции скота, упоминается о сокращении посевов. Противоположная ситуация обстоит с учебными пособиями «История Урала. XX век» Камынина (7. С. 13). Событиям Первой мировой войны на Урале посвящено два небольших абзаца, в которых не упоминается о роли тыла и отражении войны на состоянии сельского хозяйства. Следует отметить, что поставленная проблема не находит отражения и в Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, где больший уклон сделан на геополитическом положении России, о перестройке промышленности, создании благотворительных организаций, об общественных настроениях и положении политических партий (14. С. 40).

Первая мировая война начала привлекать внимание исследователей еще непосредственно во время военных событий. Авторами работ становились сами участники боевых действий. Одна из первых работ, посвященных влиянию Первой мировой войны на экономическое положение в целом, и на сельское хозяйство, в частности, явилось исследование Н.А. Данилова (5. С. 51). В лекциях, прочитанных в Военно-инженерной академии в 1921 г., он показал пагубные последствия войны на сельское хозяйство: во-первых, это реквизиции лошадей и рогатого скота, отмечая при этом несправедливую ее раскладку в крестьянских и помещичьих хозяйствах. Во-вторых, сильное сокращение внутреннего производства и привоза сельскохозяйственных машин. В-третьих, произошло сокращение посевов. Но, несмотря на эти факторы, Н.А. Данилов приходит к выводу о том, что, в общем, экономическое положение крестьян не только не пострадало, но значительно улучшилось.

В 1920-е гг. началась активная публикация данных отдела военной статистики (25. С. 23). На широком привлечении этих источников написано исследование Ф.А. Череванина о влиянии колебаний урожаев на сельское хозяйство в годы войны и революции (31. С. 48). Автор рассматривает четырехлетние циклы колебания урожайности, в том числе и годы, затронутые

Первой мировой войной. Историк отмечает «незаработанность» этого четырехлетия (1913-1916 гг.), так как этому предшествовали также урожайные годы. Также им было показано влияние урожаев на доход и потребление сельского населения, на изменение посевных площадей, на изменение количества скота, дифференциацию крестьянства.

Историографию Первой мировой войны вплоть до середины 1950-х гг. определял, вышедший в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)», в котором война называлась империалистической. В нем отмечалось, что сельское хозяйство не могло служить прочной экономической основой для продолжительной войны, т.к. в нем преобладало «полукрепостническое землевладение и масса разоренного крестьянства» (13. С. 156).

На втором этапе изучения проблемы произошли некоторые сдвиги. Исследователи расширяли проблематику, начали появляться новые аспекты в изучении темы, которые ранее не получили должного изучения.

Особо следует отметить исследования А.М. Анфимова (1, 2), посвященные влиянию войны на сельское хозяйство, в частности, его монографию «Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.)» (3. С. 24). На основе солидного комплекса исторических источников историк показал негативное воздействие военных событий на сельское хозяйство, подробно анализируя положение помещичьего и крестьянского хозяйств.

С.Н. Прокопович отмечал, что Первая мировая война оказала сравнительно незначительное влияние на производительность сельского крестьянского хозяйства. Автор писал, что наибольшее значение имели недостаток рабочих рук, запрещение продажи водки, рост цен на продукты сельского хозяйства (21. С. 121).

Военную экономику исследовал Г.И. Шигалин (30. С. 59), посвятив положению в сельском хозяйстве главу своего исследования. Л.А. Сидоров (28. С. 183) показал упадок материально-технической базы сельского хозяйства, изменение посевных площадей. Аграрную политику Временного правительства изучал П.Н. Першин (19. С. 194).

Положение крестьянства во время революционных событий в начале XX в. изучали В.Г. Тюкавкин и Э.М. Щагин (29. С. 98). Авторы показали и изменения, которым подверглись крестьянские хозяйства вследствие военных событий.

Обобщающей работы, посвященной положению деревни в Пермской губернии, до настоящего времени не существует. Уральские исследователи рассматривали отдельные проблемы истории края во время Первой мировой войны. Первые работы появились в 1920-е гг., в частности, исследование А. Кийкова (12. С. 49), посвященное Южному Уралу в годы Первой мировой войны, где историк давал общую характеристику положения сельского хозяйства военного времени. А. Воробьев в очерке, посвященном сельскому хозяйству Урала, приводил объем сельскохозяйственных угодий (усадеб, пашня, сенокос, выгон). Автор отметил, что частное землевладение не играло на Урале почти никакой роли, приводя статистические данные, сравнивающие Урал с другими регионами страны (4. С. 68).

Активная работа по теме пришла на 1960-1970-е гг. Среди историков развернулись дискуссии о дифференциации уральского крестьянства во время Первой мировой войны, о влиянии войны на различные слои деревни. Этому вопросу посвятили свои исследования П.И. Легошин, Я.Л. Ниренбург, Л.А. Селивановская (26. С. 111).

В дальнейшем изучение этого вопроса на основе новых методик изучения статистических источников продолжили М.И. Роднов и О.И. Дудина, предложившие вариационную группировку крестьянских хозяйств на материалах Уфимской губернии (23. С. 30).

Основное место в региональных исследованиях отведено деятельности партии большевиков по сплочению рабочих и крестьян в годы войны, их агитационно-пропагандистской работе среди солдат. Этими вопросами занималась Т.Л. Левина (15. С. 61).

На современном этапе изучения истории Первой мировой войны произошли заметные изменения. Начался поиск новых подходов к изучению этой темы. В 1992 г. была создана Российская Ассоциация историков Первой мировой войны, которая стимулировала изучение истории войны на основе

междисциплинарных подходов. Историки начали проводить свои исследования в русле ментальной, социальной истории, истории повседневности.

Ментальный облик русского крестьянина создает О.С. Поршнева. Исследователь показала эволюцию мировоззрения крестьянства, которое и предопределило, по словам автора, судьбу участия России в войне и революционные события 1917 г. (20. С. 293). И.В. Нарский реконструировал повседневность фронтовой действительности (18. С. 43).

Отдельно историю крестьянства в начале XX в. изучал П. Кабытов, уделив целую главу в монографии, посвященную формированию антивоенных настроений в период Первой мировой войны (10. С. 142).

В региональной историографии в изучении проблемы на современном этапе также произошли кардинальные изменения. Стало появляться все больше исследований, посвященных организации тыла, в частности, можно отметить кандидатские диссертации К.Н. Машковой (17. С. 15) и С.В. Казаковцева (11. С. 13), которые изучали вклад промышленности и роль сельского хозяйства в обеспечении нужд армии на Южном Урале и Вятской губернии соответственно.

Использование принудительного труда крестьян России в годы войны для военных нужд промышленности на примере Вятской губернии показала С.А. Липина (16. С. 38). Коллективный портрет военнопленных на Урале реконструирует Н.В. Суржикова (27. С. 41). М.И. Роднов провел комплексный анализ социальных структур традиционного крестьянства изучаемого периода на материалах Уфимской губернии (22. С. 34).

Историографический обзор свидетельствует, что, несмотря на обилие опубликованных работ, комплексных исследований, посвященных уральской деревне периода Первой мировой войны, в настоящий момент не существует.

Литература:

1. Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство России в годы первой мировой войны // История СССР. 1957. № 3. С. 57-86.

2. Анфимов А.М. Помещичье хозяйство России в годы первой мировой войны // Исторические записки. М., 1957. № 60. С. 124-151.
3. Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). М., 1962.
4. Воробев А. Сельское хозяйство Урала. Свердловск, 1926. 59 с.
5. Данилов Н.А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Пг.: Государственное издательство, 1922. 94 с.
6. История Урала: Программа интегрированного курса для учащихся 10-11-х классов средней (полной) школы. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2003. 112 с.
7. История Урала. XX век. Учебное пособие для 9 класса / под ред. Б.В. Личмана, В.Д. Камынина. Екатеринбург: Изд-во «СВ-69», 1999. 128 с.
8. История Урала: XX в. Учебник / под ред. Б.В. Личмана, В.Д. Камынина. Екатеринбург: Изд-во: «СВ-96», 1998. 432 с.
9. История Урала с древнейших времен до наших дней: Учебник для 10-11-х классов общеобразовательных учреждений / Кол. авторов под общ. ред. И.С. Огоновской, Н.Н. Попова. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2004. 496 с.
10. Кабытов П. С. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990. 156 с.
11. Казаковцев С.В. Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны: автореф... к. и. н. Киров, 2007. 21 с.
12. Кийков А. Южный Урал и Приуралье в годы империалистической и гражданской войны // Пройденный путь. К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Вып. I. Уфа, 1927. С. 21-43.
13. Краткий курс истории ВКП(б). М., 1945.
14. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Проект. URL: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf> (Дата обращения: 1.02.2014).
15. Левина Т. Л. Борьба большевистской партии за союз рабочего класса и крестьянства в годы столыпинской реакции// Ученые записки Пермского госуниверситета. 1960. Т. 12. Вып. 3. С. 53-82.
16. Липина С.А. Принудительные работы крестьянства Вятской губернии в годы Первой мировой войны: экономический и социальный аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 22. С. 45-48.
17. Машкова К.Н. Мобилизация людских и материальных ресурсов на Южном Урале в условиях войны 1914-1917 г.: автореф... к. и. н. Оренбург, 2004. 24 с.

18. Нарский И.В. Фронтовой опыт русских солдат. 1914-1916 годы // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 194-204.
19. Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966. 492 с.
20. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. 368 с.
21. Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. М.: Совет Всероссийских кооперативных съездов, 1918. 265 с.
22. Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900-1917 гг.): автореф. ... докт. ист. наук. Самара, 2004. 42 с.
23. Роднов М.И., Дудина О.И. Вариационная группировка крестьянских хозяйств Уфимской губернии (по материалам переписи 1917 г.) // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии. Уфа, 1988. С. 24-39.
24. Роднов М.И. Социальная структура крестьянства Уфимской губернии накануне Октября // Из истории социально-экономического развития Советской Башкирии. Уфа, 1988. С. 76-85.
25. Россия в мировой войне (в цифрах). М.: Отдел военной статистики, 1925. 104 с.
26. Селивановская Л.А. Классовое расслоение Оренбургской деревни накануне Октября // Ученые записки Оренбургского государственного университета. Вып. 32. Оренбург, 1969.
27. Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета // Вестник Пермского университета. 2011. № 3 (17). С. 57-64.
28. Сидоров А. П. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1966. 665 с.
29. Тюкавкин В.Г., Щагин Э.М. Крестьянство России в период трех революций. М.: Просвещение, 1987. 207 с.
30. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. М., 1956. 317 с.
31. Череванин Ф.А. Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет (1883-1923) // Влияние неурожаев на сельское хозяйство России. М., 1927.

УДК 34(470.53).08

ББК XI (2)5

ГСНТИ 03.23

Код ВАК 94(470)

И. А. Попп

Екатеринбург

**СТАНОВЛЕНИЕ МЕСТНОГО СУДА В ПЕРМСКОЙ
ГУБЕРНИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕВИЗИИ
СЕНАТОРА П.Н. КЛУШИНА)³**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Пермская губерния, волостной, мировой и местный суды, П.Н. Клущин, крестьянство, сенаторские ревизии.

АННОТАЦИЯ. На материалах знаменитой ревизии сенатора Павла Николаевича Клущина автор рассматривает местный суд, который действовал на территории Пермской губернии в начале 1870-х гг. Отчеты сенатора дают богатый исторический материал по административной и судебной системам губернии. Особое внимание сенатор уделил обычно-правовым отношениям в крестьянской среде, отметил достижения пермского волостного суда и пришел к выводу о необходимости срочного введения Судебных уставов 1864 г.

I.A. Popp

Yekaterinburg

**BECOMING LOCAL COURT IN THE PERM REGION
(AUDIT ON THE MATERIALS SENATOR
KLUSHIN PN)**

KEY WORDS: perm province, rural municipality, magistrate and local courts, P.N. Klushin, peasantry, Senators' audit

ABSTRACT. On the materials of the famous Senator Pavel Nikolaevich Klushin audit, the author explores the local court, which acted on the territory of the Perm province in the early 1870 's. Reports of the Senator give a rich historical material on the administrative and judicial systems. Special attention Senator paid to the customary legal relations in the rural environment, noted the achievements of the Perm Parish Court and came to the conclusion that it was necessary to urgently introduce judicial statutes of 1864.

---

³ Выполнено в рамках исследования, финансируемого грантом РГНФ № 09-01-83102а/У

В Российской империи сенаторские ревизии выполняли надзорные функции за местным административным аппаратом в отдаленных от центра губерниях. Сенаторы имели право заявлять императору обо всех замеченных ими «недостатках и неудобствах» в российских местностях. Одной из самых резонансных стала сенаторская ревизия Павла Николаевича Клушина. Из-за «значительных и частых затруднений» в январе 1870 г. министр внутренних дел А.Е. Тимашев направил письмо министру юстиции К.И. Палену о необходимости «подробного и всестороннего исследования дел в Пермской губернии» (10. Л. 1). В марте того же года император «соизволил назначить ревизию Пермской губернии», во главе которой стал П.Н. Клушин (11. Л. 4). Это был опытный руководитель: служил в различных департаментах и министерствах, работал вице-губернатором в Калужской и губернатором в Пермской и Волынской губерниях (8. С. 108).

В августе 1870 г. Клушин прибыл в Пермскую губернию, выступил на торжественном открытии пермской губернской земской управы и «в немногих словах высказал искреннее пожелание успехов земскому делу». Через несколько месяцев после ревизии вышел в отставку пермский губернатор Б.В. Струве (2. С. 283–284).

Во всеподданнейшем рапорте сенатор писал об отсутствии единодушия и взаимодействия между отдельными местными органами власти, о «повсеместном неисполнении и отступлении от законов и указов», о «самоуправстве», «превышении и бездействии власти» (13. Л. 6; 10. Л. 213–214). Из вывода сенатора следовало, что «в Пермской губернии непрерывно допускаются в обращении с народом меры, не указанные в законе, а основанные на тяжелом произволе. Потому власти постоянно являются народу силой враждебной и пристрастной, а не представительницей порядка и общественного строя» (13. Л. 5). Этот «печальный факт» наблюдался в этой отдаленной от столицы местности из-за «огромного пространства», отсутствия «исторически созданного дворянства», «правильных путей сообщения» и «прочной связи с центральными учреждениями».

Сенатор раскритиковал деятельность следственной части, которая находилась «в положении далеко

неудовлетворительном» (12. Л. 41), увидел зависимость судебной власти от полиции, действия которой «породили убеждения в первенствующей ее перед судом силе»: «Не имея по закону права подвергать своей властью кого бы то ни было телесному наказанию, полицейские чиновники считали достаточным к тому поводом недоказанные фактами провинности: промедление в отпуске лошадей, неисправность сбруи, беспорядочное следование обозов» (10. Л. 219–220 об.).

Сенатор обратил внимание на пермскую дореформенную судебную систему: влияние новых законодательных мер для этой территории ограничивалось только упрощением канцелярского порядка и более точным разграничением подсудности между уездными судами и палатой уголовного и гражданского суда (13. Л. 98). По мнению Клушина, это «лишало гарантий в скором, правом и для всех равном отправлении правосудия». Он призывал ввести гласное судопроизводство, «благотворные последствия которого оправданы уже опытом, а население губернии проникнуто единодушным ожиданием судебной реформы» (10. Л. 227).

Сенаторские замечания вызвали большой общественный резонанс: «Толки об этой ревизии были нередко предметом самых оживленных разговоров даже между такими людьми, которые вообще мало и даже, быть может, вовсе не интересуются вопросами административного свойства» (4. С. 113). В начале 1871 г. в центральных изданиях появились замечания о причинах обнаруженного П.Н. Клушиным «самоуправства»: «Для того чтобы оценить всю важность вреда, понесенного Россией вследствие медленного распространения судебной реформы, достаточно припомнить факты, раскрытые пермской сенаторской ревизией – факты, из которых многие были бы невозможны при действии в Пермской губернии новых судебных учреждений» (3. С. 289). «Вестник Европы» призвал к «пересозданию» устаревшей административной структуры в этой губернии (1. С. 391).

Действительно, в начале 1870-х гг. на территории Пермской губернии только начинала формироваться система общих (окружные суды, судебные палаты и Сенат) и местных пореформенных судебных учреждений. Первые изменения

происходили в местных судах, которые в 1870–1880-х гг. действовали на принципах независимости от административной власти, территориальной приближенности к населению, обособленности от общих судебных инстанций, упрощенного судопроизводства, направленности на примирение сторон, незначительности суммы иска (до 500 рублей). Кроме того, местные суды избирались и финансировались местным населением и включали в себя мировых и волостных судей (7. 39–43).

В период ревизии в Пермской губернии еще не был введен институт мировых судей, созданный для упрощения, удешевления, ускорения судопроизводства, приближения суда к населению, внушения ему доверия и уважения к местному правосудию. Деятельность мирового суда базировалась на европейском опыте организации независимой судебной власти, гласности, всесословности, состязательности, быстроты рассмотрения дел, презумпции невиновности, апелляционного и кассационного обжалования.

Павел Николаевич дал оценку неотъемлемой части пореформенного местного суда - волостной юстиции, созданный в ходе реформы 19 февраля 1861 г. для решения незначительных крестьянских исков (до 100 рублей) (9. С. 141–169). Волостные судьи избирались на крестьянском сходе и рассматривали уголовные и гражданские дела на основе обычного права (тесно связано с традицией, столетиями передавалось «из уст в уста» и имело первостепенное значение в крестьянской среде) (5. С. 97–110). Это касалось множества мелких крестьянских исков друг к другу: «оскорбления», денежные взыскания за «побои», споры по договорам и имуществу, семейно-бытовые проблемы и др. Если крестьянин совершал преступление против лица, не принадлежавшего его сословию, или иск превышал установленную законом сумму, то дело передавалось в мировой или окружной суд (6. С. 295–314). Волостной суд был сословным, выборным, безапелляционным органом местного судопроизводства.

Несмотря на значительную критику волостного суда за его сословность, зависимость от волостных писарей и старшин, безапелляционность, несправедливость решений, пьянство

судей, двойные стандарты в решении однотипных дел (14. Л. 5–13), Павел Николаевич по-другому оценил деятельность волостных судов, отметив, что на фоне общей неудовлетворенности судебной властью, произволом полицейских чиновников в отношении расправы по маловажным проступкам и имущественным спорам, сельское население «дорожило своим судом – скорым и, во всяком случае, более справедливым, чем судебная полицейская расправа».

Сенатор отметил и необходимость действия обычного права, применению которого «способствовали местные обстоятельства, потому что население губернии историческим своим строем и разнохарактерностью составляющих его сословий в общественной жизни выработало столько обычаев, не подходящих под нормы установленным законодательством, что применение этих норм было бы стеснением для населения» (13. Л. 102 об.).

Сенатор внимательно изучил делопроизводство у пермских волостных судей, которые, по его мнению, «взвешивали» все собранные по судебным делам доказательства и записывали в особые графы книг, отличали виновных от их сообщников, а за оскорбление женщин назначали более суровое наказание. При этом судьями не принимались во внимание бездоказательные «оговоры».

Особенностью местной волостной юстиции являлось окончание дел о краже примирением сторон, а также обвинительные приговоры за кражу собственных вещей. Так, пермский крестьянин был осужден за кражу своего полушубка, который спрятала жена, «чтобы муж его не пропил». При разделе имущества, бездетная пермская вдова после смерти мужа получала от свекра все движимое имущество мужа – весь причитавшийся на его долю скот. Преобладающим наказанием в приговорах волостных судов были телесные наказания, но за нанесение обид крестьяне штрафовались или подвергались аресту на несколько дней.

Несмотря на положительную характеристику волостного суда в Пермской губернии сенатор Клушин выявил существенные проблемы в организации волостного суда,

которые впоследствии отразились на деятельности всего пореформенного местного суда.

Во-первых, при проведении реформы 19 февраля 1861 г. на территории Пермской губернии были искусственно сформированы сельские общества, состав которых пришлось «исправлять сообразно желанию самих крестьян». Это влияло на практику волостного суда, в котором преобладали обычно-правовые нормы, различавшиеся в крестьянских обществах.

Во-вторых, волостные суды приговаривали виновных исключительно к телесному наказанию, «подобное направление волостных судов хотя и находит себе оправдание в неразвитости народов, но не может быть признано законным, потому что значение волостного суда заключается в том, чтобы дать возможность народным обычаям примениться к потребностям самоуправления».

В-третьих, ревизия делопроизводства волостных судов выявила, что не существовало «разграничения между пределами власти» волостных судов и волостных старшин. Эта зависимость волостного суда от волостной администрации влияла на судопроизводство.

В-четвертых, вмешательство в дела волостной юстиции мировых посредников, рассматривавших судебные дела в апелляционном, а не кассационном порядках (как этого требовал закон).

В-пятых, одной из главных проблем сенатор видел «неразграниченность» власти полиции, мировых посредников и волостных судей.

Таким образом, сенатор Клушин в процессе ревизии Пермской губернии коснулся проблем всего местного суда, его организации и деятельности. После проведения судебной реформы 1864 г. местный суд должен был состоять из двух главных частей: всеобщего мирового и крестьянского сословного волостного суда. Несмотря на выявленные проблемы в волостной юстиции, ревизор отметил ее явные преимущества. Однако дальнейшее совершенствование местной судебной системы сенатор связывал с введением Судебных уставов 1864 г. и созданием современной системы низших судебных учреждений. Благодаря отчетам ревизора уже в начале

1874 г. в Пермской губернии начал действовать мировой суд – неотъемлемая составная часть пореформенного местного суда. К сожалению, отсутствие внутренних связей между волостными и мировыми судами не сформировало единого и независимого пореформенного местного суда, основы которого были окончательно разрушены введением в 1889 г. земских участковых начальников.

Литература:

1. Кузнецов С.В. Обычное право в русской деревне и государственное законодательство во второй половине XIX века // Этнографическое обозрение. 1999. № 5.
2. Попп И.А. Проблема взаимосвязанности структуры местного суда в 1860–1880-х гг. // История государства и права. 2013. № 3.
3. Популярная энциклопедия Пермского края. Пермь, 2006. Т. 1.

Источники:

1. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. № 11.
2. Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми. Летописи города Перми с 1845 по 1890 г. Пермь, 1889.
3. Итоги судебной реформы // Вестник Европы. 1871. № 3.
4. Карнович Е.П. Очерки наших порядков административных, судебных и общественных. СПб., 1873.
5. Лихарев В. О подсудности уголовных дел мировым судьям // Журнал министерства юстиции. 1868. № 4.
6. ПСЗ-2. СПб., 1863. Т. 36. № 36657.
7. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1405. Оп. 68. Д. 4010.
8. РГИА. Ф. 1286. Оп. 31. Д. 118.
9. РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 3.
10. РГИА. Ф. 1390. Оп. 1. Д. 45.
11. РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а.

УДК

372.893+371.31

ББК 4426.63-26

ГСНТИ 03.09

Код ВАК 07.00.03

А.А. Постникова

Екатеринбург

ВОЙНА 1812 Г. В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И ФРАНЦИИ⁴

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образовательное пространство, учебники, война 1812 г., средства массовой информации.

АННОТАЦИЯ. Автор данной статьи рассмотрела формирование образа войны 1812 г. в современном образовательном пространстве Франции и России. Средствами формирования определенной интерпретации прошлого в сознании современных школьников является учебный курс истории и мультимедийные источники. Проанализировав информацию о войне 1812 г. в данных материалах, автор пришла к выводу, что образовательное пространство Франции и России призвано через войну 1812 г. воспитывать чувство патриотизма в сознании общества. Постепенная фрагментация информации, представленной в учебной литературе, приводит к тому, что представление школьников о войне 1812 г. формируют символические образы, активно используемые в СМИ.

A.A. Postnikova

Yekaterinburg

WAR OF 1812 IN EDUCATIONAL SPACE OF RUSSIA AND FRANCE

KEY WORD: educational space, textbooks, war 1812, mass media.

---

⁴ Данная статья выполнена в рамках государственного задания №2014 / 392 (проект №1900 «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолистичность»).

ABSTRACT. The author of this article considered formation of an image of war of 1812 in modern educational space of France and Russia. Means of formation of a certain interpretation of the past in consciousness of modern school students is the training course of history and multimedia sources. Having analysed information on war of 1812 in these materials, the author came to a conclusion that the educational space of France and Russia is urged to cultivate through war of 1812 feeling of patriotism in consciousness of society. Gradual fragmentation of information provided in educational literature, leads to that idea of school students of war of 1812 is formed by the symbolical images which are actively using in mass media.

Русская кампания Наполеона стала событием, потрясшим сознание европейцев не только трагичностью, но и проявленным в ходе ее героизмом. В течение многих веков это событие используется в образовательном пространстве Франции и Россия для формирования чувства патриотизма. Средствами формирования определенной интерпретации прошлого на уровне массового сознания являются разные факторы, но прежде всего – школьный курс истории и мультимедийные источники.

Во французском образовательном пространстве, преследующим цель сформировать идейно-нравственную позицию школьника, Наполеоновская эпоха занимает одно из ключевых мест. С детских лет о событиях русской кампании 1812 г. французы узнают из школьных учебников и энциклопедий, в которых данное событие представлено довольно схематично. В учебнике «История и География» за 2009 г. кратко описаны два сражения русской кампании: Бородино и Березина. При этом на страницах учебника без какой-либо аргументации отмечается, что Великая армия одержала победу в этих битвах. Отступление же французов из России, свидетельствующее о провале плана Наполеона, французским школьникам преподносится как самоотверженное шествие Великой армии по разоренной заснеженной пустыне, завершившееся вполне спокойной и организованной переправой через Березину (9).

Однако историческое образование во Франции постепенно утратило национальный характер в результате попыток проведения политики мультикультурализма. Бывший

президент Франции Н. Саркози неоднократно заявлял о своем стремлении создать единое культурное общество. В результате проводимого политического курса в 2011 г. началось реформирование исторического образования во Франции. До этого момента школьный курс был направлен на изучение преимущественно истории Франции, что, по мнению президента, ущемляло интересы кругов мигрантов. Французское правительство начало разработку реформы исторического образования, решив увеличить количество часов на изучение истории Африки, Азии за счет ключевых исторических событий для французов – эпохи Людовика XIV и Наполеона I. Разница в образовательных программах составила 6 страниц, из-за которых начались бурные дискуссии во французском обществе (8). Многие протестующие заявляли, что эта «абсурдная реформа» связана с порочной политикой мультикультурализма и призывали приобщать мигрантов к истории и культуре Франции, а не демонстрировать толерантность. Реформу образования президента Н. Саркози стали называть его «Березиной».

В обновленных учебниках войны эпохи Наполеона представлены довольно обобщенно. Без описания конкретных войн и сражений лишь повествуется о том, что Франция воевала без перерыва, преследуя цель распространения идей революции в Европе. Вместе с тем в учебнике отмечено, что Наполеон одерживал победы во всех сражениях. В этом смысле русской кампании 1812 г. не отведено ни строчки (10).

В связи со значительным сокращением объема информации, представленной в учебниках, единственным источником знаний о русской кампании 1812 г. для школьников остается мультимедия, СМИ, которые стремятся к формированию чувства патриотизма у молодежи. В последние годы во Франции вышло несколько анимационных фильмов по Наполеоновской эпохе, в которых фигурирует русская кампания. Бородинское сражение представлено как самоотверженная борьба Великой армии, в результате которой русские отказались продолжать бой и отступили (12). Сражение на Березине изображено как целенаправленная атака французов на русские позиции, и паническое бегство русской армии в лес

(13). Другим фактором формирования представлений французов о русской кампании 1812 г. в последнее время стало обсуждение этой темы на форумах. В преддверии юбилея войны 1812 г. активизировались дискуссии во французском обществе. Так, на французских форумах участники вспоминают о битве при Москве – реке как о событии, где было потрачено больше всего усилий и достигнуто меньше всего результатов. Наибольшее воздействие на формирование представлений об окружающем мире оказывает такой визуальный источник, как реклама. Образ Наполеона, будучи сакральным для Франции, довольно редко используется в маркетинговом пространстве. За последние пять лет на экранах французского телевидения появилась лишь одна реклама, представляющая энергетический напиток “Red Bull”. Для представления указанной марки использован образ Наполеона, чьи великие победы объясняются употреблением данного напитка. В числе отмеченных в рекламе военных кампаний отсутствует война с Россией (15).

Однако вытеснение этого события из учебного курса приводит к тому, что память французов о нем становится исключительно фрагментарной, основанной только на определенных символах. Так, под воздействием средств массовой информации символом русской кампании на уровне общественного сознания становится сражение на Березине, которое метафорически используется для обозначения и моральной победы, и политического провала, и даже ухудшения погодных условий (14).

В свою очередь, сражение при Бородино, несмотря на активную пропаганду победы Великой армии, все же в массовом сознании французов ассоциируется с Россией. Так, по случаю празднования 200-летия Бородинского сражения французские газеты отметили, что российское правительство до сих пор использует это событие в целях формирования патриотизма: «Президент России произнес патриотическую речь, чтобы призвать к единству представителей разных национальностей и религий в стране (11). Как «Березина» во Франции, так и «Бородино» в России используются в политическом дискурсе как метафора, обозначающая поражение и моральную победу одновременно (1). В российских учебниках именно этому

сражению уделяется пристальное внимание. В отличие от французских учебников, российские признают неоднозначность результатов Бородинского сражения для воюющих сторон. К примеру, в учебнике под редакцией А.А. Данилова говорится о следующем итоге боя: «Несмотря на видимый успех неприятеля, фактически сражение не принесло победы ни одной стороне» (2, 27). Более патриотическая концепция представлена в учебнике Л.М. Лященко. Отступление русской армии в начале войны изображено не как бегство, а как удачный тактический маневр. В описании Бородинского сражения на страницах учебника подчеркивается патриотизм русских солдат и офицеров. Однако оценка итогов боя дается довольно неоднозначная, т.к. основных целей не удалось добиться ни Наполеону, ни Кутузову. По вопросу о пожаре Москвы авторы российских учебников предполагают, что город, скорее всего, сожгли русские в качестве акта патриотизма. Причины поражения в войне армии Наполеона указываются следующие: длительное пребывание Великой армии в Москве, «русская зима», сила партизанского движения. Завершающим актом в беспорядочном отступлении французов в российской учебной литературе упоминается переправа через Березину без какого-либо описания самого сражения (5). Если в современных российских учебниках подводятся довольно неоднозначные, осторожные итоги событиям на Березине, то СМИ активно воспитывают патриотизм у подрастающего поколения. Так, российская реклама проводит идею о непобедимости русской армии. К примеру, в рекламе чипсов «Хрустим» изображено сражение Наполеона и Кутузова на узких деревянных дощечках. Все попытки утонченного, интеллигентного французского императора взять инициативу в свои руки встречают ярое сопротивление неповоротливого русского мужика, поедающего «сухарики из русского хлеба» (7).

Произведение «Война и мир», созданное Л.Н. Толстым, продолжает воздействовать на формирование представлений российского общества о войне 1812 г. Аллюзии на данный роман активно используются в сатирическом жанре российской эстрадой, особенно в виде противостояния Кутузова и Наполеона. Комические постановки проводят идею о том, что

война – это просто фарс, и русские с французами всегда были близкими народами (3). Все же, несмотря на самокритичность в изображении русских, в постановках активно проводится идея победы России. В связи с этим начало войны связывается с истеричным желанием Наполеона повелевать миром, а причиной поражения французов изображается русская зима (4). В более серьезных театральных постановках на тему войны 1812 г. наблюдается использование сюжетов романа Толстого. Так, композитор А.Л. Рыбников поставил оперу «Война и мир», в которой стремился показать «противостояние Наполеона и русского царя Александра I, противостояние Запада и Востока, Европы и России». Стремясь подчеркнуть торжество патриотизма русских, композитор ввел в качестве финальной точки отношений Запада и Востока сцену въезда русских в Париж, где Александр на площади произносит речь (6).

Таким образом, образовательное пространство Франции и России призвано через образы войны 1812 г. воспитывать чувство патриотизма в сознании общества. Постепенная фрагментация информации, содержащейся в учебной литературе, приводит к тому, что представление школьников о войне 1812 г. формируют символические образы, активно используемые в СМИ.

Источники:

1. «Бородино» от Путина. URL: [http://murmansk.spravedlivo.ru/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/%D1%80%";](http://murmansk.spravedlivo.ru/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/%D1%80%) Бородинский бой Путина. URL: http://smizone.info/17346-Borodinskiy_boy_Putina.html.
2. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. XIX век. 8 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М., 2009.
3. КВН. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=OoXo8ugUZxQ>.
4. КВН. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=pmLXD0kfQpc>.
5. Ляшенко Л.М. История России. XIX век. 8 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. М., 2011.
6. Опера «Война и мир». URL: <http://bardclub.net/aleksej-rybnikov-nadeetsya-chto-ego-opera-vojna-i-mir-ubeditelno-prozvuchit-v-kremlе>.
7. Реклама чипсов «Хрустим». URL: www.youtube.com/watch?v=xcdocxYE2-c.

8. Реформа курса. URL: <http://www.defrancisation.com/reforme-des-cours-histoire-francois-ier-henri-iv-louis-xiv-et-napoleon-vires-des-programmes-scolaires/>; Как новые учебники истории игнорируют великих исторических личностей. URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/comment-nouveaux-manuels-histoire-ignent-grands-personnages-historiques-laurent-pinsolle-476300.html>.
9. Histoire. Géographie. P., 2009.
10. Histoire. Géographie. P., 2011.
11. La bataille de la Moskova ou le patriotisme selon Poutine. URL: http://www.francetvinfo.fr/monde/europe/video-la-bataille-de-la-moskova-ou-le-patriotisme-selon-poutine_136148.html.
12. Napoleon TW : Bataille de la Moskova / Battle of Borodino (1812). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=DghLG16SeSQ>.
13. Napoleon TW. URL: <http://store.steampowered.com/app/34030/>.
14. Napoléon, future mascotte d'un parc d'attraction ? URL: www.lemonde.fr/Berezina (par Sophie Marceau) - fiche chanson; In memoriam 1812. URL: <http://www.youtube.com>; L'école ? La "berezina" de Sarkozy selon Christine Boutin. URL: <http://you.leparisien.fr> ; Holland bientôt la "berezina". URL: <http://www.gaullisme.biz/article-hollande-bientot-la-berezina>.
15. Pub Red Bull Napoléon - VERSION TV (FR). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=KRqXuMcy7Vg>.

УДК 372.893

ББК 4426.63

ГСНТИ 03.23

Код ВАК 94(470)

А.Н.Трифонов

Екатеринбург

**КУЛЬТУРНО-МАССОВАЯ РАБОТА НА
КАЧКАНАРСКОМ ГОКе (1963-1972 гг.)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культура, культурно-массовая работа, Качканар, горно-обогатительный комбинат, литературное объединение, Дворец культуры, газета «Качканарский рабочий», писатель, поэт.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется культурная жизнь на Качканарском горно-обогатительном комбинате в первое десятилетие его работы, подчеркивается значение в этом процессе нового Дворца культуры, где действовало литературное объединение, одно из лучших в области. Также рассматривается особый вклад в культурно-просветительную жизнь «завода-города» качканарских журналистов.

A.N.Trifonov

Yekaterinburg

**CULTURAL WORK ON KACHKANARSKAYA GOK
(1963-1972 GG.)**

KEYWORDS: culture, cultural mass work, Kachkanar, mining and processing plant, literary association, recreation center, newspaper “The worker from Kachkanar”, writer, poet.

ABSTRACT. The article studies the cultural life in the Kachkanarskiy GOK in the first decade of its work. Also this article emphasizes the importance in this process of the New Recreation Center, where literary association operated. It’s one of the best associations in the region. Moreover, the article considers a special contribution to the cultural and educational life of the “plant-city” journalists from Kachkanar.

Качканарский ГОК «Ванадий» был пущен в строй в 1963 году. Менее, чем за десятилетие комбинат набрал обороты, превратился в значительную производственную «точку» на карте Свердловской области. Это произошло благодаря многим факторам, в том числе и за счет значительного внимания к материальному положению трудящихся, а также культурно-массовой работе. В учебниках по истории Урала эта тема практически отсутствует. Цель статьи: показать бурную и богатую культурную жизнь качканарцев в первое десятилетие работы комбината, которая действительно «была ключом».

Улучшение материально-бытового положения качканарцев создавало более благоприятные условия для развития культуры в городе. Кинотеатр «Юность», который возглавила М.М.Мальцева, не ограничивался только показом кинофильмов. Здесь велась интересная работа со зрителями, особенно юными, была создана детская комната при кинотеатре. В «Юности» стали готовить и проводить увлекательные киноутренники, сняли фильмы о жизни школы. За работу с детьми, пропаганду лучших кинофильмов и другие культурные мероприятия качканарский кинотеатр «Юность» наградили поездкой в Москву, где ребята посетили киностудии, присутствовали на съемках фильмов, встретились с известными артистами.

Дом культуры «Строитель» сохранял свои лучшие традиции. Он оставался центром художественного творчества качканарцев. Продолжала успешно трудиться музыкальный работник П.И.Штерман, которая «дала сотни концертов и сотни человек выучила трудному искусству вокала» (3. С. 222).

Качканар 60-70-х гг. трудно представить без организаторов культуры Людмилы Николаевны Андреевой и Тамары Васильевны Корнаковой. Т.В.Корнакова создала знаменитые хор и вокальный ансамбль.

В середине 60-х гг. по Свердловскому телевидению была показана часовая передача о художественной самодеятельности Качканара. Особый успех выпал академическому хору и ансамблю, который «исполнил тогда первую песню о Качканаре. Молодые качканарцы долго были под впечатлением этого события». Позднее вокальный квартет Т.В.Корнаковой получил звание лауреата на областном фестивале самодеятельного художественного творчества трудящихся. Еще одной наградой стала высокая оценка их вокального мастерства главным режиссером театра музыкальной комедии В.А.Курочкиным: «Давно я не слышал ничего подобного! Да это же совершенно профессионально! Спасибо!» (4. С. 221).

Летом 1968 г. в культурной жизни города произошло знаменательное и увлекательное событие – 25 июня открылся Дворец культуры Качканарского ГОКа. В этот день артисты Свердловского театра оперы и балета представили зрителям оперу Верди «Травиата». В последующие годы качканарцы познакомились с другими постановками театра: «Русалка», «Демон», «Искатели жемчуга», балетами «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Пер Гюнт».

Обнащение, содержание нового учреждения культуры, работа многочисленных кружков потребовала от комбината значительных денежных затрат. Так, в 1969 г. оборудование Дворца культуры обошлось в 13 тыс.руб., а всего на культурно-массовую работу была израсходована довольно крупная сумма – 101,4 тыс. руб. (1. С. 244).

В 1972 г. затраты по этой статье возросли до 167 тыс.руб. Кроме того, были приобретены художественные картины и «скульптурные фигуры» соответственно на 5 и

4 тыс.руб.

Областная газета «На смену!» всего через полгода после открытия Дворца культуры отмечала: «Возвращаются качканарцы с работы. Одни спешат на занятия в институт, другие – на репетицию во Дворец культуры...»

Во Дворце культуры ГОКа в одни и те же часы занимались вокалисты, художники, авиамodelисты, музыканты... Популярен у качканарцев и цирк. Он существует каких-нибудь три месяца. Но уже подготовлен добрый десяток номеров. В цирке выступают школьники и рабочие, а создателем его, руководителем, постановщиком, автором номеров является Юрий Савельев, приехавший в Качканар из Новосибирска, где он работал артистом в цирке» (2. С. 3).

У истоков циркового искусства в Качканаре стоял также В.В.Ефанов. Под его руководством цирк «Арена юности» приобрел всесоюзную известность, стал еще одним предметом гордости качканарцев.

Постепенно на работу в новый культурный центр города перешли М.М.Мальцева, Л.Е.Андреева, Т.В.Корнакова. Теперь не строители, а горняки определили культурную жизнь города. После преодоления нескольких серьезных этапов развития в производственной сфере Качканарский ГОК достиг еще одного рубежа созидания, на сей раз в области культуры.

Большой интерес у качканарцев вызывали встречи с любимыми артистами. В апреле 1967 г. состоялась встреча с Владимиром Ивановым, исполнителем роли Олега Кошевого в фильме «Молодая гвардия». В июле 1969 г. на празднике, посвященном 100-летию со дня рождения В.И.Ленина, выступили народные любимцы Николай Крючков, Зинаида Кириенко, Нонна Мордюкова, Петр Глебов. Позднее состоялись встречи жителей Качканара с другими известными артистами: Риммой Марковой, Георгием Милляром, Сергеем Мартинсоном и другими.

Кроме развлекательных представлений серьезное внимание по-прежнему уделялось воспитательному аспекту культурной работы. В 1964 г. у пионеров побывал Петр Илларионович Скорынин, отец Володи Скорынина – Героя Советского Союза, выросшего в пос.Косья, у подножия горы

Качканар. В 1965 г. произошла встреча с качканарцами ветерана коммунистической партии Федора Ивановича Коротаева, в 1967 г. – с генералами-фронтовиками А.С.Грязновым и И.А. Суслопаровым. В 1969 г. в Доме культуры «Строитель» провели переключку первопроходцы комсомольскихстроек Магнитогорска, Братска, Качканара, которая имела значительный общественный резонанс в городе.

В 1968 г. произошло заметное событие в общественно-политической жизни Качканара. Вместо привычной двухполосной газеты «На стройке Качканара» стала выходить на четырех страницах газета «Качканарский рабочий» - орган администраций и парткомов треста «Качканаррудстрой» и горно-обогатительного комбината. В то же время «Качканарский рабочий» стал выполнять функции городской газеты, это продолжалось в течение пяти лет. Такая практика была чрезвычайно редкой в то время. Качканар и здесь проявил свою уникальность. Первым редактором газеты стал энергичный и напористый журналист Анатолий Георгиевич Алтухов. Первый, видимо, по этому случаю цветной номер «Качканарского рабочего» вышел 10 апреля 1968 г. тиражом 5 тыс.экземпляров.

Перед коллективом газеты встали новые задачи. Появилась возможность публикации больших очерков, проблемных статей, создания тематических страниц.

Постепенно в редакции сложился костяк опытных журналистов: В.М. Урусов, Н.И. Мелехин, Г.П. Краснопевцева и др. Многотиражка продолжала лучшие традиции предыдущего издания, поднимала вопросы экономического развития ГОКа, проблемы быта, социальной сферы, общественно-политической жизни, культуры.

Летом 1968 г. газета начала публиковать очерки о людях Качканара. В эту работу включились журналисты: Б.И.Гусев, Н.И. Мелехин, Г.Г. Гревцова, Ю.П.Медведев.

Первые главы были посвящены бригадиру строителей А.И.Шишкину (впоследствии награжденному орденом Ленина), горняку, фронтовику В.А.Худякову, электромонтажнику П.А.Фролову, Герою Социалистического Труда А.В.Мурашову, агломератчику, депутату Верховного Совета РСФСР А.П.

Смышляеву, участнице войны, первому коменданту палаточного городка Н.Ф.Литвиненко. Всего была опубликована 71 глава. Авторами глав коллективной повести являлись не только профессиональные журналисты, но и внештатные корреспонденты, рабкоры, читатели. На основе этих очерков планировалось издать отдельную книгу. К сожалению, до сих пор это не удалось осуществить (5. С.466-468).

В первый же год существования «Качканарского рабочего» при нем появилось литературное объединение. У его истоков стоял Ю.П. Медведев. В начале 1970-х гг. литобъединение возглавила Галина Петровна Краснопевцева, которая позднее стала одной из самых авторитетных и уважаемых журналистов Качканара. К тому времени в городе сложилось довольно многочисленное племя местных поэтов. Этот феномен Г.П. Краснопевцева объясняет следующим образом: «Ведь даже тогда, когда еще не было ни газеты, ни первых улиц рабочего поселка, качканарская земля была уже Страной поэзии...» А где молодость, там стихи и песни. Поэтические строки рождались в душе молодых и лились над тайгой, «...отражая радости, тревоги и заботы первостроителей». Э. Мулица, И. Попов, Т. Новгородцева, Н. Ткаченко, Т. Воронова, Т. Борисюк, В. Сальник горели желанием рассказать «о времени и о себе» поэтическим словом. Несколько позднее заявили о себе, и не только стихами, но и прозой, Т. Черемухина, А. Ларионов, В. Крикуненко, А. Беликов.

В кружке занимались теорией литературы, знакомились с творчеством известных писателей и поэтов, обсуждали свои сочинения, выпускали литературную страницу в газете. Большим событием становился приезд известных уральских писателей и поэтов Б. Рябинина, Б. Путилова, А. Пудваля, Э. Бадьевой, Ф. Вибе, Л. Ладейщиковой, Н. Мережникова, Е. Долиновой, Ю. Канецкого, В. Станцева, Б. Марьева и других.

Благодаря литобъединению, сложилось новое поколение «пишущей братии» Качканара: Иван и Евдокия Грачевы, Александра Пастухова, Елена Попова, Людмила Власовских и Светлана Суторихина, Виталий Кундеревиц, Сергей Спехов,

Владислав Карманович, Лидия Нечаева, Надежда Трушкова (6. С. 476).

Качканар нельзя было представить без «Лежневки» Л. и Н. Ведерниковых, «Серебряной тайги» Ф. Селянина, гимна школы № 4 В. Смирнова и Л. Майстренко. Большую известность в 60-е годы приобрели стихи Вадима Сальника («Вечерним Качканаром», «Новогодний качканарский вальс», «Огоньки золотятся повсюду»), которые были переложены на музыку и стали популярными песнями в городе.

Отдали должное Качканару и качканарцам известные свердловские поэты Борис Марьев («Мечты большой огни»), Д. Лифшиц «Песня о Качканаре». Благодаря тому, что композитор Н. Глушенков написал музыку к стихам Д.Лифшица, она стала широко известна в Свердловской области.

Героическая история Качканара, судьбы его людей занимали внимание журналистов, писателей, ветеранов города. Количество книг о Качканаре приближается к трем десяткам «Едва ли какой-либо другой город удостаивался такой литературной славы за такой короткий период», - подчеркивается в книге «Качканар» (7. С. 477).

Первую книгу «У подножия Качканара» написал журналист А.Ф. Красилов (1960 г.). В том же году вышла книга Б.А. Марьева «Большой мечты огни».

В 1963 г. в Москве массовым тиражом было выпущено еще две книги: «Мой Качканар» и «Качканарские были» - о качканарцах узнала вся страна.

Затем о Качканаре и качканарцах писали С.К. Ульянова (1965 г.), Е.В. Спехов (1967 г.), Ю.П. Медведев (1975 г.), А.Р. Пудваль (1982 г.), Б.А. Путилов, Ф.Т. Селянин ((1992 г.). В 1976 г. появился совместный труд «Новь горняков Качканара», который написали Н.Я. Еремин, в то время главный инженер ГОКа, и журналист И.С. Грачев. В конце 90-х гг. вышли книги очерков Г.П. Краснопевцевой «У истоков Качканара» и брошюры школьного историка М.И. Титовца.

Венцом этого творчества стало издание в 1999 г. фундаментального труда «Качканар» (52,5 печатного листа!), в которые вошли воспоминания ветеранов и статьи журналистов, написанные в разные годы, были подготовлены и новые

материалы. В редакционную коллегию вошли: журналисты В.С. Беляев, Г.П. Краснопевцева, Н.И. Мелехин, С.К. Ульянова, Л.Л. Черемухин, ветераны труда И.П. Машкин, В.В. Смирнов, Н.Л. Спиркин, Г.А. Пономарев. Руководитель редколлегии и автор-составитель книги – Юрий Павлович Медведев, он же автор значительного числа статей.

Этот труд обстоятельно описал историю Качканара (особенно первый период), исследовал ее отдельные «белые пятна», напомнил о героическом прошлом комбината.

Источники:

1. Государственный архив Свердловской области. Ф.2633. Оп.1. Д.107
2. На смену! 1969. 1 января.

Литература:

3. Душой не стареющая. – Качканар. Авт.-сост. Ю.П.Медведев. Екатеринбург, 1999.
4. Ульянова С. Тамара Васильевна. – Качканар, Екатеринбург, 1999.
5. Медведев Ю.П. Рубрика, которой двадцать лет. – Качканар, Екатеринбург, 1999.
6. Краснопевцева Г.П. Наше «лукоморье»! – Качканар, Екатеринбург, 1999.
7. Книга о городе юности. Качканар. Екатеринбург, 1999.

УДК

372.893+371.64/.69

ББК 4426.63-268.2   ГСНТИ 03.01.45   Код ВАК 13.00.02

А.В. Трофимов

Екатеринбург

УЧЕБНИК ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: учебник по отечественной истории, целеполагание, форма и содержание.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу развития ситуации вокруг создания единого учебника по отечественной истории. Выделены прикладные аспекты, которые необходимо учитывать при разработке методической и технологической составляющих.

A.V. Trofimov

Yekaterinburg

**TEXTBOOK ON RUSSIAN HISTORY IN
CONTEMPORARY SOCIAL AND CULTURAL SPACE**

KEY WORDS: textbook on Russian history, definition of objectives, form and content.

ABSTRACT. The article is devoted to the analysis of the development of the situation around the creation of a single textbook on Russian history. Allocated applied aspects that must be considered in the development of methodical and technological components.

Растущие ожидания появления в XXI веке новых глобальных и «реанимации» традиционных угроз и вызовов актуализируют проблему самоидентификации России и ее готовности адекватно реагировать на меняющуюся геополитическую ситуацию. Решение этой проблемы видится не только на пути политической и экономической модернизации, но и в плоскости консолидации общественного сознания, сближения субкультур в русле солидарной культуры социума. В данном контексте приобретает особое значение существующая в стране система образования, в целом, модель исторического образования, в частности, и ситуация, которая складывается вокруг ее важнейшего элемента – учебника по отечественной истории.

Проблема создания современного учебника по отечественной истории в последнее время стала одной из широко обсуждаемых в политическом и общественном пространстве Российской Федерации (1). Внимание со стороны верховной власти, дискуссии в профессиональной среде – свидетельствуют о том, что отсутствие общепризнанной позиции, консенсуса, по отношению к истории страны, в условиях плюрализма мнений и суждений, признается важнейшей болевой точкой современного российского социума. Причем, как сама попытка создания общепризнанного «канона» в форме концепции единого учебника, так и предлагаемые варианты ее реализации – были восприняты с высокой долей

скептицизма. Основания для такой реакции действительно существуют. Обратим внимание на такие непреодоленные преграды, как «социальный цинизм», высокая степень недоверия, присущие современному российскому социуму, политико-идеологическая ангажированность и полярность, занимаемых позиций при обращении к проблемам отечественной истории со стороны представителей правящего класса и экспертного сообщества.

При артикуляции существующего «социального запроса» на целеполагание учебника по отечественной истории можно выделить несколько составляющих. Во-первых, для государства – это один из способов легитимации существующего строя и политического режима, формирования патриотичных и законопослушных граждан. Во-вторых, для гражданского общества – это площадка для поиска ответов на острые вопросы, не столько касающиеся прошлого, сколько современности. В-третьих, для историка – это возможность реализовать стремление приблизиться к исторической истине и донести ее до сознания молодого поколения. В-четвертых, для учащихся – это один из универсальных источников знакомства с миром, открытие новых горизонтов и смыслов при его познании и понимании.

Очевидно, что в последние годы выстраивается определенная историческая политика современного Российского государства, стремящаяся балансировать между «европейской судьбой» России, «Россией как особой цивилизацией» и вписать «царский», «императорский», «советский» периоды в единое историческое и культурное пространство, с вычленением в нем общих ценностей, кодов и смыслов. Учебник в государственной системе образования не может быть свободен от влияния этой политики, по определению. В нем должны сопрягаться: историческая истина с исторической политикой современного государства; образовательная парадигма: знания, умения, навыки, компетенции с воспитательной гражданской функцией.

Вместе с тем, необходимо учитывать конкретную социокультурную ситуацию: более двух десятилетий страна живет в условиях потерянного единого исторического и культурного пространства, общих ценностных ориентиров,

фрагментарности российского социума, отсутствия общепризнанной национальной идеи, неясности ориентиров развития (удвоение ВВП, создание эффективной экономики, реализация мегапроектов (Сочи) и т.п.– вряд ли могут быть признаны таковыми). Вместе с тем, могут ли два десятилетия «перевесить», накопленный веками позитивный потенциал «успешности» России в мире. В данном контексте современный учебник призван не только на уровне деклараций и отдельных фактов быть носителем социального оптимизма, способствовать «залечиванию ран», нанесенных духовному состоянию общества, геополитической катастрофой конца XX века, фиксируя успешность страны в долгосрочной исторической ретроспективе, но и предложить четко определенные критерии: что же считать историческим успехом в исторической перспективе.

Единый учебник должен быть семантически ясен и понятен для молодых людей и опираться на архетипы сознания, закрепляющие внутреннее единство российской (гражданской) нации-цивилизации, при этом, его содержание не должно входить в антагонистическое противоречие с представлениями, сформированными у социализирующихся поколений в конкретных условиях жизни на Кавказе, Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и т.д. Общим местом стала констатация того, что единственным объединяющим событием-символом в российской истории является Великая Отечественная война, при этом необходимо осознать, что с каждым годом снижается уровень и степень конкретно-исторических знаний о ней среди школьников и студентов.

Какой человек нужен России в XXI веке? Тот, кто сегодня знает ответ на этот судьбоносный вопрос, мог бы, несомненно, стать автором учебника по истории. Поскольку, такое видение, вряд ли сегодня может быть верифицировано и принято, то можно говорить о поиске компромиссно-консенсусной версии общего прошлого. В общественную память новых поколений следует закладывать объяснительную матрицу, содержащую наряду с константами, которые не девальвируются в ближайшие десятилетия, гибкие элементы (суждения, оценки, мнения), которые будут, скорее всего меняться, в процессе

дальнейшего исторического развития. В этой матрице следует расположить и объяснить такие концепты, как «цивилизация», «государство», «народ», «свобода», «справедливость», «феодализм», «капитализм», «социализм», «модернизация», «империя», «традиция» и др.

Какие требования в этой непростой ситуации следует предъявлять к форме и содержанию учебника. По содержанию разработанная ныне концепция – это рамочные ограничения, в которых требуется соблюдать баланс между описываемыми фактами, событиями и явлениями. Новый учебник – это новая методика и технологии, но пока акцент сделан на концепцию и ее содержание. Тогда как очень важно как будет «подана» эта концепция, поколениям, растущим в информационном обществе, погруженным в него с раннего детства, насколько учебник по отечественной истории сможет составить конкуренцию в мире различных гаджетов, социальных сетей, переполненных информацией (с большой долей информационного шума), с которой сегодня в постоянном режиме знакомится школьник и студент. То есть форма и контент учебника должны учитывать специфику психологии современного школьника и студента и опираться на понятные для них технологические «ходы», использовать особенности их мышления и сознания, стремясь транслировать и сохранить социальную память и исторический опыт предшествующих поколений. Необходимо также определиться с пределами и границами «оппортунистического поведения» преподавателя. Осложняет создание нового учебника – отсутствие общих ассоциаций, объединяющих учителей и учеников; смена образа жизни и связанные с этим изменения психики (клиповое мышление), переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения (социальные сети).

Обратим внимание на некоторые прикладные аспекты, которые следует учитывать при создании современного учебника по отечественной истории.

Во-первых, в основе учебника по отечественной истории должны находиться согласованные в историческом сообществе «каноны» восприятия и оценки ключевых периодов, событий, явлений, личностей. Эти каноны должны отражать ценностные

представления, культурные смыслы, коды, существующие в современном российском социуме. Важно при отборе исторических персонажей, установить четкие критерии, применимые ко всем действующим лицам российской истории, не «демонизируя» одни фигуры и «идеализируя» другие. Вместе с тем должна быть представлена личностная специфика исторических деятелей, не исключая эмоциональную составляющую при их оценке.

Во-вторых, соединение в учебнике традиций и инноваций. Учебник должен создаваться с опорой на традиции, сочетая достижения дореволюционной, советской и современной историографии. Инновации – современные мультимедийные технологии. По форме – это должен быть учебник с широким использованием аудио, видео фрагментов, интерактивом и т.п. Игровые ситуации должны присутствовать при изучении материала и контроле в ходе процесса обучения.

В-третьих, единый учебник должен включать в себя не менее трех уровней: базового, оптимального, продвинутого. Первый уровень должен давать представления об основных периодах, действующих лицах российской истории, пробуждать интерес к дальнейшему изучению. По форме – много анимации, яркий язык, эмоциональный рассказ. Сказка, легенда, миф – вполне могут быть включены в исторический нарратив для формирования ярких, устойчивых, позитивных образов русского прошлого. Второй уровень – формирование причинно-следственных связей, понимание исторического контекста происходящих событий, показ различных интерпретаций фактов. Упор на исторические тексты, источники, умение извлекать из них адекватную и актуальную информацию. Третий уровень: понимание специфики исторического знания, знакомство с различными парадигмами, теориями, концепциями, включение истории России в контекст мировой истории

Современный учебник истории, по аналогии с современным, высокоточным оружием, в умелых руках должен способствовать решению многих общезначимых задач динамичного развития гетерогенного русского социума, быть востребованным, умным, ненавязчивым помощником и

другом, способствовать эффективному взаимодействию преподавателей и учащихся в процессе усвоения, понимания, заложенного в нем когнитивного потенциала и использования его на благо граждан России XXI века.

Источники:

1. Портал «Президент России»: Встреча с авторами концепции нового учебника истории. URL: <http://school.historians.ru/?cat=23>

УДК 372.983

ББК 4426.63

ГСНТИ 13.01.39

Код ВАК 13.00.02

М.А. Фельдман

Екатеринбург

**ЕЖЕГОДНЫЙ ДОКЛАД МИНИСТЕРСТВА
ОБРАЗОВАНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ О
ПРОБЛЕМЕ ДОСТУПНОСТИ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образование, учащиеся, студенты, квалификация, программы, Свердловская область, характеристики, доступность; качество обучения.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблемам реформы современного образования; характеристикам доступности образовательных услуг в сфере общего и высшего образования. На основе годового отчета Министерства Свердловской области сделаны выводы о тенденциях развития школьного и вузовского звеньев образовательной системы. Дана оценка степени достоверности, полноты и прозрачности информации годового отчета.

M.A. Feldman

Yekaterinburg

**ANNUAL REPORT OF THE MINISTRY OF
EDUCATION PROBLEM SVERDLOVSK REGION TO
ACCESS TO HIGHER EDUCATION**

KEYWORDS: education, pupils, students, qualification programs, the Sverdlovsk Region, features, availability, quality of instruction.

ABSTRACT. The article is devoted to the problems of modern education reform; characteristics accessibility of educational services in general and higher education. On the basis of the annual report of the Ministry of the Sverdlovsk region conclusions about trends in the development of school and higher education system units. The evaluation of the accuracy, completeness and transparency of the annual report.

Ежегодный Доклад министерства образования Свердловской области «О состоянии системы образования Свердловской области в 2012 г.» (1) представляет собой довольно подробный (439 стр.) документ, характеризующий все ступени образования: от дошкольного, до вузовского.

Заметим, что текст доклада перегружен информацией, далекой от ответов на поставленные цели. Так, первые четыре главы Доклада содержат статистические данные о рынке труда; обзор демографических показателей, широко публиковавшиеся в отчетности различных ведомств; областной печати.

Доклад показывает позитивные тенденции в развитии школьного образования: рост материально-технической оснащенности школ; повышение заработной платы работников просвещения; внедрение новых образовательных стандартов, рост числа общеобразовательных учреждений с повышенным статусом (гимназий, лицеев) (1. С. 79-81; 170-176).

Отмечается рост общей численности школьников Свердловской области за 2008 – 2012 гг. на 9,3 %; первоклассников – на 13,6%. Фиксируется и такая необычная (за последние пятнадцать лет) тенденция, как сокращение доли выпускников 9-х классов, продолжающих учебу в 10-11 классах. За 2008 –2012 гг. этот показатель сократился с 59 % до 54 %, отражая определенное снижение интереса к поступлению в вузы, как единственному пути повышения образования. Прослеживается и сокращение контингента десятиклассников практически на четверть (23,6 %).

За 2010-2012 гг. Доклад отмечает рост средних тестовых баллов по всем предметам по результатам ЕГЭ. Вместе тем, примерно десятая часть школьников не сумела набрать *минимального* балла по экзамену «Химия», пятая часть – по экзамену «Физика». Динамика за 2008 – 2012 гг. в данном

случае носит отрицательный характер (1. С. 147). Рост числа учащихся, не сдавших ЕГЭ, очевиден: с 51 до 964, но он отражает, во-первых, возросшие требования к учащимся на экзаменах, во-вторых, доля несдавших весьма невелика – 4,4% (1. С. 82, 156).

Отметим, что раздел текста Доклада, посвященный результатам ЕГЭ, носит самокритичный характер, отмечая в частности, такие проблемы в Свердловской области, как:

1) отсутствие стабильной положительной динамики по показателям ЕГЭ;

2) неэффективность выбора выпускниками для сдачи ЕГЭ общеобразовательных предметов по выбору;

3) нестабильные результаты (показатели качества (средний балл и количество неуспешных работ) меняются из года в год: либо улучшаются, либо ухудшаются) по 5 общеобразовательным предметам: математика, литература, информатика, обществознание, иностранные языки;

4) стабильно отрицательную динамику (уменьшение среднего балла и увеличение количества неуспешных работ) по физике;

5) не происходит изменений в количестве выпускников, набравших минимальный и повышенный балл (доля хорошо и отлично подготовленных выпускников школ (успешный результат которых соответствует среднему баллу и выше) стабильно составляет по русскому языку – 25 процентов, по математике – 18 процентов);

6) показатели Свердловской области по ряду предметов ниже общероссийских показателей (1. С. 161-162).

В этой части доклада вновь обратим внимание на отсутствие указания на опросы родителей школьников о качестве обучения и опросов учителей о положении педагогов в школе.

В Докладе большое место уделяется проблемам профессионального образования. Перевод учреждений начального профессионального образования в разряд среднего профессионального образования; реструктуризацию сети учреждений начального и среднего профессионального образования и развитие сети ресурсных центров на базе

учреждений среднего профессионального образования (1. С. 201) – можно отнести к категории положительных *качественных изменений в сфере образования*.

Кроме того, оптимизация сети учреждений профессионального образования и создание автономных образовательных учреждений путем изменения типа существующих государственных бюджетных образовательных учреждений должны способствовать повышению эффективности деятельности государственных учреждений начального и среднего профессионального образования Свердловской области.

Однако принципиальный вопрос: в какой степени рассматриваемое звено образования соответствует запросам рынка труда? – остается без ответа. Вызывает сомнение и призыв перевести все учреждения профобразования в разряд автономных учреждений, поскольку отсутствует какое-либо обобщение первых результатов деятельности автономных учреждений (1. С. 202). Удивительно, но один из важнейших сюжетов реформы образования: *анализ перевода учреждений образования в разряд автономных учреждений* – остался вне внимания авторов документа.

Обширную информацию несет и раздел Доклада, обращенный к положению высшего образования в регионе. Статистические данные указывают на такой объективный процесс, как сокращение численности студентов за 2008 – 2012 гг. на 20%; в том числе, в государственных вузах – на 18 % , и в частных вузах – на 31 % (1. С. 118).

Судя по тому, что показатель студентов-платников за четыре года остался неизменным: 60,4 – 60,3% а плата за обучение остается относительно невелика и составляет (в среднем значении) 31 781 рубль за семестр (1. С. 120), можно сделать вывод о том, что основным фактором сокращения численности студентов вузов стал демографический. Однако постоянный рост доли выпускников, проходивших обучение с полным возмещением затрат (в 2009 году – 58,5 %, в 2012 году – 63,4 %) подводит к суждению об исчерпанности социальной базы граждан, способных оплачивать свое обучение и

необходимости включения таких инструментов социальной политики, как стипендия и образовательные гранты.

Какие выводы из этого очевидного факта – наличия в обществе обширного слоя бедных и малообеспеченных граждан (как минимум, 40 % всего населения) – делают органы власти? К сожалению, ни в Докладе, ни в других официальных документах нет ответа на поставленный вопрос. Между тем жизнь, опыт конкурирующих с Россией стран, выдвигает на повестку дня три глобальных инструмента регулирования политики в сфере высшего образования:

- образовательные гранты;
- стипендии, гарантирующие успешно обучающимся студентам, минимальный потребительский бюджет;
- долю бюджетных мест, позволяющих учиться представителям всех слоев населения (2).

Значимость каждого из упомянутых документов отражена в Концепции-2020. Приходится сожалеть, что вопрос о важнейших инструментах государственного регулирования, а с ним и о качестве управленческих действий остался вне внимания авторов Доклада.

Нет в Докладе и ответа на те вопросы, которые обоснованно и четко были поставлены самим министерством образования Свердловской области на его коллегии 30 июня 2010 г., коллегии, по сути, подводящей итоги выполнения задач 2006 – 2010 гг. (3). Напомним основные проблемы, выделенные на коллегии: подготовка, переподготовка, повышение квалификации работников образования, аттестация руководящих и педагогических работников; мотивация и стимулирование работников образования (использование мер материального поощрения, **внедрение новой системы оплаты труда**, награждение работников образования различными видами наград); система поддержки педагогических кадров (пособия на обустройство хозяйством молодых специалистов, присвоение первой квалификационной категории молодым педагогам по окончанию учреждения профессионального образования); оптимизация штатной численности работников образования, разработка подходов к формированию кадрового резерва в системе образования. Ни на один из отмеченных на

коллегии министерства проблемных вопросов Доклад не дает ответа.

Вновь приходится отмечать, что главные критерии эффективности работы вузов – критерии доступности и качества обучения студентов не нашли места на страницах Доклада. В целом, содержание Доклада приводит к мысли о создании указанного документа вне поля реформы образования.

Традиция ориентации на количественные показатели, отчетности по количественным показателям в работе государственных и муниципальных учреждений в современной российской действительности кажется неистребимой. Однако продолжение такой традиции делает не только систему образования, но и страну в целом неконкурентоспособной. Переход в 2014 г. органов власти на работу по результатам должен барьером на пути старой управленческой деятельности. Станет ли? Ведь на всякое реформаторское действие рождается противодействие. Ответ на такой вопрос зависит от активности как самих управленцев, так институтов гражданского общества.

Литература:

1. Доклад министерства образования Свердловской области «О состоянии системы образования Свердловской области в 2012 г.» // Сайт министерства образования Свердловской области // <http://www.minobraz.ru/dokumenty>. дата обращения 12 октября 2013 г.
2. Каверина Э. Ю. Политика президента Обамы в сфере высшего образования // США. Канада. Экономика - политика - культура. - 2013. - № 4. - С. 90-105.
3. Итоги «прямой линии» минобразования // Официальный сайт Министерства общего и профессионального образования Свердловской области. URL: <http://www.minobraz.ru/news/date201011/document979/> (дата обращения от 31.05.2011).

УДК 94(470.5).09

ББК ТЗ(235.55)63 ГСНТИ 03.23.23 Код ВАК 94(470)

О.Г. Черезова

Екатеринбург

**«ВОЕННЫЙ СЛЕД» В ДЕМОГРАФИЧЕСКХ
ПРОЦЕССАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. В
СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ
ОБЛАСТИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая Отечественная война, демографические процессы, рождаемость, половозрастная структура населения.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается влияние последствий Великой Отечественной войны на демографические процессы в сельской местности индустриального Урала второй половины XX в.

O.G. Tcherezova

Yekaterinburg

**«MILITARY FOOTPRINT» IN DEMOGRAPHIC
PROCESSES OF THE SECOND HALF OF THE
TWENTIETH CENTURU IN THE COUNTRYSIDE OF
THE SVERDLOVSK REGION.**

KEY WORDS: The Great Patriotic war, demographic processes, fertility rate, age and sex structure of the population

ABSTRACT. The article considers the influence of the effects of the Great Patriotic War on the demographic processes in the rural areas of the industrial Urals of the second half of the twentieth century.

В существующих на сегодняшний день учебниках истории основное внимание уделено изложению политических событий. Предлагаемый историко-культурный стандарт нового учебника предполагает сместить акцент в сторону изучения «роли личности в истории». При этом предполагается как изучение биографий выдающихся людей, так и влияния исторических событий на судьбы рядовых граждан (5).

Тем не менее, в новом стандарте нет ни слова о влиянии исторических событий на демографические процессы, динамику

численности населения, рождаемости и смертности. Между тем политическая история страны и ее демографическая история тесно взаимосвязаны.

Важнейшим историческим событием, во многом определившим, в том числе и демографические процессы второй половины XX в., была Великая отечественная война. Последствия падения уровня рождаемости в военные годы определило динамику этого показателя на протяжении всей второй половины века и сказывается до сих пор.

Попробуем проследить влияние «военного следа» на демографические процессы в сельской местности индустриального Урала на примере Свердловской области.

«Военный след» четко прослеживается, прежде всего, динамике показателей рождаемости как региона в целом, так и Свердловской области. Общий коэффициент рождаемости в 1943-44 гг. составлял 12,7-11,1‰. (6. С. 46) В первый раз последствия падения рождаемости военных лет отразились на снижении общего коэффициента рождаемости в середине 1960-х гг., когда в репродуктивный возраст вступило малочисленное поколение 1942-46 гг. рождения. В 1960-е гг. численность детей, рождавшихся в сельской местности Свердловской области, снижалась на 1 тыс. человек ежегодно (3. Оп.11 Д. 299 Л. 21 Д. 332 Л. 39 Д. 367 Л. 21 Д. 410 Л. 44 Д. 451 Л. 85). Общий коэффициент рождаемости в 1965 г. составил 15,5‰. К концу 1960-х гг. этот показатель достиг минимума - 12,9‰ (самый низкий показатель по региону) (7. С. 156-162). Для сравнения: в Пермской области общий коэффициент рождаемости в этот год составил 15,5, а в Челябинской - 15,7‰ (2, 4). Демографическую катастрофу предотвратил тогда лишь новый подъем рождаемости начала 1970-х гг., связанный с вступлением в репродуктивный возраст относительно многочисленного поколения послевоенных лет рождения.

Очередной спад рождаемости наступил уже в конце 1980-х гг. Влияние «военного следа» не сгладилось, т. к. сказался одновременно и социально-экономический кризис начала 1990-х гг. и смена установок репродуктивного поведения и переход к малодетной семье, как в городах, так и в сельской местности. Вследствие этого показатели рождаемости

оказались ниже, чем во второй половине 1960-х гг. и составили менее 10 %, что привело при росте смертности и отрицательному естественному приросту. Это дает основание говорить о демографической катастрофе.

Кроме того, военный след хорошо просматривается в половозрастной структуре населения. Заметна малочисленность поколения 1942-46 гг. рождения. Так, в 1970 г. селяне в возрасте 20-29 лет составляли всего 10% от всей численности сельского населения (46% от численности этой возрастной группы в 1959 г.) В 1979 г. этот же показатель для возрастной группы 30-39 лет составлял 9% (вместо 15% 30-39-летних 1970 г.)

Демографические последствия войны проявились и в диспропорции между численностью мужчин и женщин в поколениях старших возрастов. Среди поколения 1920-х гг. рождения численность мужчин едва ли не вдвое меньше численности женщин. Так на 1.01. 1961 г. в сельской местности Свердловской области насчитывалось 74877 женщин 1930/21гг. рождения и 58647 мужчин этого возраста; женщин и мужчин 1920/11 гг. рождения соответственно 54725 и 32665 человек (3. Оп. 11. Д. 147. Л. 80). Для селян пенсионного возраста эта разница еще более значительна, так как сказывается еще и влияние различной продолжительности женщин и мужчин. В том же 1961 г. среди селян в возрасте от 50 до 59 лет насчитывалось 11708 мужчин и 25190 женщин, а в возрасте старше 60 лет – 26942 мужчины и 63023 женщины. (3.). Та же диспропорция наблюдалась и в более поздний период. По данным переписи 1979 г., женщин в возрасте 60-69 лет в 2,2 раза больше, чем мужчин, для возрастной группы 70 лет и старше – в 3,3 раза больше (1. С. 259).

Таким образом, демографические последствия войны оказали существенное влияние на демографическую ситуацию второй половины XX в. Это ярко проявилось как в деформации половозрастной структуры населения, так и в падении уровня рождаемости, так называемых «демографических ямах», повторяющихся с интервалом 20-25 лет.

Источники:

1. Возрастной состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1989.
2. Государственный архив Пермского края Ф. Р493.
3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р.1813.
4. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р.485.
5. <http://минобрнауки.рф/>

Литература:

6. Корнилов Г.Е. Уральское село и война. Екатеринбург, 1993.
7. Корнилов Г.Е., Кузьмин А.Н. и др. Население Урала XX век. Екатеринбург, 1996.

УДК 94(470.5).08

ББК ТЗ(235.55)53 ГСНТИ 03.23.25 Код ВАК 07.00.02

Э.А. Черноухов

Екатеринбург

**ПРОСВЕЩЕНИЕ – СРЕДСТВО БОРЬБЫ С
ЦЕРКОВНЫМ РАСКОЛОМ? (НА ПРИМЕРЕ
ЧАСТНЫХ ГОРНОЗАВОДСКИХ ХОЗЯЙСТВ УРАЛА
ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: горнозаводские училища, старообрядцы, частные горнозаводские хозяйства, Урал.

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы меры государственного принуждения по развитию просвещения, как направления борьбы с церковным расколом, во второй четверти XIX века. Их следствием стало значительное увеличение численности учебных заведений в частных горнозаводских хозяйствах Урала. Но их организация и деятельность реально не способствовали преодолению раскола.

E. A. Chernoukhov

Yekaterinburg

**EDUCATION - A MEANS OF BATTLE WITH THE
CHURCH SCHISM? (ON AN EXAMPLE OF PRIVATE
URAL MINING HOUSEHOLDS IN THE SECOND
QUARTER OF XIXC.)**

KEYWORDS: mining school, Old Believers, private mining households, the Ural

ABSTRACT. In this work the author analyzed the legal coercions on the development of education, as a direction of combating with the church schism in the second quarter of the XIX century. Their result was a significant increase of the number of private educational institutions in private mining households of Ural. But their organization and activities did not really help to overcome the church schism.

В исторической науке наблюдается устойчивый интерес к масштабным последствиям церковного раскола в России середины XVII века. Старообрядцы, а затем и единоверцы составляли значительную и весьма активную часть населения страны. Ряд современных авторов пришли к выводу о складывании в Российской империи особо «старообрядческого» типа предпринимательства, сыгравшего существенную роль в ее социально-экономическом развитии со второй половины XVIII в. (6, 7).

Между тем сложные не раз изменявшиеся взаимоотношения раскольников с официальной властью еще не нашли должного освещения на страницах учебников. В дореволюционных и частично советских изданиях раскол во многом объяснялся невежеством старообрядцев, которое следовало искоренять и с помощью просвещения. В современных учебниках эта проблема практически не рассматривается.

Между тем одним из важных направлений борьбы с расколом во второй четверти XIX в. стало усиление вмешательства государства в дело организации и деятельности ведомственных и частных учебных заведений. Проанализируем эти процессы на примере горнозаводских хозяйств Урала.

В 1827 г. высокопоставленный чиновник С. Д. Нечаев, впоследствии обер-прокурор Святейшего Синода, в «Записке о сектах, существующих в Пермской губернии» весьма невысоко оценил уровень развития народного образования в регионе. В качестве важной причины «размножения раскольников» он определил «общее невежество, которое тем менее изменяется, что бедные люди не имеют средств учиться» (9. С. 274).

Это замечание относилось и к горнозаводским хозяйствам Урала, где имелась собственная сеть учебных заведений. Но если в казенных округах к тому времени уже имелось по одному начальному училищу в поселках при всех заводах и крупных рудниках, то заводовладельцы региона не торопились увеличивать их численность. В частных хозяйствах Урала действовало всего два десятка учебных заведений (на более чем сотню предприятий), обычно располагавшихся в центральных заводских поселках. Обучение в них традиционно было одной их внутрисловных привилегий для сыновей местных служителей: среднего и младшего технического и административного персонала (10. С. 57, 90).

В тот период времени значительная роль в деле распространения просвещения традиционно отводилась Русской православной церкви. Ее притч играл основную роль в сфере начального образования во многих регионах империи. Это объяснялось как прагматическими соображениями (наличия необходимого уровня грамотности у духовных лиц), так и идеологическими установками (священник как отец своих прихожан). Просвещение населения рассматривалось и как одно из важных средств борьбы с расколом. Ведь обучение начальной грамоте в тот период времени автоматически подразумевало и знакомство с основами православия по духовной литературе, широко используемой в качестве учебных пособий.

Во второй половине 1830-х гг. было принято сразу несколько нормативных актов, обязывающих заводовладельцев усилить борьбу с расколом. 13 февраля 1835 г. пермский губернатор секретным предписанием довел до сведения всех заводовладельцев предписание императора. Через министра внутренних дел он указал для ослабления раскола в губернии «озаботиться об учреждении училищ, подобных Новоусольскому Строгановых и Нижнетагильскому Демидовых». Через год ряду из них, ссылавшихся на отсутствие необходимых сведений, были отправлены подробные записки об организации и программах этих учебных заведений.

Отметим, что в качестве образца в указе были названы училища разного уровня. В Новоусольском было всего 3 учителя, 55 учеников и программа первоначального обучения. Строгановы выделяли на него всего до 800 рублей в год. Нижнетагильское (Выйское) училище Демидовых в 1835 г. имело 11 учителей и их помощников, 160

учеников, программу обучения шире курса уездных училищ и годовой бюджет более чем в 30 тысяч рублей (3, 4).

3 сентября 1836 г. Синод, по настоянию обер-прокурора С. Д. Нечаева, утвердил «Правила обучения поселянских детей и особенно раскольничьих грамоте». Они были распространены на все губернии, населенные раскольниками. В этих «Правилах» духовенство призывалось к «безмездному» (бесплатному) обучению детей в так называемых «домашних школах». В случае отсутствия училищ оно могло производиться в подсобных помещениях при церквях или даже квартирах священников (2).

13 февраля 1837 г. действие этих «Правил» было распространено и на девочек. «Вменял в обязанность епархиальному начальству располагать и поощрять приходское духовенство к заведению и поддержанию при церквях училищ» и Устав духовных консисторий, утвержденный 27 марта 1841 г. (1. С. 176–178, 188).

Это усиление государственного принуждения, а также объективные потребности развития различных производств, способствовали существенному росту численности учебных заведений в частных горнозаводских хозяйствах Урала. К началу 1840-х гг. она увеличилась более чем вдвое: практически во всех из них имелось, как минимум, по одному училищу. Заводоуправления предоставили новым учебным заведениям помещения, книги и принадлежности, зачастую платили дополнительное жалование преподавателям из духовных лиц, а в случае необходимости, и назначаемым им в помощь заводским служащим.

Ведь православное духовенство региона отнеслось к своим новым обязанностям по распространению просвещения весьма прохладно. Большинство священников в горнозаводских поселках соглашались обучать детей в новых училищах только за дополнительную плату, а не «безмездно», как определялось в вышеуказанных нормативных актах. Заводовладельцы вынуждены были выделять для их деятельности новые средства.

Именной указ от 15 марта 1847 г. ужесточил требования по содержанию учебных заведений. Он «вменял в обязанность» владельцам селений в местах распространения раскола иметь не

менее одного училища на две тысячи душ населения (1. С. 366–367). Министерство внутренних дел (МВД) ежегодно запрашивало заводовладельцев о выполнении этого требования, требовало устранения замеченных недостатков.

Новое усиление мер государственного принуждения привело к еще одному существенному увеличению численности учебных заведений в частных горнозаводских хозяйствах Урала. На рубеже 1840–1850-х гг. здесь были открыты три десятка новых училищ, в том числе и первые для девочек. Большинство из них поступили в епархиальное ведение, но содержалось, главным образом, на средства заводовладельцев. В результате практически все значительные поселки в частных горнозаводских хозяйствах региона имели как минимум по одному, а крупные – и по несколько учебных заведений. Возможность обучения в них предоставлялась не только сыновьям служителей, но и части детей мастеровых и непрременных работников.

Между тем эти учебные заведения практически не выполняли поставленной перед ними важной цели – ослабления раскола. Управляющий обширного Верх-Исетского округа А. И. Яковлева сообщал владельцу в 1847 г.: «Правительство заботиться о школах, разумно учреждение их, конечно и для детей раскольников, но о том, как привлекать их в школы от упорных отцов их, ничего не говорит». В ежегодных рапортах из заводских контор этого округа, вплоть до отмены крепостного права, отмечалось, что новые учебные заведения никакого влияния на ослабление раскола не имели. Местные старообрядцы просто не отдавали в них своих детей, несмотря на все уговоры и угрозы. В частности, в рапорте в МВД 1852 г. сообщалось, что из 2 133 раскольников мужского пола в Верх-Исетском округе в школу поступил только один (5). Местные старообрядцы продолжать обучать своих детей самостоятельно или у частных лиц.

Подобные донесения поступали и из других заводууправлений и контор Урала. Реально привлечь в новые учебные заведения удалось только часть детей единоверцев, чьи отцы пошли на компромисс с властями. Для них в ряде частных горнозаводских хозяйств региона даже были созданы отдельные единоверческие училища.

Но и они не сразу вызвали доверие у местного населения. Первое мужское единоверческое училище в Нижнетагильском

заводском поселке, созданное в 1837 г., через пять лет было закрыто «по малому числу учеников» (11. С. 119).

Следует отметить, что горные власти испытывали серьезные трудности с привлечением детей раскольников в учебные заведения и в казенных округах. В качестве яркого примера выделим организацию и деятельность школы в Шарташском заводском селении, входившем в Екатеринбургский горный округ.

В 1845 г. горными властями было принято решение о строительстве здесь молельного дома, при котором намечалось открытие школы для сыновей местных непрременных работников. После этого началась упорная, но практически бесплодная борьба с жителями селения по вопросу обучения детей. Ни беседы местного священника, ни уговоры старшины, ни приказ главного горного начальника В. А. Глинка «собрать детей во чтобы то ни стало» не принесли желаемого результата.

Немногочисленное православное население Шарташа соглашалось на обучение своих детей в школе, а раскольники проявляли твердость. В 1847 г. последние подали прошение о назначении в школу гражданского учителя с Березовских золотых промыслов, но В. А. Глинка указал, что «основной целью школы является водворение правил религии у поступивших малолетов, а это сподручней делать священнику». И это компромиссное предложение не было принято.

В 1848 г. школа в Шарташском селении была формально открыта, но реально действовала только на бумаге. В 1850 г. ее учитель в рапорте на имя Екатеринбургского горного начальника отмечал, что, «несмотря на все старания местного старшины, в том числе взятие под стражу особо упорствующих», родители так и не отдали в нее отобранных детей (10. С. 56–57).

В целом, по мнению В. А. Шкерина, в первой половине XIX в. основной «урон» уральскому старообрядчеству нанес запрет на занятие руководящих должностей и развернувшаяся активная золотодобыча (8. С. 219–222). Именно эти новшества, а не попытки насаждения просвещения, способствовали переходу многих их руководителей в единоверие.

Таким образом, в предреформенные десятилетия ситуация с развитием образования в частных горнозаводских хозяйствах Урала оставалась достаточно противоречивой. С одной стороны, под давлением центральных и местных властей заводладельцы значительно расширили сеть учебных заведений в своих хозяйствах. Обучение в них стало возможным не только для сыновей служителей, но и других категорий заводского населения. При этом это привело к весьма противоречивым результатам в развитии производства: появлению во многом парадоксальной проблемы «излишества грамотных людей». Связанный с ней перманентный рост административного персонала и соответственно накладных расходов вызывал недовольство многих заводладельцев (12).

С другой стороны, значительное увеличение сети горнозаводских учебных заведений на Урале фактически не способствовало декларируемой властями цели – ослаблению раскола. Старообрядцы отказывались отдавать в них своих детей. При этом господствовавшее в тот период официальное мнение об их невежестве, как ключевой причине сохранения раскола, представляется предвзятым. Уровень грамотности православного населения также оставался весьма низким. И этот показатель не являлся существенной причиной принадлежности к старообрядчеству или единоверию на горнозаводском Урале.

Источники:

1. Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875.
2. ПСЗ-П. Т. 41. № 14 409.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 44. Оп. 2. Д. 1069. Л. 12, 31.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 643. Оп. 1. Д. 775. Л. 1, 10–14.
5. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2475. Л. 24, 151, 205.

Литература:

6. Керов В. В. «Се человек и дело его...». Конфессионально-этнические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: Экон-информ, 2004. 658 с.
7. Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М.: Древлехранилище, 2013. 646 с.

8. Шкерин В. А. Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. 345 с.

9. Шкерин В. А. Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, УрО РАН, 2008. 391 с.

10. Черноухов Э. А. Горнозаводское образование на Урале в XIX веке: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. 243 с.

11. Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург: УрГПУ, 2011. 176 с.

12. Черноухов Э. А. Модернизационная ловушка: Проблема «лишних» грамотных людей на горных заводах Урала в первой половине XIX в. // Наука. Общество. Человек. Вестник УрО РАН. 2014. № 1.

УДК

37(09).09(470.5)

ББК

4403(235.55)61

ГСНТИ 03.23

Код ВАК 94(470)

И.И. Чернышова

Лесной

**ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ ДЛЯ
ВЗРОСЛЫХ ПОВЫШЕННОГО ТИПА НА УРАЛЕ В
1920-Х ГОДАХ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: школа взрослых повышенного типа, общее образование взрослых, сеть школ, положение, государственная политика.

АННОТАЦИЯ. Рассматривается один из этапов становления сети школ взрослых повышенного типа на Урале с 1921 по 1925 гг. Анализируется социальный состав слушателей школ взрослых.

I.I. Chernishova

Lesnoy

**COMPREHENSIVE SCHOOLS FOR ADULTS OF THE
RAISED TYPE IN THE URALS IN THE 1920TH
YEARS**

KEYWORDS: school of adults of the raised type, the general education of adults, network of schools, status state policy.

ABSTRACT. One of stages of formation of a network of schools of adults of the raised type in the Urals with 1921 on 1925 is considered.

Под «образованием взрослых» понимается приобретение знания, умений и навыков, способствующих общему развитию взрослого человека и не являющихся узкоспециальными, профессиональными. Первый этап (1921-1931 гг.) - в развитии системы общего образования взрослых можно разделить на два периода. Первый с 1917 г. по 1921 г. Это период возникновения новых типов общеобразовательных учреждений в связи с революционной перестройкой их на новой идейной основе. Второй этап с 1921 г. по 1931 г. разработка типов общеобразовательных школ и создание системы общего образования взрослых. Новые типы образовательных учреждений отличались коммунистической идейной направленностью, фактическим обеспечением широко доступа образования рабочим и беднейшему крестьянству, большими возможностями повышения общей культуры народа. Максимальным удовлетворением потребностей коммунистического строительства и запросов населения (1. Л. 181).

Общеобразовательными учреждениями первого этапа были пункты ликвидации неграмотности, школы и курсы для малограмотных и школы взрослых повышенного типа (по аналогии с детской «единой трудовой школой» I и II ступеней), школы политграмоты, народные дома, избы-читальни, библиотеки, красноармейские клубы, совпартшколы, коммунистические университеты

Историческое исследование вечернего общего образования взрослых на материале Урала обусловлено специфическими социокультурными условиями ее исторического развития. В статье рассматриваются развитие одного типа общеобразовательной школы для взрослых без отрыва от производства - школы взрослых повышенного типа.

В марте 1921 г. осуществляется переход от «военного коммунизма» к новой экономической политике. Новый учебный год 1920-1921 явился первым годом просветительной работы на

Урале. Произошло переименование внешкольных подотделов в политпросветы, функционировавших при местных Советах. Политика советской власти на местах выработывалась и направлялась органами РКП (б), прежде всего губернскими комитетами партии большевиков. Особое значение имела деятельность агитационно-пропагандистских отделов при губкомах партии. Такие отделы начали создаваться при уездных и районных комитетах РКП (б) на Урале в 1920-1923 гг. (до образования Уральской области (деятельность парткомов четырёх губерний – Екатеринбургской, Пермской, Уфимской и Тюменской) – координировалась Уральским областным бюро Центрального комитета партии. Вотский обком и Оренбургский Губком РКП (б) действовали самостоятельно (1. Л. 180).

В отношении работы на местах наблюдался отход политпросвет учреждений от массовости, что и сказалось при переходе к НЭПУ. Данные по количеству школ взрослых повышенного типа по Пермской и Екатеринбургской губерниям: – в 1920 г. – 18, 1921 г. – 9 (2. Л. 182). свидетельствуют о сокращении учреждений.

Основной причиной сокращения школьной сети в 1921 г. следует считать глубокий экономический кризис послевоенного времени, жесткий натиск НЭПа, при котором большинство школ лишились государственного финансирования, а также голод, который охватил ряд уездов Пермской и Екатеринбургской губерний. В это период доля расходов на народное просвещение в государственном бюджете страны сократилась с 10-11% в начале 1921 г. до 2-3% в 1922 г. (2. Л. 181,182).

На II Всероссийском съезде политпросветов, состоявшемся в 1921 г., было решено: лишь отдельные политико-просветительные учреждения, как совпартшкола и некоторые другие, оставить на госбюджете, а все остальные перевести частично или полностью на местный бюджет (3. Л. 174).

Со второй половины 1921 г. в стране началась реорганизация просветительной работы, связанная с введением новой экономической политики. Вместо централизованного финансирования народного образования основная тяжесть

материального обеспечения просвещения была возложена на местный бюджет. 16 сентября 1921 г. Вышел декрет Совнаркома РСФСР «О мерах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» (4. Л. 182).

Делалась ставка на помощь и активные действия населения, которое в течение этого периода материально и поддержало политпросвет учреждения.

Деятельность по организации работы школ переходит для разрешения на места, где происходит уточнение типов учреждений. Политпросвет учреждения начинают строиться по твёрдо намеченным (определённым бюджетом) сетям (3. Л. 175).

В 1922 г. количество школ взрослых первой и второй ступени было 9, обучавшихся в них 492 человека; в 1923 г. - 16, в них обучалось - 904 человека. В 1924 г. школ взрослых повышенного типа -14 (4. Л. 180-182).

Увеличение количества школ взрослых повышенного типа в 1923 г. свидетельствовало об эффективности, принятых государством мер для восстановления сети образовательных учреждений.

Школы повышенного типа для взрослых работали по утвержденному положению. В августе 1922 г. принято «Положение о школе взрослых повышенного типа», в 1924 г. вышло новое положение. До 1923 г. школы взрослых повышенного типа не имели определенных программ. Согласно положению школы взрослых повышенного типа ставили своей задачей поднятие общеобразовательного уровня и политического развития широких трудящихся масс, выработку в их среде активных и инициативных строителей коммунистического общества (5. Л. 122-124).

Срок обучения в школах взрослых повышенного типа устанавливался 2-3 года. Учебный курс делился на три концентра. Первый давал начальные знания по родному языку, математике естествознанию (с элементами физики и химии), географии, грамоте гражданина (с элементами истории), графической грамоте. Во втором центре сообщались знания общеобразовательного минимума по предметам: родной язык и литература, физика, химия, естествознание, география, всеобщая история. Для тех, кто окончил два концентра и желал

подготовиться в высшую школу или заняться самообразованием, был организован третий концентр (5. Л. 124).

При составлении учебного плана и программ школ взрослых учитывался состав аудитории и связь ее с производством. В промышленных районах она связана с фабриками и заводами, в земледельческих - с сельским хозяйством. Отсюда и два уклона школы: индустриальный и сельскохозяйственный. В школах с индустриальным уклоном в учебный план вводилось машиноведение.

В школе взрослых повышенного типа с индустриальным уклоном, согласно положениями 1922 и 1924 гг., изучались предметы: русский язык и литература, обществоведение, математика и черчение, физика и машиноведение, химия, мироведение и история земли, биология и гигиена. Соотношение между естественными и общественно-политическими курсами составляло 43 и 57% (6. Л. 165).

Методы, применяемые в школах, нацеливались на подготовку не абстрактных теоретиков марксизма и не узких специалистов, а сознательных коммунистов-практиков, умевших ориентироваться в окружающих условиях и текущих событиях. Стержнем в преподавании становилась трудовая деятельность людей. Лекционный метод преподавания оставался в школах, но требовалось переходить к методам, развивающим навыки самостоятельного и коллективного собирания и переработки материала. Такими методами являлись экскурсионный и лабораторный, далтонский план занятий, самостоятельная проработка материала, взятого из жизни или книги. Эти методы помогали учащимся самостоятельно отбирать конкретный материал и через марксистский анализ проработать материал.

Формы работы, применяемые по обязательной программе под контролем руководителя, должны были сочетаться с формами внеучебной работы (политико-просветительной, воспитательной, клубной), что давало возможность вызвать интерес слушателей и развивать коллективные формы работы.

В феврале 1923 г. Главполитпросветом, при непосредственном участии Н.К. Крупской, были выпущены в свет учебные планы, «Сборник программ для школ взрослых

повышенного типа», сборник методических статей «В помощь школе взрослых повышенного типа. Вместо 20 недельных часов школы занимались 36 часов (6. Л. 166).

О количественном росте школ взрослых повышенного типа с 1921 года можно проследить, обращаясь к опубликованным статистическим данным: в Екатеринбургской губернии их было в начале 1921 г. – 5 (учащихся 248) (11), в начале 1923 г. – 5 (учащихся 263), в Пермской губернии – 8 (учащихся 549). В Челябинской – 2 (учащихся 137) (12). В 1923/24 учебном году в Уральской области было 24 школы повышенного типа взрослых и 24 школы политграмоты (7. Л. 163).

С 1923 г. материальная база и финансирование школ взрослых повышенного типа постепенно улучшались, средства эти поступали из местного бюджета.

Материальное содержание школ включало заработную плату педагогическому персоналу за счет местного бюджета. Хозяйственные расходы покрывались из местного бюджета и за счет других источников: прикрепление к хозорганам, профсоюзам, плата за обучение, шефство и т.д. Некоторые школы повышенного типа за отсутствием кредитов перешли на платность и самообложение слушателей (7. Л. 162). 16 сентября 1921 г. вышел декрет Совнаркома РСФСР «О мерах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» (8. Л. 139). В соответствии с ним в городах и иных населённых пунктах при школах и других просветительских учреждениях создавались школьно-хозяйственные советы, ведавшие сбором дополнительных средств и средствами от самообложения. Таким образом, одним из основных источников содержания школ взрослых повышенного типа стало самообложение учащихся.

В циркулярном письме Главполитпросвета (школьный отдел) № 5535 от 18 августа 1923 г. «О комплектовании школ взрослых повышенного типа» в пункте 2 отмечалось что вследствие набора неподходящего кадра учащихся многими школами взрослых повышенного типа в 1922-23 учебном году основная их задача не была выполнена. Они заполнялись элементом, не могущим попасть в рабфаки из-за

непролетарского происхождения, и занимались подготовкой в вузы или в них набиралась люди далеко не подготовленные к прохождению курса, вследствие чего школы должны были создавать подготовительные группы. Предлагалось на новый учебный год создать во всех школах взрослых повышенного типа мандатные комиссии для проверки социального состава учащихся. Принимать следовало в первую очередь: а) членов и кандидатов РКП и членов РКСМ по командировкам парткомов, б) рабочих, занятых физическим трудом на производстве, в) крестьян, занятых земледелием без эксплуатации чужого труда, г) красноармейцев по командировкам политорганов Красной Армии и Флота. Служащие должны были составлять только 20% от всего числа учащихся (9. Л. 214).

В дальнейшем при наборе учащихся в школы взрослых повышенного типа и при обучении учитывался социально-партийный состав. Так, в обращении Агитпропа ЦК и Главполитпросвета 1924 г. ставились задачи для улучшения работы в школах: 1. Пересмотреть состав заведующих школами и преподавателей, назначать на эту должность педагогов-коммунистов и педагогов, близких по своим политическим взглядам и мировоззрением к партии; 2. Со второго семестра 1924-1925 года усилить комплектование школ членами или кандидатами РКП и РКСМ; 3. Установить, как правило, пребывание партийцев и комсомольцев в школах до окончания курса (8. Л. 139).

I Всероссийское совещание работников школ взрослых повышенного типа, проходившее весной 1924 года, сформулировало свою точку зрения на школы взрослых повышенного типа: они должны были окончательно освободиться от чуждых социальных элементов (9. Л. 124).

Требование «орабочения» социального состава курсантов школ взрослых повышенного типа, постоянно переходило из циркуляра в циркуляр, направляемых в школы.

Весной 1923 года Агитпроп ЦК РКП(б) в тезисах «О единой системе школьного просвещения», предложенных XII съезду РКП(б) (17-22 апреля 1923 г.), определил цели и задачи школ повышенного типа: их программы должны были соответствовать программам совпартшкол, но с большим

общеобразовательным уклоном. Тем не менее эти школы не должны были ставить своей целью подготовку в вузы (10. Л. 215).

Таким образом, можно сказать, что первый этап по построению и развитию школ взрослых повышенного уровня сложился успешным. Впервые государство приступило к реализации идеи общего образования взрослых. Эти школы стали важным звеном в поднятии общего культурного уровня народа и решению задач культурной революции.

Источники:

1. ГАСО. Ф. Р- 233. Оп. 1. Д. 770.
2. ГАСО. Ф. Р- 233. Оп. 1. Д. 770.
3. ГАСО. Ф. Р- 233. Оп. 1. Д. 770.
4. ГАСО. Ф. Р- 233. Оп. 1. Д. 770.
5. ГАСО. Ф. Р- 233. Оп. 1. Д. 236.
6. ГАСО. Ф. Р. - 233, Оп. 1. Д. 236.
7. ГАСО. Ф. Р. – 233. Оп. 1. Д. 236.
8. ГАСО Ф.Р. -233. Оп. 1. Д. 236.
9. ГАСО. Ф.Р. -233. Оп. 1. Д. 236.
10. ГАСО. Ф.Р -233. Оп.1. Д. 236.
11. Статистический ежегодник 1921 - 1922 гг. // Труды Центрального Статистического Управления. Том VIII. Вып. 4. М., 1923.
12. Статистический ежегодник 1922-1923 гг. (выпуск I). // Труды Центрального Статистического Управления Том VIII. Выпуск 5. М., 1924.
13. На третьем фронте. 1923. №2 – 3. С. 104.
14. Еженедельник Народного Комиссариата по просвещению. 1923. № 11(40) С. 5-6.

УДК

372.893(470/571)+371.64/69

ББК 4426.632.268.2

ГСНТИ

03.01.45

Код ВАК

07.00.09

М.В. Шистеров

Екатеринбург

**СОВРЕМЕННЫЕ УЧЕБНИКИ И
(НЕ)СОВРЕМЕННЫЕ
ПОДХОДЫ (О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕБНИКОВ ПО
АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древняя Греция, учебник, Античность, Гомер, гомеровский период, «гомеровский вопрос», историография.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются современные отечественные учебники и учебные пособия по истории Древней Греции. На конкретных примерах освещения в учебной литературе т. н. «гомеровской эпохи» показаны некоторые особенности современных подходов к изложению античной истории в учебниках для вузов.

M.V. Shisterov

Yekaterinburg

**MODERN TEXTBOOKS AND (NOT)MODERN
CONCEPTS
(SOME FEATURES OF DOMESTIC TEXTBOOKS
ON ANCIENT
HISTORY)**

KEY WORDS: Ancient Greece, textbook, Antiquity, Homer, Homeric period, "Homeric question", historiography.

ABSTRACT. The article analyzes the modern domestic history textbooks of ancient Greece. On concrete examples ("Homeric Age"), the author showed some features of modern concepts of presentation of ancient history textbooks for high schools.

Проблема современного учебника по истории вновь стала чрезвычайно актуальной в связи с предложенной по

инициативе Правительства РФ новой концепции российской истории, которая, как предполагается, будет положена в основу разрабатываемых под патронажем реформированной Российской академии наук «единых» учебников (по отечественной и зарубежной истории) для средней общеобразовательной школы (такие учебники планируется создать в течение ближайших двух лет). Таким образом, дискуссионный (пока еще) вопрос о том, каким должен быть в содержательном плане школьный учебник по истории, планируется «закрыть» в ближайшем будущем...

А каким должен быть *современный* вузовский учебник по истории?

Как известно, анализ учебной литературы (учебников и учебных пособий) предполагает выделение, как минимум, двух аспектов: методического и содержательного. Не будучи достаточно компетентным в отношении методики (данный вопрос – прерогатива соответствующих специалистов), автор этих строк хотел бы подробнее остановиться на содержательном аспекте учебных текстов. Для анализа нами были отобраны (в соответствии со сферой профессиональных интересов) наиболее авторитетные (как правило, имеющие гриф Министерства образования и науки РФ) и популярные (изданные относительно крупными по современным российским меркам тиражами) учебники для вузов по античной (прежде всего, древнегреческой) истории: 3-е издание классического учебника «Истории Древней Греции» под редакцией В.И. Кузищина (1); авторский двухтомный учебник А.И. Немировского «История древнего мира: Античность» (3); учебное пособие «Древняя Греция», написанное коллективом авторов – специалистов РАН и преподавателей МГУ им. М.В. Ломоносова – С.В. Новиковым, Л.Л. Селивановой и А.В. Стрелковым (4), а также учебное пособие Б.С. Ляпустина, И.Е. Сурикова под таким же названием (2).

Для того чтобы наш анализ был более конкретным (учитывая ограниченный объем статьи), сосредоточим внимание на разделе учебников, посвященном так называемой «гомеровской эпохе», предполискому периоду, или «темным векам».

1. Классический учебник по истории Древней Греции под редакцией профессора В.И. Кузищина является самым многотиражным учебным пособием для вузов. Первое издание этого учебника было создано еще в советский период (в 1986 г.), поэтому неудивительно, что и нынешнее (третье) издание⁵ сохраняет многие черты традиционно присущие отечественному антиковедению: повышенное внимание к социально-экономической проблематике (особенно, проблеме античного рабства), недоверие к новейшим методикам и интерпретациям, существующим в зарубежной науке и т.д.

В русле этого общего подхода излагается и «гомеровская эпоха», нашедшая отражение в 5-й главе данного учебника: «Гомеровский (предполисный) период. Разложение родовых отношений и создание предпосылок полисного строя. XI–IX вв. до н. э.» (написана Ю.В. Андреевым). Автор главы подчеркивает значение поэм Гомера как «важнейшего источника» (краткий пересказ основной фабулы поэм содержится во введении к учебнику, где представлен обзор источников и историографии (1. С. 7–9), но при этом отмечает и важную роль археологических данных (раскопки некрополей). Содержание главы почти полностью сосредоточено на социально-экономической проблематике. На это указывают уже сами заголовки параграфов: «Социально-экономические отношения. Рабство», «Родовые институты и гомеровский полис», «Имущественное и социальное расслоение» (1. С. 76, 80, 83). Вопросы социально-экономического развития разбираются, главным образом, с опорой на текст «Илиады» и «Одиссеи». Культурно-мировоззренческие (в том числе мифолого-религиозные) аспекты «гомеровской эпохи» опускаются (надо полагать, как «надстроечные»). Не нашлось в учебнике места и «гомеровскому вопросу»...

2. Учебник А.И. Немировского⁶, написанный на основе оригинального подхода, предполагающего «слияние

---

⁵ Издание регулярно допечатывается. В настоящей статье ссылки приводятся по стереотипному изданию 2005 г.

⁶ Учебник рекомендован Министерством образования РФ в качестве учебника для студентов высших учебных заведений.

родственных курсов» истории Древней Греции и Древнего Рима в рамках одной «повествовательной и методической структуры», отличаются следующие особенности: комплексный характер предлагаемого студенту фактологического материала (греческий, римский, этрусский и пр.); стремление «приблизить» источниковедческую и историографическую проблематику к конкретно-историческим сюжетам (историографический материал «перенесен в главы, трактующие наиболее значимые и дискуссионные проблемы»); отказ от традиционной периодизации древнегреческой истории в пользу «синхронного изложения истории античного Средиземноморья»; своеобразный стиль изложения, «рассчитанный не только на логическое, но и на образное восприятие» (3. С. 5–8).

История «гомеровского периода» отражена в 6-й главе 1-го тома, которая называется «“Темные века” и переселение народов (XI–IX вв. до н. э.)» (3. С. 91–105). Кроме того, гомеровский эпос отдельно рассматривается в главе 11-й «Античный человек в мире литературы, науки и искусства» (3. С. 200–202). При этом следует сразу отметить, что автор не использует термины «гомеровский период» или «гомеровская эпоха». Текст 6-й главы учебника практически полностью построен на современных археологических и этнолингвистических реконструкциях миграций народов Восточного и Западного Средиземноморья XI–IX вв. до н. э. (гомеровский эпос в тексте главы почти не упоминается и не выделяется из «греческой мифологической традиции»). Сосредоточившись на истории миграций, реконструкция которых носит во многом гипотетический характер (что в учебнике, кстати, почти не оговаривается), А.И. Немировский, по-видимому, сознательно отказался от анализа т. н. «гомеровского общества» как в социально-экономическом (что является традиционным для отечественной литературы подходом), так и культурно-мировоззренческом плане. Любопытно в этой связи отметить небольшой раздел рассматриваемой главы (около страницы текста), названный «Троянское поветрие» (3. С. 98–99), в котором автор отмечает удивительно широкое и довольно быстрое распространение в

средиземноморской ойкумене гомеровских поэм, оказавших глубокое влияние на культурно-историческую память народов древнего Средиземноморья. Впрочем, автор подобных терминов («культурная память» и пр.) не использует, предпочитая говорить о «микробах» и «болезнях»: «Микробы “тroyанского поветрия” оказались очень живучими... Каждая болезнь имеет свои причины. Причиной “тroyанского поветрия”, распространенного в Италии, стало честолюбие, присущее не только отдельным людям, но и целым народам, стремившимся обрести почетное родство и сделать свою историю более древней» (З. С. 99). Это очень важное наблюдение автора учебника, к сожалению, остается не ясным неподготовленному читателю, так как в тексте не дается никаких пояснений, почему именно «родство» с Гомером (как эпической традицией) было «почетным» для обитателей Средиземноморья. Не понятными для читателя учебника А.И. Немировского останутся и причины столь важного и даже уникального положения гомеровского эпоса как в греческом мире (особенно!), так и за его пределами (Македония, Рим и т. д.). Показательно, что и в разделе 11-й главы, специально посвященном Гомеру как литературному памятнику, А.И. Немировский не удержался от того, чтобы покритиковать великого аэда за слабое знание описываемых в эпосе исторических реалий микенского времени и неверную «этническую картину Балканского полуострова», однако не нашел возможности пояснить читателю определяющую роль поэм Гомера в мировосприятии древних греков. С итоговым выводом автора учебника трудно не согласиться: «...без Гомера, кем бы он ни был – единственным автором, двумя или даже целой корпорацией певцов, не состоялось бы то, что мы называем античной литературой и, более широко, античной культурой» (З. С. 201). Однако понять, почему это так (!), из учебника А.И. Немировского очень сложно. В целом, автор учебного текста склонен рассматривать поэмы Гомера скорее как «произведение искусства», чем как исторический источник (З. С. 202).

3. Совершенно иной подход к древнегреческой истории (и «гомеровской эпохе» в частности) предложен авторами учебного пособия «Древняя Греция», выполненного в рамках

проекта РАН (руководитель проекта – акад. А.О. Чубарьян). В основу учебного пособия положен принцип синтеза «целостности и дискретности», что предполагает, с точки зрения авторов, «три уровня изложения исторического материала – общее, особенное и конкретное... Сначала дается общий очерк того или иного исторического периода или явления, потом идет рассказ о связанных с ним отдельных событиях, которые далее конкретизируются на уровне исторических портретов, сюжетов о произведениях искусства, предметах материальной культуры, мифах и пр.» (4. С. 19). Как этот принцип воплощен применительно к конкретному материалу? Вновь обратимся к «гомеровской эпохе»...

Написанная Л.Л. Селивановой глава 4-я «Темные века (XI–IX вв. до н. э.)» занимает около 17 % текста пособия (95 страниц!) (4. С. 65–160)⁷. Это тем более замечательно, что уже на первой странице автор пишет: «Мы практически не знаем, что происходило в Греции в течение этих трех столетий» (4. С. 65). О чем же 95 страниц текста? Сначала читателю предлагается краткий экскурс об общих тенденциях развития Греции в «гомеровскую эпоху» (включая археологическую периодизацию на основе типов керамики). Затем рассказывается про греческий алфавит и предлагается социально-экономическая характеристика «гомеровского общества». В отличие от «внешней» динамичной картины перемещений племен и народов Средиземноморья, которая составляет основу соответствующей главы в учебнике А.И. Немировского, образ общества, рисуемый Л.Л. Селивановой, обращен к «внутренней» истории гомеровской Греции и почти статичен. При этом намного большее внимание уделяется гомеровским поэмам как историческому источнику: «...основными источниками по этому времени являются поэмы великого Гомера» (4. С. 72–73). Отдельно и весьма подробно рассматривается т. н. «гомеровский вопрос» (с упоминаниями И.В. Гете, Г.В.Ф. Гегеля, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского и др.). При этом подробное рассмотрение спора

---

⁷ Для сравнения в учебнике А.И. Немировского соответствующая глава занимает менее 4% всего текста учебника (16 страниц).

«аналитиков» и «унитариев» XIX в. завершается туманной фразой о том, что «проблема происхождения гомеровских поэм не решена окончательно и сейчас, несмотря на море научной литературы на эту тему» (4. С. 82). Более чем странно, что при столь подробном обзоре «гомеровского вопроса» в науке и литературе *позапрошлого* столетия, Л.Л. Селиванова не нашла возможности хотя бы мельком упомянуть о серьезных достижениях гомероведения XX в.: «новом унитаризме» В. Шадевальдта, «устной теории» М. Пэрри – А. Лорда и пр. (Вообще, следует отметить, что авторы указанного пособия почти полностью отказались от рассмотрения историографии представленных в учебнике сюжетов античной истории. Если же историографическая составляющая все-таки находит какое-то отражение, применительно к той или иной конкретной проблеме (как в случае с «гомеровским вопросом»), то речь идет не более чем о «классических работах» XIX – первой половины XX вв.). Большая же часть рассматриваемой главы посвящена двум аспектам: прозаическому пересказу фабулы гомеровских «Илиады» и «Одиссеи» с сопутствующими сюжетами (более 17 страниц текста) и подробному описанию греческой мифологии от крито-микенского времени до классической эпохи (около 60 страниц!). В целом, учебное пособие оставляет впечатление скорее не учебника для студента (призванного обозначать проблемы и показывать – через историографические и источниковедческие сюжеты – возможные пути их разрешения), а своего рода справочника для школьного учителя, где приводится большое количество фактологического материала, который подается в монологическом ключе, в отрыве от историографической проблематики.

4. Одним из наиболее удачных пособий по древнегреческой истории, по нашему мнению, является книга Б.С. Ляпустина и И.Е. Сурикова⁸. Пособие рассчитано на студентов, которые «углубленно изучают историю Древнего

---

⁸ Пособие рекомендовано Научно-методическим советом по истории Министерства образования и науки РФ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 020700 «История».

мира на исторических факультетах вузов». Авторы прокламируют «цивилизационный подход к освещению истории Древней Греции», излагают материал, а также дают датировку событий «с учетом новейших данных как отечественной, так и зарубежной науки» (2. С. 5). Свою задачу Б.С. Ляпустин и И.Е. Суриков видят в том, чтобы «не только дать традиционное описание событий, но и, предлагая учащимся сравнивать и сопоставлять различные точки зрения, заложить основы исторического мышления, необходимого специалисту в области гуманитарных наук» (2. С. 6).

Гомеровский период освещается в 6-й главе указанного пособия (написана Б.С. Ляпустиным). Автор главы исходит из того, что именно поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» «являются основным источником по данной эпохе» (2. С. 110). В то же время, подчеркивается возрастающее значение археологических источников, а также акцентируется главная тенденция эпохи – формирование условий для складывания полиса (2. С. 112–113, 125–126). Основное внимание читателя сосредотачивается на хозяйственно-экономической и социальной структуре «гомеровского общества» (что указывает, между прочим, на фактический приоритет социально-экономической истории, а не культурно-цивилизационной, как декларируют авторы пособия во введении). Для этого Б.С. Ляпустин прибегает к анализу гомеровского эпоса (с цитатами фрагментов поэм в качестве иллюстраций). Такой подход позволяет автору пособия, с одной стороны, дать студенту-читателю определенное представление о гомеровском эпосе как историческом и литературном памятнике, а с другой – выгодно отличается от упрощенного и вынужденно многословного пересказа общего сюжета «Илиады» и «Одиссеи»⁹. Последняя часть основного текста главы посвящена культуре гомеровской Греции, которая излагается также в аналитическом ключе (без подробного описания мифов и т.п.). Завершается глава весьма лапидарным историографическим обзором, в котором фигурирует только два имени – отечественного исследователя Ю.В. Андреева и английского ученого Дж. Томпсона. В

---

⁹ См. выше.

положительном смысле следует отметить освещение в пособии «гомеровского вопроса», в котором, помимо классиков XIX в., отмечается «важный вклад» зарубежных и отечественных ученых XX столетия М. Пэрри, А. Лорда, Р.В. Гордезиани. К сожалению, этот «вклад» никак не конкретизируется. Тем не менее, именно пособие Б.С. Ляпустина и И.Е. Сурикова представляется нам наиболее отвечающим требованиям, которым должен соответствовать вузовский учебник по истории начала нового тысячелетия.

Таким образом, для *всех* рассмотренных современных отечественных вузовских учебников по античной (древнегреческой) истории характерны в большей или меньшей степени следующие особенности:

Во-первых, невнимание к источниковедческой и историографической составляющим исторического образования. Вряд ли в условиях современного информационного общества можно считать успешным учебник по истории, предлагающий лишь изложение (с большей или меньшей степенью подробности) фактического материала, без указания на дискуссионные вопросы, проблематичность источников, современные гипотезы и интерпретации исследователей.

Во-вторых, характерная для отечественных учебников «монологическая» манера изложения учебного материала, не предполагающая дискуссионности, предоставления читателю-студенту возможности осуществить обоснованный выбор между различными интерпретациями.

Наконец, чрезмерный, по нашему мнению, консерватизм в подходах и оценках (что, между прочим, выливается в не достаточное внимание авторов учебников к достижениям современной зарубежной историографии).

Источники:

1. История Древней Греции: Учеб. / Ю.В. Андреев, Г.А. Кошеленко, В.И. Кузицин, Л.П. Маринович; Под ред. В.И. Кузицина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 2005.
2. Ляпустин Б.С., Суриков И.Е. Древняя Греция: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2007.

3. Немировский А.И. История древнего мира: Античность: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. Ч. 1.

4. Новиков С.В., Селиванова Л.Л., Стрелков А.В. Древняя Греция: учеб. пособие для вузов. М.: Астрель, АСТ, ХРАНИТЕЛЬ, 2006.

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
ПЛЕНАРНОЕ ЗАЕДАНИЕ:**

<p>ПОБЕРЕЖНИКОВ Игорь Васильевич</p>	<p>кандидат исторических наук, зав.сектором методологии и историографии, Институт истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16 e-mail : pober@r66.ru</p>
<p>ЗУБКОВ Константин Иванович</p>	<p>кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора методологии и историографии, Институт истории и археологии УрОРАН адрес: 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16 e-mail : ia-history@mail.ru</p>
<p>СОКОЛОВА Елена Станиславовна</p>	<p>кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, Уральская государственная юридическая академия адрес: 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54 e-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru</p>
<p>КОРНИЛОВ Геннадий Егорович</p>	<p>доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Уральский государственный педагогических университет адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail: genakorn@mail.ru</p>
<p>АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна</p>	<p>доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Нижневартровский государственный гуманитарный университет адрес: 628605 г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56 e-mail : lvalexeeva@mail.ru</p>
<p>НОВИКОВ Игорь Александрович</p>	<p>кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и методики преподавания истории ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет» (ЧГПУ), исторический факультет адрес: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69 e-mail: novikovia69@mail.ru</p>

**РАЗДЕЛ 1. Актуальные проблемы современного учебника
по отечественной истории**

<p>ГОРБАЧЕВ Олег Витальевич</p>	<p>доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики обучения истории, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail: og_06@mail.ru</p>
<p>ГРИБАН Ирина Владимировна</p>	<p>кандидат исторических наук, Уральский государственный педагогический университет адрес: г. Екатеринбург, ул. Даниловская, 7, кв. 87. e-mail: gribanirina@gmail.com</p>
<p>ДАРЕНСКАЯ Ирина Викторовна</p>	<p>кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и права, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия адрес: 622036, г. Нижний Тагил, Красногвардейская, 57 e-mail : ivilinych@mail.ru</p>
<p>ДЕМИНА Юлия</p>	<p>аспирантка Института истории и археологии УрО РАН адрес: 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16</p>
<p>ЗЕМЦОВ Владимир Николаевич</p>	<p>доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail : vladimirzentsov@yandex.ru</p>
<p>КРУГЛИКОВА Галина Александровна</p>	<p>кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru</p>
<p>КУЗЬМИНА Анна Павловна</p>	<p>кандидат исторических наук, Институт истории и археологии УрОРАН адрес: 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16 e-mail : annakyzm@ya.ru</p>
<p>КУСКОВ Сергей Александрович</p>	<p>кандидат исторических наук, ведущий археограф Объединённого государственного архива Челябинской области адрес: Челябинск, Свердловский проспект, 30а, кабинет 13 e-mail : info@archive74.ru</p>

<p>ЛЕШУКОВА Елена Владимировна</p>	<p>учитель истории, муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение гимназия № 4 г. Сургут ХМАО-Югра адрес: ул. Просвещения 50, г. Сургут Ханты-Мансийский автономный округ – Югра e-mail : gim4@admsurgut.ru</p>
<p>МАЙБУРОВА Саида Алимурадовна</p>	<p>студентка магистратуры 1 курса кафедры истории России Нижневартовского Государственного Университета e-mail: muradova_saida@mail.ru</p>
<p>МЕЗЕНЦЕВ Виктор Федорович</p>	<p>кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, теории и методики обучения социально-гуманитарного института, Нижнетагильская социально-педагогическая академия адрес: 622031, Н-Тагил, Красногвардейская, 57 e-mail : vicmir10@gmail.com</p>
<p>МЕЛЬНИКОВА Анна Михайловна</p>	<p>учитель истории, муниципальная казенная общеобразовательная школа-интернат общеобразовательная школа-интернат основного общего образования ГО Красноуфимск адрес: 623300 Свердловская область, г. Красноуфимск, ул. Высокая, 14 e-mail: 523006@mail.ru</p>
<p>МЕЛЬНИКОВА Наталья Викторовна</p>	<p>кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук адрес: г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16 e-mail: melnatvik@mail.ru</p>
<p>НАЧАПКИН Максим Николаевич</p>	<p>кандидат исторических наук, доцент кафедры Делопроизводства и правового обеспечения РГППУ Российского государственного профессионально-педагогического университета адрес: 620012, г.Екатеринбург, ул.Машиностроителей, 11</p>
<p>ОСТРОВКИН Денис Леонидович</p>	<p>студент 5 курса исторического факультета, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru</p>

ПАВЛОВА Яна Владимировна	аспирантка Института истории и археологии УрО РАН, учитель истории и обществознания МАОУ СОШ № 208 г. Екатеринбург адрес: г. Екатеринбург, ул. Московская, 217, к. 332. e-mail: tushkanelli@mail.ru
ПОПП Иван Александрович	кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail: popp82@mail.ru
ПОСТНИКОВА Алена Александровна	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail : alina33_07_87@mail.ru
ТРИФОНОВ Александр Николаевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и культурологи Институт международных связей адрес: 620141, г.Екатеринбург, ул.С. Перовской, 115
ТРОФИМОВ Андрей Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры общей и экономической истории, Уральский государственный экономический университет e-mail : 2519612@rambler.ru
ФЕЛЬДМАН Михаил Аркадьевич	доктор исторических наук, профессор Уральского института – филиала РАНХ и ГС e-mail : feldman-mih@yandex.ru
ЧЕРЕЗОВА Оксана Геннадьевна	кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный лесотехнический университет адрес: г. Екатеринбург, Сибирский тракт 37 e-mail: okssch@mail.ru
ЧЕРНОУХОВ Эдуард Анатольевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г.Екатеринбург, пр.Космонавтов, 26 e-mail: echernoukhov@yandex.ru

<p>ЧЕРНЫШЕВА Инна Ивановна</p>	<p>учитель истории и обществознания в МБВСОУ "Вечерняя (сменная) общеобразовательная школа № 62". e-mail: inna_milena@mail.ru</p>
<p>ШИСТЕРОВ Максим Валерьевич</p>	<p>кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26 e-mail: mshisterov@rambler.ru</p>

ABOUT THE AUTHORS

Plenary session

<p>POBEREZHNIKOV Igor Vasilyevitch</p>	<p>Candidate of Historical Sciences, Holder of Sector of Methodology and historiography, Institute of History and Archaeology of Ural branch of the Russian Academy of Sciences адрес: 620990 Yekaterinburg , Sofii Kovalevskoy, 16 e-mail : pober@r66.ru</p>
<p>ZUBKOV Konstantin Ivanovitch</p>	<p>Candidate of Historical Sciences, Senior Research Worker of Sector of Methodology and historiography, Institute of History and Archaeology of Ural branch of the Russian Academy of Sciences адрес: 620990, Yekaterinburg , Sofii Kovalevskoy, 16 e-mail : ija-history@mail.ru</p>
<p>SOKOLOVA Elena Stanislavovna</p>	<p>Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of State and Law History, Ural State Judicial Academy адрес: 620034, Yekaterinburg, Kolmogorova st., 54 e-mail: vladimirzemtsov@yandex.ru</p>

KORNILOV Gennady Yegorovitch	Doctor of Historical Sciences, Professor, Holder of a Chair of Russian History, Ural State Pedagogical University адрес: 620017, Yekaterinburg, Cosmonaut pros , 26 e-mail: genakorn@mail.ru
ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna	Doctor of Historical Sciences, Professor of chair of Russian history, Nignevertovsk state humanitarian University адрес: 628605, Nignevertovsk, Lenina st., 56 e-mail : lvalexeeva@mail.ru
NOVIKOV Igor Aleksandrovitch	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of Russian History and methods of teaching History, Chelyabinsk State Pedagogical University адрес: 454080 Chelyabinsk, Lenina prosp./ 69 e-mail : novikovia69@mail.ru
SECTION 1. Actual problems of the modern textbook national history	
GORBATCHEV Oleg Vitalievitch	Doctor of Historical Sciences, Professor of Chair for theory and methods of History, Ural State Pedagogical University. адрес: 620017, Yekaterinburg, Cosmonaut pros., 26 e-mail: og_06@mail.ru

Griban Irina Vladimirovna	Candidate of Historical Sciences, Ural State Pedagogical University Address: Ekaterinburg, ul. Danilov, 7, Apt. 87. e-mail: gribanirina@gmail.com
DARENKAYA Irina Viktorovna	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of Documental management and law, Nizhnetagilsk State socio-pedagogical Academy адрес: 622036, Nizhny Tagil, Krasnogvardeyskaya, 57 e-mail : ivilinych@mail.ru
Demina Julia	graduate student of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS Address: 620990, Moscow, ul. S. Kovalevskaya, 16
ZEMTSOV Vladimir Nikolaevitch	Doctor of Historical Sciences, Professor, Holder of Chair of Foreign History, Ural State Pedagogical University адрес: 620017, Yekaterinburg, Cosmonaut pros, 26 e-mail : vladimirzentsov@yandex.ru
KRUGLIKOVA Galina Aleksandrovna	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of Russian History, Ural State Pedagogical University адрес: 620017 Yekaterinburg, Cosmonaut pros, 26 e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru
KUZMINA Anna Pavlovna	Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences Address: 620990, Yekaterinburg , ul. S. Kovalevskaya, 16 e-mail: annakyzm@ya.ru

Kuskov Sergey Aleksandrovitch	Candidate of Historical Sciences, a leading archaeographer Joint State Archive of Chelyabinsk region Address: Chelyabinsk, Sverdlovsk Avenue, 30a, office 13 e-mail: info@archive74.ru
Leshukova Helena Vladimirovna	history teacher, municipal budgetary educational institution Gymnasium № 4 Surgut-Yugra Khanty-Mansi Autonomous Address: ul. Education 50, Surgut, Khanty-Mansi Autonomous Area - Yugra e-mail: gim4@admsurgut.ru
MAYBUROVA Saida Alimuradovna	Master student at the Department of History Course 1 Russia Nizhnevartovsk State University e-mail: muradova_saida@mail.ru
Mezencev Victor Fedorovich	candidate of historical sciences, associate professor of history, theory and methods of teaching social and humanitarian Institute, Nizhny Tagil socio-pedagogical academy Address: 622 031, N-Tagil, Red Guard, 57 e-mail: vicmir10@gmail.com
MELNIKOVA Anna Mikhailovna	History Teacher, Municipal state boarding-school providing of general education of Krasnoufimsk адрес: 623300 Sverdlovsk region, Krasnoufimsk, Vysokaya st./14 e-mail: 523006@mail.ru
MELNIKOVA Natalia Viktorovna	Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Address: Ekaterinburg, ul. Kowalewski, 16 e-mail: melnatvik@mail.ru
NACHAPKIN Maxim Nikolaevich	candidate of historical sciences, associate professor of paperwork and legal provision RGPPU Russian State Vocational Pedagogical University Address: 620012, Ekaterinburg, ul.Mashinostroiteley 11

<p>OSTROVKIN Denis Leonidovich</p>	<p>5th year student of historical faculty of Ural State Pedagogical University Address: 620017, Ekaterinburg, pr.Kosmonavtov 26 e-mail: ostrovkin.denis@yandex.ru</p>
<p>Pavlova Jana Vladimirovna</p>	<p>graduate student of the Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, a teacher of history and social Sfax school № 208 of Yekaterinburg Address: Ekaterinburg, ul. Moscow, 217, k. 332. e-mail: tushkanelli@mail.ru</p>
<p>POPP Ivan Aleksandrovitch</p>	<p>Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Educational Work, Ural State Pedagogical University адрес: 620017, Yekaterinburg, Cosmonaut pros, 26 e-mail: popp82@mail.ru</p>
<p>Postnikova Alena Alexandrovna</p>	<p>Candidate of Historical Sciences, starshiy.prepodavatel Department of General History, Ural State Pedagogical University Address: 620017, Ekaterinburg, pr.Kosmonavtov 26 e-mail: alina33_07_87@mail.ru</p>
<p>TRIFONOV Alexander Nikolaevich</p>	<p>Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies Institute of International Relations Address: 620141, Ekaterinburg, ul.S. Perovskite, 115</p>
<p>Trofimov Andrew Vladimirovich</p>	<p>Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General and Economic History, Ural State University of Economics e-mail: 2519612@rambler.ru</p>

FELDMAN Michael Arcadievich	Doctor of History, Professor of the Ural Institute - a branch Ranh and HS e-mail: feldman-mih@yandex.ru
Cherezova Oksana Gennadievha	candidate of historical sciences, Ural State Forestry University Address: Ekaterinburg, Siberian highway 37 e-mail: okssch@mail.ru
CHERNOUKHOV Eduard Anatolievitch	Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of Chair of Russian History, Ural State Pedagogical University адрес: 620017, Yekaterinburg, Cosmonaut pros, 26 e-mail: echernoukhov@yandex.ru
CHERNYSHOVA Inna Ivanovna	teacher of history and social studies in MBVSOU "evening (shift) school № 62". e-mail: inna_milena@mail.ru
SHISTEROV Maxim Valerievich	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, Ural State Pedagogical University Address: 620017, Ekaterinburg, etc.. Cosmonauts, 26 e-mail: mshisterov@rambler.ru

